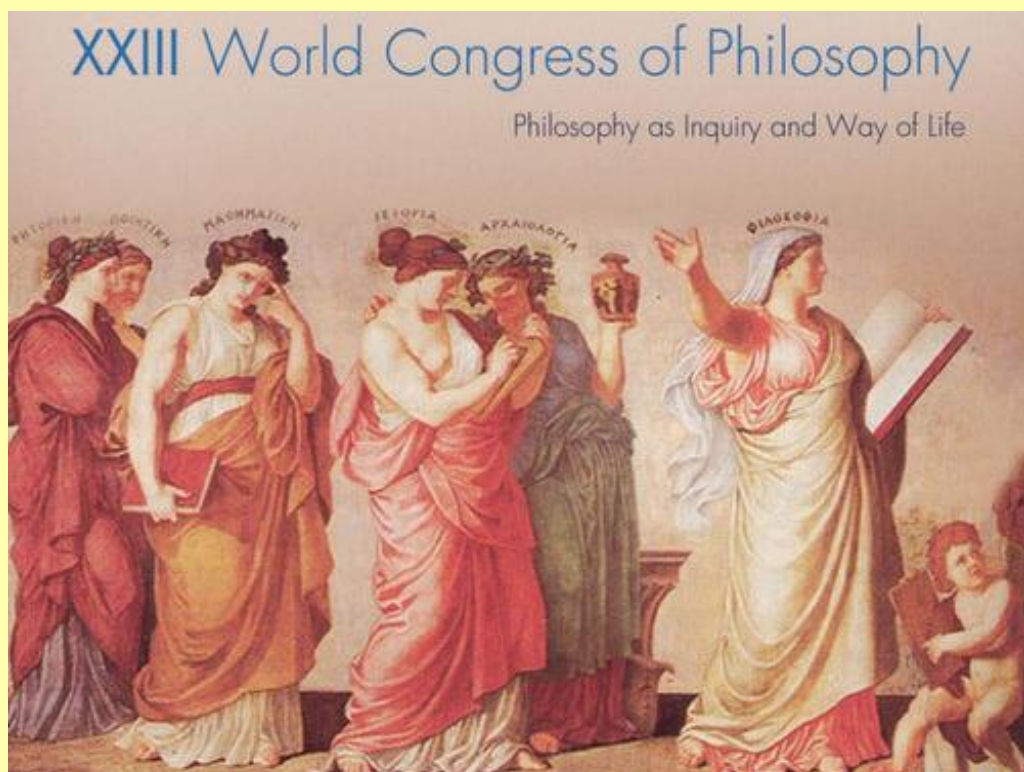
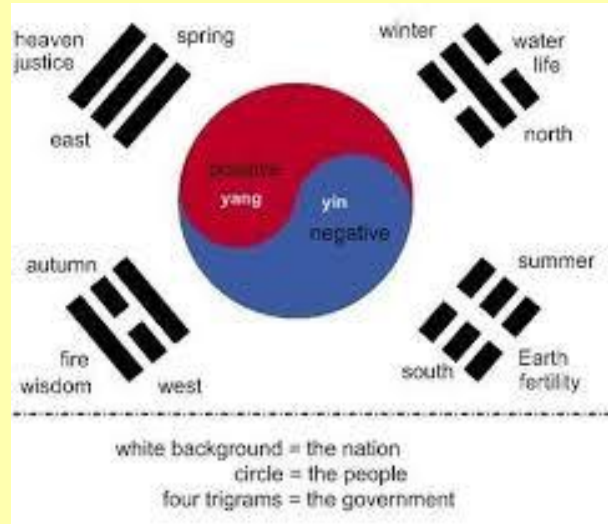
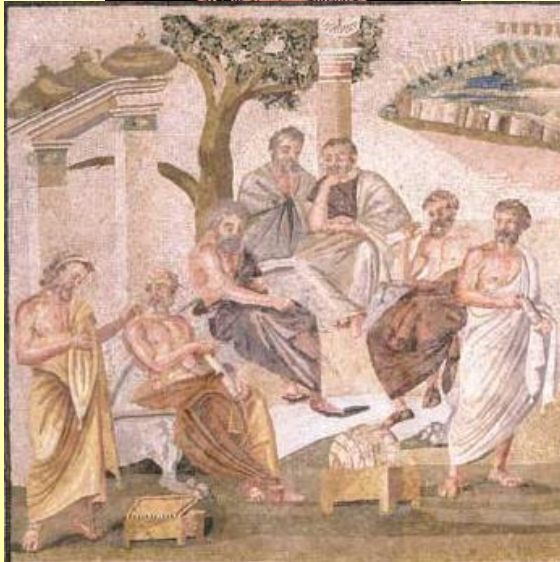

ФИЛОСОФИЯ

УДК: 1/14(075.8)

Тюгашев Е.А.

Философия: учебное пособие. – Новосибирск, 2016. – 320 с.

В учебном пособии рассматриваются основные разделы и категории мировой философии. Приведены примеры философской интерпретации правовых явлений.

Учебное пособие предназначено для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
I. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	11
1. Любовь к мудрости	11
2. Онтология	40
3. Аксиология	63
4. Телеология	91
5. Методология	120
II. ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ	148
6. Феноменология	148
7. Гносеология	170
8. Праксеология	197
9. Герменевтика	219
10. Экзистенциализм	239
11. Постмодернизм	267
Заключение	289
Приложения	292

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
I. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	11
1. Любовь к мудрости	11
1.1. Понятие философии	11
1.2. Мудрость и глупость	15
1.3. Удивление – начало философии	18
1.4. Рефлексия	21
1.5. Софисты	25
1.6. Формации философской мысли	28
1.7. Универсум философской деятельности	30
1.8. Польза и вред философии	35
2. Онтология	40
2.1. Понятие онтологии	40
2.2. Стихийный материализм	42
2.4. Солипсизм	45
2.4. Пифагореизм	48
2.5. Элейская школа	50
2.6. Атомизм	53
2.7. Платонизм	56
2.8. Метафизика Аристотеля	59
3. Аксиология	63
3.1. Понятие аксиологии	63
3.2. Субъект и объект	66
3.3. Монизм и плюрализм	69
3.4. Связь и отношение	73
3.5. Мера	77
3.6. Качество и количество	80
3.7. Пространство и время	82

3.8. Учение о развитии	86
4. Телеология	91
4.1. Понятие телеологии	91
4.2. Причинность	94
4.3. Случайность и необходимость	98
4.4. Акциденция и субстанция	103
4.5. Действительность и возможность	107
4.6. Целое и часть	110
4.7. Форма и содержание	114
4.8. Перфекционизм	117
5. Методология	120
5.1. Понятие методологии	120
5.2. Символический метод	123
5.3. Тожество и различие	126
5.4. Антитетический метод	130
5.5. Медиация	134
5.6. Эклектика	137
5.7. Диалектика	141
5.8. Системный подход	143
II. ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ	148
6. Феноменология	148
6.1. Понятие феноменологии	148
6.2. Сущность и явление	151
6.3. Закон достаточного основания	153
6.4. Учение о вещи-в-себе	155
6.5. «Феноменология духа» Гегеля	158
6.6. Учение о горизонте	161
6.7. Перспективизм	164
6.8. Интерсубъективность	166

7. Гносеология	170
7.1. Понятие гносеологии	170
7.2. Сенсуализм	173
7.3. Эмпиризм	177
7.4. Рационализм	179
7.5. Скептицизм	183
7.6. Проблема универсалий	186
7.7. Истина и заблуждение	190
7.8. Прагматизм	193
8. Праксеология	197
8.1. Понятие праксеологии	197
8.2. Аскетика	201
8.3. Недеяние	203
8.4. Утешение философией	205
8.5. Йога	208
8.6. Хитрость разума	210
8.7. Великое делание	213
8.8. Делание добра	215
9. Герменевтика	219
9.1. Понятие герменевтики	219
9.2. Смысл	221
9.3. Экзегеза	223
9.4. Герметизм	226
9.5. Герменевтический круг	228
9.6. Импликация и экспликация	231
9.7. Интерпретация	233
9.8. Объяснение	237
10. Экзистенциализм	239
10.1. Понятие экзистенциализма	239

10.2. Абсурд	243
10.3. Бытие-в-мире	245
10.4. Пограничная ситуация	249
10.5. Ориентация на историчность	253
10.6. Осевое время	256
10.7. Коммуникация	258
10.8. Экзистенциальная терапия	262
11. Постмодернизм	267
11.1. Понятие постмодернизма	267
11.2. Интертекстуальность	269
11.3. Децентрация и деконструкция	272
11.4. Ризома	275
11.5. Номадология	276
11.6. Шизоанализ	281
11.7. Гиперреальность	284
11.8. Общество спектакля	286
Заключение	289
Приложения	292
Приложение А. Персоналии	293
Приложение В. Основные разделы философии и философские дисциплины	297
Приложение С. Основные школы, направления и течения в философии	299
Приложение Д. Глоссарий	304
Приложение Е. Законы философии	310
Приложение Ф. Популярная философская литература	317

ВВЕДЕНИЕ

Философия – один из способов практически-духовного освоения мира. К таким способам кроме философии еще относят язык, искусство и науку, утопию, мифологию, религию и эзотерику. Они имеют общую структуру, которая включает практическую и духовную деятельность, причем последняя осуществляется как на обыденном, так и на специализированном, профессиональном уровнях. Коренные перемены в развитии способов практически-духовного освоения мира – это духовно-практические революции, из которых наиболее известны Реформация, Просвещение и научно-техническая революция.

Предмет философии – мир. Слово «мир» имеет спектр значений – от полной событий вселенной до спокойствия среди людей. Симфония этих значений позволяет интерпретировать мир как мир, а не как войну и распрю. Метафора мира является базовой для философии, а достигаемое ею понимание мира становится основой миротворческой деятельности.

Как способ освоения мира философия по содержанию энциклопедична. Контекст ее вопросов и вариантов ответов подразумевает знакомство с всемирной (в смысле – всего мира) историей всего, в т. ч. других способов освоения мира. Это означает и готовность обсуждать с определенной степенью компетентности любой вопрос, так как он всегда имеет философское измерение.

Философия развивается множеством школ и течений, которые по-разному представляют «мирность мира». Не все эти философские представления для вас приемлемы. Но они значимы для других людей. Поэтому важно принять их во внимание, а для своего бытия-в-мире – создать личную философию.

У истоков любой философии находится личность, проблематизирующая и утверждающая свою индивидуальность в практически осваиваемом мире. Личная философия формируется в переживании мира и концептуали-

зации опыта, в его сборке и дискурсивном выражении в универсализируемых интуициях, оценках и принципах. Когда вы становитесь свободнее в мире и спокойнее, то ваша философия состоялась.

Философа часто сравнивали с разведчиком, испытывающим новые способы жить. Иногда с диверсантом, подрывающим устои предложениями уточнить понятия. Кроме того, он – контрразведчик, раскрывающий истину того, что кажется. Поскольку философия маркируется создавшей ее личностью, то при изучении философии крайне важны не общие положения, а имена (персоналии), пароли (знаменитые высказывания и девизы) и явки (когда и где это было сказано), и что по этому поводу можно сказать или спрашивать далее.

При разноголосице мнений и различиях в терминах философы, в общем-то, говорят на одном универсальном языке – языке Платона. Соглашаясь с Платоном или оспаривая его, мы продолжаем стихию философской жизни и делаем свою жизнь философской в каких-то ее аспектах.

История нашей жизни – это в известном смысле история нашей философии и тем самым – история философии всемирной. Мы множеством нитей связаны с мировой философией через естественный язык, духовную культуру общества, его институты и материально-вещественный мир. После многократного преломления мировая философия фокусируется в нас, вызывая удивительные эффекты, над которыми могут призадуматься люди. Каждый может сказать: «Удивительный я человек!» – и будет поводом для философствования окружающих.

Приступая к изучению философии, студенты уже имеют первоначальные и довольно основательные сведения об ее истории и содержании из школьных курсов обществознания, истории и литературы. Предлагаемый учебное пособие ориентировано на студентов, изучающих право.

Категории философии используются в понятиях «правовая реальность», «сущность государства» и «сущность права», «форма государства» и «форма права», «субъект права» и «объект права», «система права» и «пра-

вовая система», «юридическая практика» и «юридические факты» и др. Для понимания содержания этих понятий требуется предельная бдительность и осторожность, так как неоднозначность философских трактовок определяет широкое поле интерпретаций.

Примечательно, что большая часть знаменитых философов (Цицерон, св. Августин, М. Монтень, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Юм, Г. Лейбниц, К. Маркс, В.И. Ленин, Н.А. Бердяев и многие другие) имели юридическое образование. Конкретные потребности права – полемики и установления истины в суде, разработки и толкования законов, выявления причин преступности – стимулировали философский поиск. Поэтому основные положения философии необходимо рассматривать в перспективе их применения в правовой деятельности.

I. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. ЛЮБОВЬ К МУДРОСТИ

Понятие философии. – Мудрость и глупость. – Удивление – начало философии. – Рефлексия. – Софисты. – Историко-философские формации. – Универсум философской мысли. – Польза и вред философии.

1.1. Понятие философии

Философия (φιλία — любовь, стремление, жажда + σοφία — мудрость → др.-греч. φιλοσοφία) есть любовь к мудрости. Кто не любит мудрость? У каждого есть какое-нибудь излюбленное изречение, при помощи которого он находит выход из беспокоящих его ситуаций. Царь Соломон успокаивался, созерцая на своем кольце надпись «Все пройдет».

При недолгом размышлении это простое изречение позволяло обратить внимание на то: когда и откуда это пришло? когда и куда пройдет? с кем и как пройдет? где пройдет, а где нет? почему пришло и отчего пройдет? просто так пришло и просто так пройдет? само пройдет или необходимо помочь? Изречение навевало и попутные вопросы: Действительно все пройдет, или пройдет только что-то? Если все пройдет, то и я пройду вместе с ним? Если все уйдет со всем, то все и останется? Если все куда-то пройдет, то что останется там, откуда все ушло? Все пройдет совсем или пройдет обратно? Если все пройдет, то это все является прямо- или как-то иначе ходящим?

Французский философ Мишель Монтень (1533–1592, г. Бордо) сетовал «Мы задаем один вопрос, а вместо ответа получаем их целый рой» («Опыты», 1580). О безмерности философских вопросов с досадой говорил стоик Сенека (4 до н. э., Кордуба – 65 н.э., Рим): «И об одной только душе нет числа вопросам: откуда она? какова она? Когда возникает? как долго существует? переходит ли с места на место, меняет ли обиталища, перебрасываемая во все новые виды одушевленных существ? или ей суждено только однократное

рабство, а потом, отпущенная на волю, она бродит по вселенной? телесна она или нет? что она будет делать, когда мы перестанем быть ее орудиями? как она воспользуется свободой, когда убежит из здешней темницы? забудет ли прежнее? познает ли себя, лишь расставшись с телом и удалившись ввысь?» («Нравственные письма к Луциллию»).

Одни вопросы влекут за собой другие вопросы. Немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804, г. Кенигсберг) главными считал вопросы: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?».

Варьируя слова, составляющие эти вопросы, можно получить другие вопросы, например: «Кого я могу знать? Кого я должен делать? На кого я смею надеяться? Кто такой человек?».

По-человечески, эти вопросы, пожалуй, в больше степени важны, и не случайно легендарный китайский мудрец Лаоцзы говорил: «Тот, кто знает людей, мудр». И также замечал: «Мудрый действует, но не надеется на других».

А в древности гностики интересовались: «Кто мы? Кем стали? Где мы? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся?». В Индии самым важным является вопрос: «Кто Я?». В России спрашивали: «Кто виноват?» (А.И. Герцен), «Что делать?» (Н.Г. Чернышевский), «С чего начать?» (В.И. Ленин), «Что с нами происходит?» (В. Шукшин). Вопросы сменяются контрвопросами, выясняющими основания (истоки и начала) выдвижения поставленного вопроса или требующими уточнения в отношении требуемого подхода к желаемому ответу.

Так, философ спросил скомороха: «Что от чего произошло – яйцо от курицы или курица от яйца?». Скоморох в ответ хлопнул философа по голове: «От чего треснуло, от плечи или от ладони?». Предлагая аналогию на примере акта взаимодействия, скоморох хитрит, так философ спрашивает о порождении. Контрвопрос скомороха был бы правильным, если бы философ спрашивал: «От кого яйцо: от петуха или курицы»? Первоначальный же во-

прос следует уточнить путем конкретизации: «Какое яйцо и какая курица?». Ведь очевидно, что крокодилы яйца от курицы не происходят¹.

«Молчание» Будды удивляло вопрошающих, а молчанием он подчеркивал бессмысленность обсуждаемых вопросов. Многие вопросы, по мнению Будды, подобны вопросу: «Куда идет потухший огонь: на север, восток или запад?»

Высшей мудростью считалось задать такой вопрос, на который бы никто не смог ответить. История гласит, что Александр Македонский однажды испытывал группу гимнософистов, задавая каждому по вопросу. На вопрос,

Александр Великий и гимнософисты

кого существует больше – живых или мертвых, – первый ответил: «Живых; мертвых не существует». На вопрос, земля или море кормит больше животных, – второй ответил: «Земля, ибо море только часть земли». Отвечая на вопрос, какое животное хитрее всех, – третий ответил: «То, которого человек доселе еще не знает». Четвертого Александр спросил, на что надеялись гимнософисты, подговаривая Саббу восстать, – и тот ответил: «Мы хотели, чтобы он, живя со славой, со сла-

вой умер». Пятый на вопрос, что появилось раньше другого, день или ночь, – ответил: «День, одним днем раньше». Шестого Александр спросил: «Как стать самым любимым?» – и получил ответ: «Быть самым могущественным и при этом нестрашным». Седьмой, спрошенный, что сильнее, жизнь или смерть, – сказал: «Жизнь: только она несет такие страдания». «До каких пор жить человеку?» – спросил Александр восьмого. «Пока смерть не покажется

¹ Палеонтологу О. Шиндевольф (1986–1971) принадлежит крылатая фраза: «Первая птица вылетела из яйца рептилии».

ему лучше жизни», – ответил восьмой. На вопрос: «Как человеку стать богом?» – другой гимнософист ответил: «Совершая то, что невозможно совершить человеку».

Можно заметить, что философское размышление строится диалектически – на противопоставлениях, для совмещения сторон которых иногда находятся неожиданные основания. Рассуждая, любители мудрости оперируют *категориями* – понятиями, которыми описывается как мир в целом, так и входящие в него отдельные предметы. Греческое слово «категория» означает «осуждение», «решение», «показание», «объяснение», «высказывание». Высказаться о предмете категорией означает сказать что-то весьма важное, как бы приняв важное о нем решение, как бы привлекая его к ответственности.

Категории Аристотеля

Аристотель из Стагиры (384–322 до н.э.) выделил 10 фундаментальных категорий: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание. Понятно, что этот список может быть расширен категориями части, целого, совершенства, невозможности и возможности, становления и пр. В результате философ получает множество категорий, применяя которые в различной последовательности можно описывать мир.

В результате философ получает множество категорий, применяя которые в различной последовательности можно описывать мир.

Это описание никогда не будет завершенным и исчерпывающим, но некоторая требуемая определенность все же будет достигаться. В результате реализуется предназначение философии, указанное Берtrandом Расселом (1872–1970): «Учить тому, как жить без уверенности, и в то же время не быть парализованным нерешительностью, – это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею».

1.2. Мудрость и глупость

Во всеобщем понимании *мудрость* есть знание всего. Так, в «Илиаде» Гомер говорит о мудреце Калхасе: «Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет». По Гераклиту (535–475 до н. э., г. Эфес): «Мудрость – в одном: устанавливать знание, коим владея, ты сможешь всем управлять, что ни есть».

Более подробную характеристику мудрости дал Аристотель: «Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека. В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и, в-четвертых, что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а в-пятых, та, которая главенствует в большей мере, чем вспомогательная» («Метафизика»).

От противоположного *глупость* можно определить как незнание всего. Строго говоря, глупый *всё* не знает, но при этом имеет какое-то знание о каждом предмете в отдельности. Он не способен познать трудное и ограничивается легко постижимым. При этом глупец катастрофически неточен и не способен выявлять причины. Если мудрый находится в неустанном познании, то познавательный горизонт глупого ограничен конкретной пользой. И глупец, как правило, не главенствует.

Знающий *всё*, мудрый способен разрешить любой вопрос. Согласно правилу Николая Кузанского (1401–1464) на вопрос «Что есть бог?» отвечают: «Чтойность» («Бог есть что»). Поскольку вопрос ставится на некотором основании, обращение к основанию разрешает вопрос.

Мудрецы занимались наиболее важными – общегосударственными вопросами. К ним обращались за политическими советами и предлагали сочи-

нять законы. Изречения мудрецов славятся. Между мудрецами проводятся состязания, победители которых награждаются¹.

Во время Пифийских игр в 582 г. до н. э. семь легендарных мудрецов, сойдясь вместе, посвятили Аполлону Дельфийскому в качестве «начатков мудрости» изречения, которые затем были высечены на колонне Дельфийского храма: «Познай самого себя», «Ничего сверх меры», «Наблюдай конец жизни», «Худших всегда большинство», «Ни за кого не ручайся», «Всему свое время», «Лучше подделывать деньги, чем истину».

Из древнегреческих мудрецов наиболее известны Фалес из Милета и афинский законодатель Солон. Фалес (640/624 – 548/545 до н. э.) как-то сказал, что смерть ничем не отличается от жизни. «Так почему же, – спросил кто-то, – ты не умираешь?» «Именно потому, что разницы никакой», – ответил он. Солон (ум. 559 г. до н.э.) говорил: «Требуя, чтобы ответственность несли другие, неси ее и сам».

Мудрец тоже любит и ценит мудрость. Поэтому мудрец есть философ, как и все остальные люди, которые почитают его мудрецом. Все мудрецы – философы, но не все философы – мудрецы. Только некоторые философы оказываются мудрецами в силу того, что они функционируют как общепризнанные кристаллизации мудрости.

Общественное признание мудрецов свидетельствует о том, что все люди – философы. Не все люди – профессиональные философы, но все люди – «любители мудрости». Все мудры, но не все являются мудрецами, поскольку мудры в той или иной степени. Эталоном мудрости и ее воплощением является только мудрец, сравнивая себя с которым каждый выясняет, насколько он мудр.

¹ В «Упанишадах» говорится, что царь Джанака в качестве приза выставил тысячу коров и к рогам каждой прикрепил десять пад золота. Испытание трудными вопросами выдержал мудрец Яджнявалкья (сер. III в. до н.э.), основатель буддийской школы *бахушрутия* («школа эрудитов»).

«Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядят. И про нее между собою Неблагодарно говорят» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»; худ. Ф. Константинов).

«Архивные юноши» – круг «блестящей молодежи», числившейся в 1820-е гг. при Московском архиве Коллегии иностранных дел. Из «архивных юношей» сформировалось два общества – литературное общество (Ф.И. Тютчев, М.П. Погодин и др.) и «Общество любомудрия» (В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов и др.). «Любомудры» выдвинули задачу развития самобытной философии в России. Интеллектуальная атмосфера кружка «любомудров» прекрасно передана в романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи» (1844).

Мудрецы меняются, а «любители мудрости» остаются. Благодаря философам мудрость сохраняется и накапливается в сводах изречений, которые собираются, классифицируются и систематизируются. Философ соотносит изречения мудрецов со своими принципами, ставя их в отношения тождества и различия, общего и особенного, единого и многого, абстрактного и кон-

кретного и т.п. Подобные «суммы философий» постоянно критикуются, реорганизуются и перестраиваются.

В отличие от мудрости глупость представляется самопроизвольным, хаотичным и бесконтрольным движением ума. Глупость все смешивает и спутывает, не различает. Известное индийское изречение гласит: «Глупец и невежда имеют пять примет: сердятся без причины, говорят без нужды, изменяются неизвестно для чего, вмешиваются в то, что вовсе их не касается, и не умеют различить, кто желает им добра и кто – зла».

Не различая, глупый все отождествляет. «Для мудреца вокруг тысяча загадок, для глупца или полужайки – все ясно», – говорит индийская посло-

вица. Глупый свободен от сомнений. Он, как и мудрец, знает все, хотя не знает, что именно. А мудрец, знающий, прежде всего, нечто одно, может восприниматься как идиот, повторяющий подобно Сократу: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Благодаря такому, по словам Николая Кузанского, «ученому незнанию», философ оказывается в ситуации неопределенности, для разрешения

«Похвала глупости» Эразма Роттердамского.
Лейден (1715)

которой предлагает начинать все сначала и последовательно разбираться. Поэтому философия определялась как знание начал (архе, принципов), а также как умение начинать и начальствовать.

3. Удивление – начало философии

Спрашивают о том, что удивляет, и философия начинается с удивления. В платоновском диалоге «Теэтет» Сократ говорит: «Ибо как раз философу свойственно испытывать изумление. Оно и есть начало философии...».

Удивление – это одна из первичных, базисных эмоций, направляющих восприятие, информационное освоение мира в условиях неопределенности, встречи с новым и неизвестным. В удивлении приостанавливается деятельность, фиксируется дистанция для уточнения ориентации.

Необычное явление может вызвать и другие базисные эмоции: страх, любопытство, радость и т. п. Поэтому возможны различные способы осмысления мира. Страх – особенно страх смерти – находится у истоков религии. Любопытство ведет к пробам предмета и тем самым – к науке. Радость – источник искусства. Удивление ведет к проблематизации сущего, пониманию его неоднозначности и позиции умудренного жизнью человека.

Аристотель указывал на историчность и разнообразие удивлений: «Ибо вследствие удивления люди и теперь, и прежде начинали философствовать, сперва почувствовав удивление к тем из вызывающих недоумение предметов, которые были под руками, а потом мало-помалу идя таким образом далее и встретив затруднение в более важном, что, например, касается ущербов луны или движений солнца и звезд или происхождения вселенной» («Метафизика»).

Фалеса удивляло звездное небо, Лейбница – шум моря, а Чаадаева – Россия. У человека «точки удивления» разбросаны по биографии и дают исток множеству философских интенций.

В «Критике практического разума» Кант так описывал свои удивления: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем и чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или

лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их пред собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй начинается с моего невидимого Я, с моей личности, представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи. Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того, как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира. По крайней мере, это яснее можно видеть, чем этот закон, из целесообразного назначения моего существования, которое не ограничено условиями и границами этой жизни...».

Философ не ограничивается мимолетным, исчезающим удивлением, удивляясь тому, почему же он удивляется, хотя еще Пифагор призывал «*Nil admirari!*» (лат. «Ничему не удивляться»). Удивление – это положительная эмоция, стимулирующая и направляющая познание. Последний глава александрийской школы неоплатонизма Олимпиодор Младший (род. до 505 – ум. после 564) писал: «Удивляясь, ведь мы идем от “чего” к “почему”. Философствовать – значит отдавать себе отчет в причинах сущего...».

Новые представления, устраняющие недоумение («чего?»), не формируются мгновенно. Требуется познавательное движение, выясняющее «почему?», и пока это движение не завершено, удивление не исчезает. Затем его

сменяет удивление окружающими, тому, как они относятся к миру и удивляются вашему удивлению. Удивления неисчерпаемы и блокируются только усталостью.

Орест, преследуемый эриниями (В. Бугро, 1862).

Так, в праве прежде всего удивляет то, что оно является женским делом. В древнегреческой мифологии – это дело богинь правосудия (Фемиды), справедливости (Дике), благозакония (Эвномии), судьбы (мойры), мщения (эриний).

В удивлении человек в обычном усматривает необычное. Мир для него раздваивается: до и после удивления. Но это один и тот же мир. Поэтому возникает вопрос о тождестве мира, различии мира и его восприятия, а также обычного и необычного восприятий.

4. Рефлексия

Развивая удивление, человек обращает внимание на себя. *Рефлексия* чаще всего понимается как самосознание, обращенность сознания на себя. По определению британского философа Джона Локка (1632–1704), это «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления» («Опыт о человеческом разумении», 1690). Л. Вовенарг (1715–1747) определил рефлексию как «дар, позволяющий нам сосредотачиваться на своих идеях, оценивать их, видоизменять и разными способами сочетать» («Введение в познание человеческого разума», 1746).

Многие философы рекомендовали осуществлять процедуры рефлексии, внешне напоминающие бухгалтерскую отчетность. Классическая йога требует следить за своим поведением, каждый день спрашивать себя: «Что общего у меня со скотом? Что – с добродетельным?» «Золотые пифагорейские стихи» дают следующий совет по вечернему «досмотру сознания»:

Все дела сначала обдумай, чтоб не было худо.
В успокоительный сон не должно тебе погружаться,
Прежде чем снова не вспомнишь о каждом сегодняшнем деле:
В чем провинился? Что мог совершить? И чего не исполнил?
Перебери все в уме, начиная с начала и после.
Радуйся добрым делам и себя укоряй за дурные.
Так поступай и усвой, к чему ты должен стремиться,
Так ты найдешь пути достижения божественных качеств.

Выдвижение идеи рефлексии было связано с метафизикой света и трактовкой знания как «естественного или «божественного» света разума. Немецкий философ Георг Гегель (1770–1831) писал: «Мы употребляем выражение *рефлексия* прежде всего по отношению к свету, когда он в своем прямолинейном движении встречает зеркальную поверхность и отбрасывается ею назад. Мы, таким образом, имеем здесь нечто удвоенное: во-первых, некое непосредственное, некое сущее и, во-вторых, то же самое как опосредствованное, или положенное. Но то же самое происходит, когда мы рефлектиру-

ем о предмете, или (как обыкновенно говорят) размышляем о нем, поскольку именно здесь предмет не признается нами в его непосредственности, мы хотим познать его как опосредствованный. Рефлексия выступает как опосредствованное, а не непосредственное знание» («Энциклопедия философских наук», 1817).

Рефлексия опосредована другим, поскольку взглянуть на себя можно только со стороны, т. е. будучи другим. Возможен и такой способ: «Как при желании увидеть свое лицо мы смотримся в зеркало и видим его, так при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга» (Аристотель). Поэтому Гегель предлагал: «Выйти из себя и себе самому раскрыться в другом, найти и познать себя во всем через себя» («Энциклопедия философских наук»).

Рефлексия как самоотражение характеризуется:

- ☞ ретроспекцией – поворотом мысли назад;
- ☞ отстраненностью, дистанцированностью от отражаемого;
- ☞ метапозицией – взглядом на ситуацию как бы «сверху» или «со стороны»;

Рефлексия 1 и 2 рангов
(по Г.А. Зорину).

☞ многоуровне-
востью – потенциальной бесконечностью
размышлений о размышлениях;

☞ итеративно-
стью – многократным отражением друг в
друге.

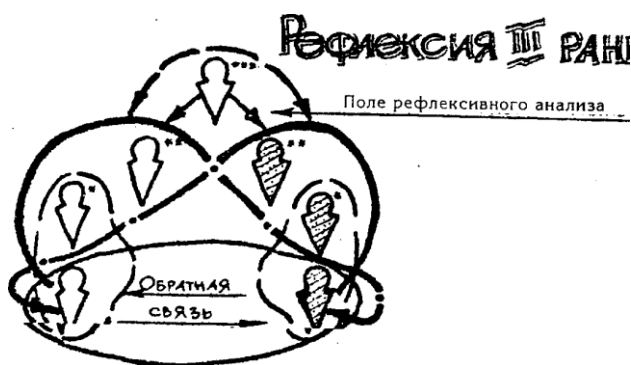
Рефлексия в следственной ситуации допроса¹ состоит из таких элементов: 1. Следователь, как он есть на самом деле. 2. Следователь, как он видит себя сам. 3. Следователь, каким он видится допраши-

¹ Зорин Г.А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты. Гродно, 2003. С. 35.

ваемому. 4. Следовательно, каким он видит себя глазами допрашиваемого. 5. Допрашиваемый, как он есть на самом деле. 6. Допрашиваемый, каким он видит себя сам. 7. Допрашиваемый, каким он видится следователю. 8. Допрашиваемый, каким он видит себя глазами следователя.

Глубина рефлексии характеризуется рангом.

Рефлексия первого ранга – это, во-первых, отражение следователем самого себя. Во-вторых, следователь «погружается» в своего партнера, встает на его позицию, примеряет на себя его маску, пытается испытать его эмоциональное состояние, а затем с учетом всего этого смотрит на себя (следователя) и ситуацию. Когда человек убежден, что следователь не сможет доказать его вину, он держится самоуверенно. Когда следователь уличил подозреваемого

Рефлексия 3 ранга
(по Г.А. Зорину)

мого в совершении преступления, то он рассматривает перспективу жизни только в пессимистическом аспекте и т.д. Это определяет и повышенную сопротивляемость при производстве следственных действий. Возможность потери свободы, положения в обществе, как правило, мобилизуют

подозреваемого на активное противодействие следователю.

Рефлексия второго ранга – это отражение ситуации с точек зрения прокурора и адвоката. Рефлексия третьего ранга – с точки зрения судьи, что определяет судебную перспективу дела.

Немецкий философ Готфрид Лейбниц (1646–1716) указал на одно из затруднений рефлексии: «Для нас невозможно рефлексировать постоянно и явным образом над всеми нашими мыслями, в противном случае наш разум рефлексировал бы над каждой рефлексией до бесконечности, никогда не будучи в состоянии перейти к какой-нибудь новой мысли» («Новые опыты о человеческом разуме»).

Это затруднение описал датский философ Пауль Мартин Мёллер (1794–1838) в новелле «Похождения датского студизуса», где главный герой жалуется: «Моя бесконечная рефлексия лишает меня возможности достичь чего-нибудь в жизни. К тому же я начинаю думать о своих мыслях, относящихся к тем ситуациям, в которые я попадаю. Я даже размышляю о том, что я обо всем этом думаю, разделяя себя в итоге на удаляющуюся в бесконечность последовательность различных “Я”, постоянно следящих друг за другом. Ни на одном из них я не могу остановиться, и, даже если в какой-то момент я это и делаю, тут же возникает новое “Я”, совершающее то же самое. В итоге я лишь запутываюсь и впадаю в смятение, как от взгляда в бездонную пропасть, а все мои умственные усилия приводят только к ужасной мигрени».

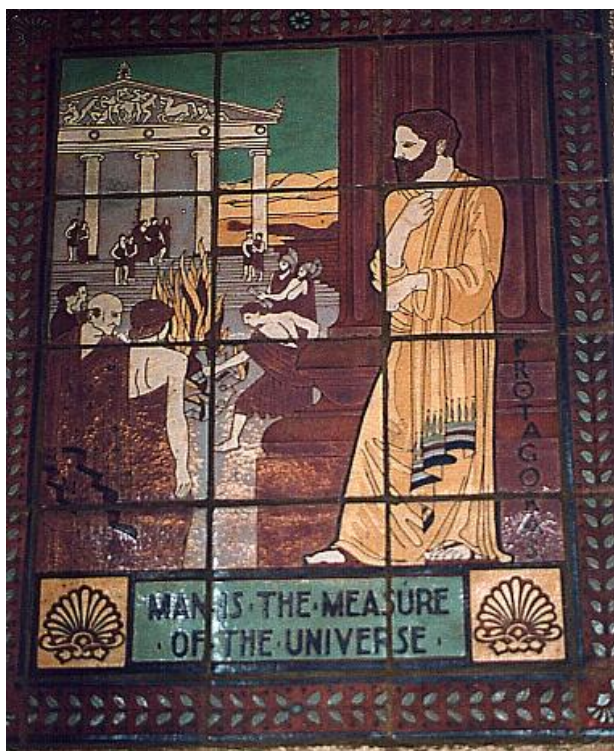
Выход из этого затруднения предложил немецкий мистик Иоанн Экхарт (1260–1327): «Находите все в себе и себя во всем». Потенциальная бесконечность внутренней рефлексии размыкается внешней рефлексией, когда познание себя разрешается познанием другого.

1.5. Софисты

Софистика – философское движение в Древней Греции, участниками которого были платные учителя мудрости и красноречия. Обучение велось для подготовки к участию в гражданской жизни, публичных собраниях и судебных процессах. Сами софисты часто выполняли дипломатические поручения, занимались составлением законов и выступали с судебными речами.

Софисты считали, что мудрость должна быть выгодной и доступной каждому. Обучая мастерству «двояких речей», софисты показывали, как, исходя из общепринятых или признаваемых оппонентом истин: 1) опровергнуть выдвинутый тезис; 2) доказать, что собеседник говорит неправду; 3) привести его к тому, что не согласуется с общепринятым; 4) заставить

противника делать ошибки и допускать погрешности в речи; 5) привести его к тавтологии, т.е. заставить говорить одно и то же.

Протагор на мозаичном панно в Главном читальном зале Философской библиотеки имени Джеймса Хармона Хуза (Р.К. Флюэллинг, 1929, Лос-Анджелес, Университет Южной Калифорнии, Мадд-холл).

человек решает вопрос о существовании вещей, то отсюда вытекали следствия: «все истинно» (Протагор) или «все ложно» (Горгий).

Известен протагоровский софизм «Тяжба о плате». У Протагора судебному красноречию учился Эватл. По договору Эватл должен был заплатить за обучение 10 тысяч драхм, если выиграет свой первый судебный процесс. При проигрыше первого судебного дела он не был обязан платить. Однако, закончив обучение, Эватл не стал участвовать в судебных тяжбах и считал себя свободным от уплаты за учебу. Когда терпение Протагора иссякло, он подал на Эватла в суд, чтобы состоялся его первый судебный процесс. Протагор привёл следующие доводы: «Каким бы ни было решение суда, Эватл должен будет заплатить. Он либо выиграет свой первый процесс, либо проиграет. Если выиграет, то заплатит по договору, если проиграет, заплатит по

Протагор из Абдер (480 до н. э. – ок. 410 до н. э.) первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения противоположных друг другу. Основной тезис софистов он сформулировал так: «Мера всех вещей есть человек». Какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими – тебе, таковы они для тебя. Что кажется человеку, то для него и существует, а то, что не является и не кажется человеку, то не существует. Люди бес-

конечно отличаются друг от друга, так что одному является и кажется одно, другому другое. Поскольку именно

решению суда». Эватл возражал: «Ни в том, ни в другом случае я не должен платить. Если я выиграю, то я не должен платить по решению суда, если проиграю, то по договору».

Софисты открыли двусмысленные слова (судья – это «он» или «она»?) и суждения («Видит столб»). Продик Кеосский (465 до н. э. – ок. 395 до н. э.) учил не отождествлять, казалось бы, синонимичные слова, открывая различия между ними: хотеть и желать; конец, предел и край; бесстрашие и мужество и т.п. Анонимный автор «Двояких речей» (ок. 400 до н. э.) показывал, как фиксировать разнообразие мнений. Так, о добре и зле одни говорят, что добро и зло отличны друг от друга; по мнению же других, добро и зло – одно и то же; благо для одних, для других есть зло; для одного и того же человека то же самое бывает иногда благом, иногда злом.

Софисты ввели в оборот софизмы – рассуждения, кажущиеся правильными, но содержащие скрытую логическую ошибку и служащее для придания видимости истинности ложному заключению. Примеры софизмов:

«Что ты не терял, то имеешь; рога ты не терял; значит, у тебя есть рога».

Софизм «Рогатый» (из «Философии в картинках» В.В. Ванчугова, худ. Г. Мурышкин)

«Этот пес твой; он отец; значит, он твой отец».

«Я – человек. Ты – не я. Ты – не человек».

Софисты стали известны как люди, спорящие о словах и придающие смысловое значение даже интонациям. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» примечателен диалог Воланда с Левиим Матфеем, посланцем Христа: « –

Ба? – воскликнул Воланд, с насмешкой глядя на вошедшего, – менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, незванный, но предвиденный гость? – Я к тебе, дух зла и повелитель теней, – ответил вошедший,

исподлобья недружелюбно глядя на Воланда. – Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? – заговорил Воланд сурово. – Потому что я не хочу, чтобы ты здоровствовал, – ответил дерзко вошедший, – Но тебе придется примириться с этим, – возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, – не успел ты появиться на крыше, как уже отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она – в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получают от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от предметов и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп. – Я не буду спорить с тобой, старый софист, – ответил Левий Матфей. – Ты и не можешь со мной спорить, по той же причине, о которой я уже упомянул, – ты глуп, – ответил Воланд».

Воланд, безусловно, софист, так как Матфей самим фактом своего прихода выразил признание его существования.

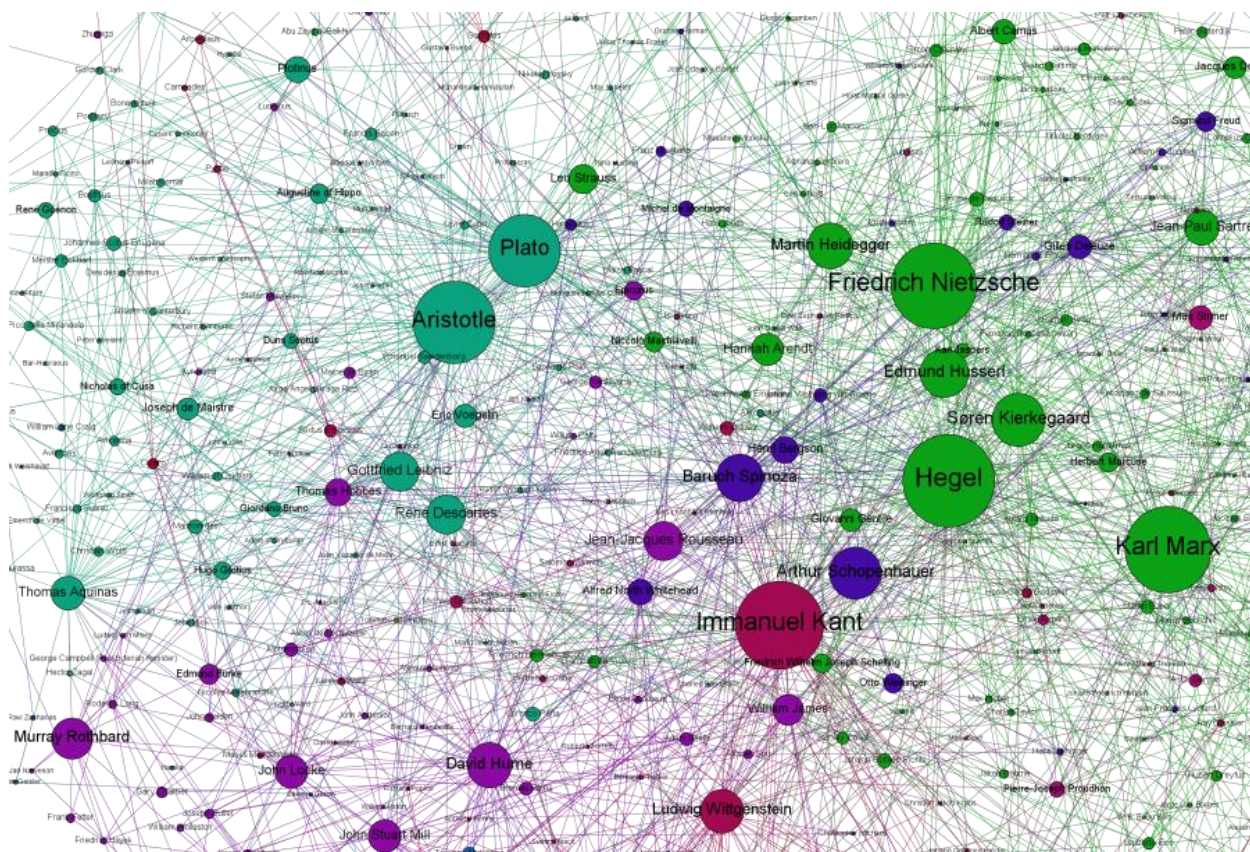
1.6. Формации философской мысли

Философская формация – совокупность философских движений, связанных общностью условий своего образования на базе предшествующего, ранее достигнутого уровня развития историко-философского процесса. Философская формация характеризуется устойчивой композицией ведущих философских течений, типологической общностью проблематики и способов аргументации.

Первичная философская формация – формация *древней мудрости*. Считается, что первые философские учения возникли 2,5 тыс. лет назад в Индии (веданта и противостоящие ей локаята, джайнизм, санкхья, буддизм и

др.), Китае (конфуцианство, даосизм, моизм, легизм) и Древней Греции (ионийская «физиология», пифагореизм, атомизм и др.). Первичная философская формация характеризовалась почитанием мудрецов и образованием философских школ, практической реализацией философских учений в философском образе жизни стоиков, скептиков, эпикурейцев, киников. Мир воспринимался космоцентрично – как прекрасный космос, стихии которого управляются Умом (Логосом, Мировой душой и т.п.)

На смену формации древней мудрости в VI–VII вв. пришла формация *схоластики*, которая апеллировала к авторитетным текстам и стремилась к логически доказательному выводу. Со схолистикой соперничала *мистика*, признающая возможность интуитивного, чувственно-непосредственного постижения мира в слиянии с ним. В европейской схолистике главным стал спор между реализмом (Фома Аквинский), утверждавшим существование общих понятий вне человеческого ума и до единичных вещей, и номинализмом (Уильям Оккам), признававшим реальное существование лишь единичных вещей.

Граф «Наиболее влиятельные философы» (по упоминаниям в «Википедии»)

Философская формация *Возрождения* характеризовалась широким обращением к философским учениям эпохи древней мудрости, антропоцентризмом, стремлением к преобразованию окружающего мира. В эту эпоху дифференцировались натуральная философия (философия природы) и моральная философия.

Философская формация *Просвещения* (XVII–XIX вв.) отличалась культом разума, уверенностью в способности разума познать мир, устранить предрассудки, переделать общество и человека на разумных началах. В противоположность рационалистам (Декарт, Гегель) сторонники эмпиризма и сенсуализма (Бэкон, Локк, Кондильяк) подчеркивали значение чувственного опыта, наблюдения и эксперимента. Философия в этот период преимущественно была «придворной» и «салонной», но идеи Просвещения нашли свое практическое воплощение не только в «просвещенных монархиях», но и в буржуазно-демократических революциях Нового времени.

И. Кант критерием просвещенности – и совершеннолетия – считал способность пользоваться собственным умом. По его мнению, большинство людей (и среди них весь прекрасный пол) охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними: «Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, и т.п., то мне нечего и утруждать себя» («Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?», 1784). *Sapere aude!* – девиз Просвещения.

Неклассическая философия (с 1-й половины XIX в. до настоящего времени) вдохновляется кантовским пафосом критики разума, раскрытием его социальности и историчности. В этот период осознается положение философии как самостоятельного способа практически-духовного освоения мира человеком, отличного от науки, искусства, религии и т.п.

С начала XX века неклассическая философия поляризована на два направления – континентальную и аналитическую философию. Континентальная философия (в основном немецко-французская философия), ориентирова-

на на обсуждение фундаментальных вопросов и разработку концептуальных философских систем. Аналитическая философия (в основном англосаксонская философия) ориентирована на анализ языка и его семантики.

Каждая философская формация возникает в результате философской революции – формационного сдвига, выдвигающего на первый план новые проблемы и подходы. Наследие предыдущей формации сохраняет свое значение и как внутреннее основание более позднего философского процесса, и как внешняя альтернатива для конкурирующих философских движений. Поэтому в философии всегда актуально и плодотворно обращение к трудам философов прошлого, а также возможно продолжение тех философских направлений, которые, казалось бы, давно преодолены.

1.7. Универсум философской деятельности

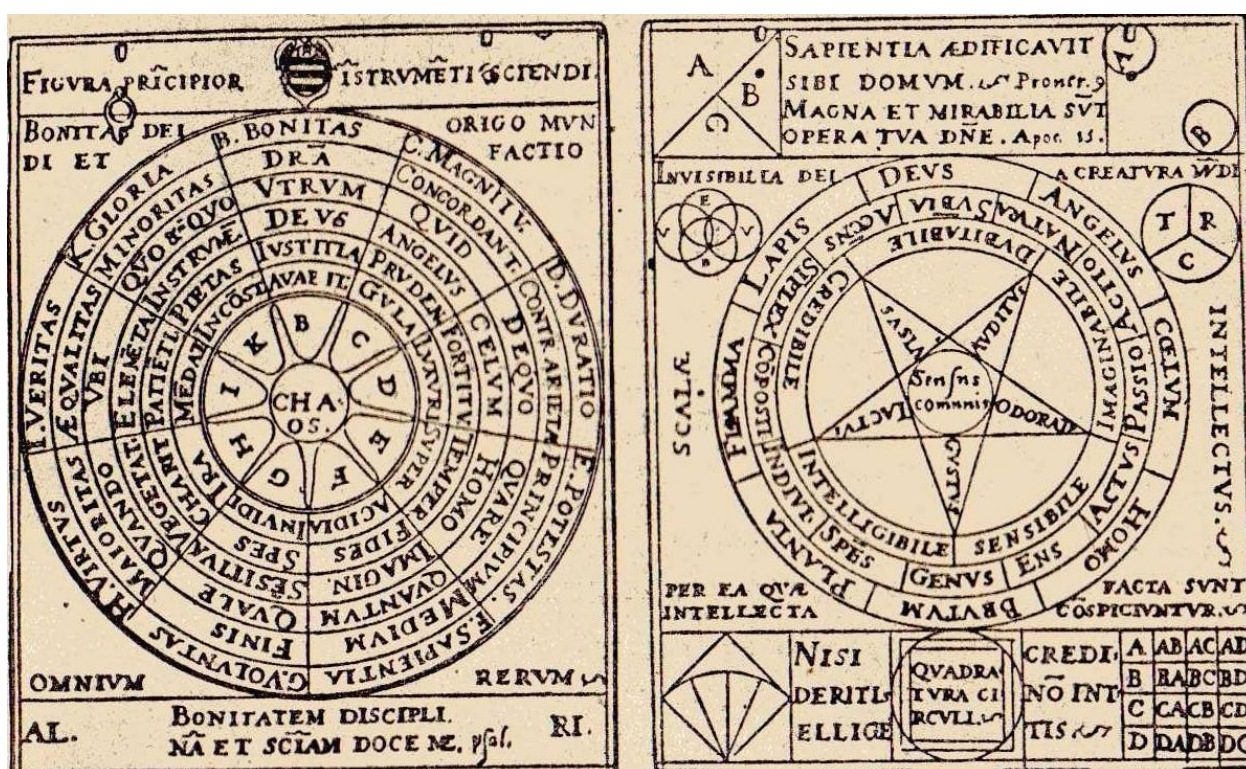
До возникновения профессиональной философии философские представления бытовали в форме народной мудрости, выраженной в поговорках и пословицах, а также в образно-поэтической форме. Более концентрированно философские взгляды излагались в эпических поэмах («Упанишады») и поэмах, сочинявшихся философами (Парменид «О природе», Лао цзы «Дао дэ цзин»). Художественная литература и позднее была настолько важной формой выражения философской мысли, что Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой часто оцениваются как наиболее крупные российские философы.

Повседневный жизненный опыт обобщался в форме эмпирической философии (М. Монтень: «Опыты»; Ф. Бэкон: «Опыты, или наставления нравственные и политические»).

При комментировании житейских ситуаций и наставлениях философы опирались на определенные принципы, обобщенные оценки и отвлеченные представления. Тем самым они рассматривали ситуацию абстрактно и в общем виде. Так осуществлялся переход к созерцательной, теоретической фи-

лософии. Сочинения различных авторов под названием «О природе» уже выражают определенную концептуализацию действительности.

Эмпирическая философия и теоретическая философия – это два уровня философского познания. Крупицы накопленной мудрости классифицируются, идеализируются и абсолютизируются в философы – отвлеченные идеи и категории. Содержание философов уточняется и конкретизируется с учетом разнообразия и динамики философского опыта. Кроме того, в процессе теоретизирования генерируются конструкты, которые осмысливаются и эмпирически интерпретируются.

Логическая машина Раймонда Луллия

Теоретическое мышление могло осуществляться путем простой комбинаторики понятий. Раймонд Луллий (1239–1315) изобрел логическую машину, состоящую из нескольких вращающихся вокруг одного центра кругов. Сектора кругов включали категории: 1) абсолютные предикаты – благость, величие, продолжительность, сила, мудрость, хотение, добродетель, истина, великолепие; 2) относительные предикаты – различие, согласие, противоположение, начало, середина, конец, быть больше, быть равным, быть меньше;

3) вопросы – ли? что? из чего? почему? как велико? какого свойства? когда? где? как и чем?; 4) субстанции – бог, ангел, небо, человек, имажинативное, сенситивное, вегетативное, элементативное, инструментативное; 5) акциденции (естественные отношения) – количество, качество, отношение, деятельность, страдательность, обладание, положение, время, место; 6) добродетели – справедливость, благоразумие, храбрость, умеренность, вера, надежда, любовь, терпение, благочестие; 7) пороки – зависть, гнев, непостоянство, корысть, ложь, обжорство, разврат, гордость, инертность. Вращение кругов задавало комбинацию понятий, которая подлежала анализу.

В философии, как в любой духовной деятельности, мир отображается для регуляции практической деятельности, преобразования мира. Соответственно, в философии выделяются две последовательных стадии – фундаментальная («чистая») и прикладная философия. Фундаментальная философия рефлексировала *основы* деятельности, а прикладная философия, исходя из этих основ, разрабатывает ее *принципы*. Так, например, если согласно Фалесу мир все есть *вода*, то в этом мире следует *течь*.

Фундаментальная философия имеет сложную структуру. Она включает описание сущего – *онтологию*, его оценку – *аксиологию*, определение направленности (целей) развития – *телеологию*, а также разработку возможных методов (путей) достижения поставленных целей – *методологию*.

Применение теоретических положений философии для решения конкретных практических проблем требует отдельного обоснования в *прикладной философии*. В *феноменологии* описывается то, как может являться действительность. В *гносеологии* обсуждается процесс познания действительности, а в *праксеологии* – процесс ее преобразования. Завершение философская деятельность находит в философской практике, которая обогащает философскую эмпирию и изменяет мир.

Для преобразования отдельных объектов на базе фундаментальной (общей) философии разрабатываются ее частные разделы – частная онтоло-

гия (например, метафизика любви) и т.п. Поэтому в разделах фундаментальной философии могут дифференцироваться две части: *общая* и *особенная*.

После апробации философских идей в организационных условиях философских школ могут быть предложены новые образы жизни или масштабные социально-философские проекты (например, построения «совершенного государства»). Для этого философские учения пропагандируются в форме популярной философии, адаптированной к чаяниям адресной аудитории. Через систему образования, каналы массовой коммуникации философские идеи проникают в массовое сознание и трансформируют его. Происходит социально-философская революция, изменяющая жизненный мир повседневности, а изменение образа жизни делает прежние вопросы философии излишними.

Слёт юных Василис (по обмену премудростями).
Из м/ф «Вовка в Тридевятом царстве» (1965).

Важнейшей формой развития и конкретизации философской мысли является «домашняя» (или «кухонная») философия. В странствиях Протагор обучал «смышлености в домашних делах, умению наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных; благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках и в речах, касающихся государства» (Платон «Протагор»). По оценке Гегеля, «наилучшая и наиистиннейшая философия представляет собой лишь домашнее средство или кухонную философию, которая приспосабливается ко всем обычным представлениям человека и в которой мы видим друзей и беседующих между собою на тему о честности и обо всем том, что можно познать на земле, не побывав в глубине неба – или, вернее, в глубине сознания» («Лекции по истории философии»).

В атмосфере домашней философии растут дети – первоисточник философской мысли. Австралийский философ Г. Метьюс вообще определяет философию «как попытку взрослых ответить на приводящие в замешательство вопросы детей». Сверхценность детей и определяет пользу философии.

1.8. Польза и вред философии

Принято считать, что философская мысль возникает на ступени развития человеческого общества, которую называют цивилизацией (от *civitas* – гражданство, государство, город). Стадия цивилизации маркируется «городской» революцией и образованием первых городов-государств, сложные комплексы которых конституируют первые цивилизации.

Городская жизнь характеризуется смешением различных образов жизни, культов и обычаев. В условиях города возникает необходимость в рефлексии разноплеменных обычаев и выработке всеобщих законов, упорядочивающих взаимодействие городских слоев и сообществ. Первые философы выполняют миссию законодателей, разрабатывая законы для своих городов.

В эпоху Просвещения идеи ряда философов (Д. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Бентам) легли в основу правовых актов государств Нового времени.

Обложка трактата Т. Гоббса

Рост и деление городов, отделение колоний от метрополий открыли возможность проектирования новых городов-государств. Так, философы начинают разрабатывать проекты идеальных городов-государств. Государствообразующая роль философии в XX веке нашла выражение в образовании мировой социалистической системы, основанной на идеях марксизма-ленинизма философии.

Активное включение философов в государственную жизнь, навыки полемике и рефлексии позволяют с пониманием относиться к нравам и обычаям разных народов и успешно выполнять дипломатические функции. Космополитизм философии преодолевает этноцентризм и стимулирует возникновение на ее основе мировых религий. Буддизм и христианство возникли как философские школы.

Установка философской мысли на всеобщность позволяет обобщать все многообразие практического опыта, что приводит затем к специализации и дифференциации философских исследований. По мере специализации от философии отпочковываются частные науки (математика, логика, физика, этика, политика, экономика и пр.). Поэтому философия часто квалифициру-

ется как мать всех наук (и даже искусств) и всеобщая наука как таковая. Окончательная эмансипация науки от философии не завершена вплоть до настоящего времени.

Релевантность, уместность философии выражается в наличии у философа учеников. Вокруг философов образуются философские школы (Академия Платона, Лицей Аристотеля), которые становятся прообразами средневековых университетов и высшего образования в целом.

Обучая самопознанию, философы выполняли психотерапевтическую функцию. В Римской империи богатые люди держали для этого при себе философов («Нет тирана без философа»).

Знаменита утешающая формула Гегеля: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» («Философия права»). Поясняя свою формулу, Гегель отмечал, что «современность представляется рефлексии, особенно самоуверенности крестом; розу, т. е. разум на этом кресте, с трудом учит познавать философия». Он также говорил: «Познать разум

как розу на кресте современности и возрадоваться ей – это разумное понимание есть примирение с действительностью, которое философия дает тем, кто однажды услышал внутренний голос, требовавший постижения в понятиях и сохранения субъективной свободы не в особенном и случайном, а в том, что есть в себе и для себя».

О значимости вклада философии в цивилизационный процесс свидетельствует определение китайской цивилизации как конфуцианской. Для ев-

ропейской цивилизации особую ценность представляла деятельность Фалеса и Сократа. Кирилл – в миру Константин (827–869) по прозвищу Философ – создатель «кириллицы» – духовной матрицы российской цивилизации. Мировые цивилизации, претендующие на универсальность своего образа жизни, основываются на специфическом понимании всеобщности, выражаемом философией.

Эксплицируя архетипы локальных культур и придавая им всеобщее, мировоззренческое значение, философия создает предпосылки для постановки и выработки решения глобальных проблем (прежде всего, проблемы мира) взаимопонимания, рефлексии культур и диалога цивилизаций.

Вред философии усматривался в ее отрицательной ценности для конкретных социальных институтов и групп.

Начиная с Фалеса, многие философы не вступали в традиционный брак, а если и вступали, как Будда, Сократ и др., то занимались не домом и семьей, а собой и философией.

С античности философов обвиняли в нечестии, подрыве традиционных религий и отеческих устоев. Критически настроенные философы подвергали сомнению догматы и открывал новые исторические горизонты.

Рассчитывая прожить не один раз, пифагорейцы, платоники, стоики и др. учили философии как искусству смерти. В дальнейшем практика самоубийств трансформировалась в практику положительного самоупражнения личности философов. Философия – это искусство становиться иным, оставаясь самим собой.

Претендуя на мудрость и интеллектуальное верховенство, философы в рамках идейно-политической борьбы осуществляли дисциплинарные, «полицейские» функции в отношении других сфер духовной деятельности. Но заключая союзы с соответствующими духовными сообществами, философы также выполняли для них служебные, обеспечивающие функции, особенно в части методологии (напр.: «*Philosophia est ancilla theologiae*»).

Выдвигая важные вопросы, философия не предлагает ответов, окончательных и удовлетворяющих всех, что воспринимается как бессмысленная растрата сил. «Кажется почти смешным, – писал Кант, – что, в то время как всякая другая наука непрестанно идет вперед, в метафизике, которая хочет быть самой мудростью и к прорицаниям которой обращается каждый, постоянно приходится топтаться на месте, не делая ни шага вперед» («Критика чистого разума»).

Но выявляя основания постановки вопросов, философия уточняет их, снимает неопределенность, что дает возможность действовать решительно и в безопасности. Благодаря профессиональным философам и накоплению мудрости общественная жизнь становится мудрее, в ней наблюдается социально-философский прогресс.

2. Онтология

Понятие онтологии. – Стихийный материализм. – Солипсизм. – Пифагореизм. – Элейская школа. – Атомизм. – Платонизм. – Метафизика Аристотеля.

2.1. Понятие онтологии

Онтология (от греч. *ον*, род. падеж *ontos* – сущее и *logos* – слово, понятие, учение) – учение о *сущем*.

Признавая наличие сущего, которое можно описать, философия занимает позицию *реализма* – признания существования *реальности*, доступной для восприятия и концептуализации. Реализм философов восходит к *наивному реализму*, который полагает, что: 1) я воспринимаю мир как он есть; 2) другие так же представляют мир, если имеют ту же информацию; 3) разногласия вызваны недостаточной осведомленностью, предубеждениями и т.п. Наивный реалист не различает реальность и свое восприятие.

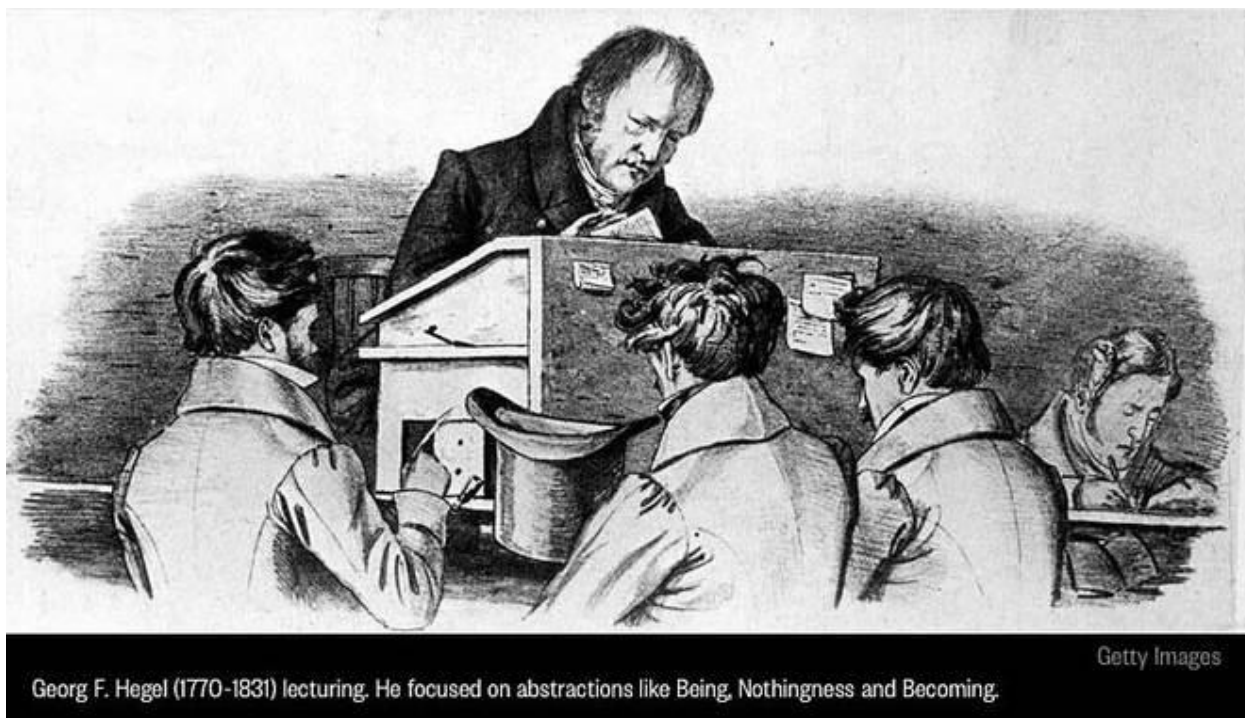
В отличие от наивного реализма философы дифференцируют онтологию и реальность. Онтология – это модель реальности, состоящая из абстрактных идеализированных предметов. Поскольку модели могут быть построены по-разному, то возможны различные онтологии и различные реальности, существование которых признано в этих онтологиях, но сами эти онтологии не являются общепризнанными (*принцип онтологической относительности*). Предпочтительность соперничающих онтологий определяется прагматикой допускаемых в них действий.

Первый онтологический вопрос – *вопрос о существовании*: существует ли нечто? Что есть, а что не есть? Что есть, а что кажется?

Древнеиндийская философия описывает мир как *майю* (букв. «не это»), т.е. как морок, иллюзию, которая может порождаться, например, искусством фокусника. Майя сравнивается с постоянно меняющимися очертаниями облаков, пузырями на воде и т. п. «Из всех форм майи самая совершенная –

женщина», – говорит буддийская пословица, Согласно буддизму все различия мнимы, а в мире есть только пустота («шунья»).

Все есть и не есть. Поэтому сущее различено в себе на бытие и небытие. Поскольку небытие есть отсутствие бытия, существование которого все же предполагается, то Аристотель в «Метафизике» формулирует *закон бытия*: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было».

Гегель в «Науке логики» (1812-1816) начинает описание мира с категории бытия. Бытие как таковое и как начало, по Гегелю, есть чистая неопределенность и пустота. Поэтому бытие есть ничто. Мы мыслим ничто, представляем его себе, говорим о нем; следовательно, оно есть. Бытие и ничто – одно и то же. Становление есть нераздельность бытия и ничто.

В более общем виде тождество бытия и небытия можно зафиксировать как движение. Мир Гераклита находится в движении: «Нельзя войти дважды в одну и ту же струю, нельзя дважды коснуться одного и того же тела: наши тела текут, как ручьи». По Гераклиту, одна и та же вещь и существует, и не существует.

Школяр и студент Иозеф Кнехт, персонаж романа немецкого писателя Германа Гессе «Игра в бисер» (1943) так передает восприятие бытия в своем стихотворении «Жалоба»:

Нам в бытии отказано. Всегда
И всюду путники, в любом краю,
Все формы наполняя, как вода,
Мы путь нащупываем к бытию.

Так совершаем мы за кругом круг,
Бредем сквозь свет и мрак, всему чужды,
Руке нетвердой не осилить плуг,
Осуществленья не сулят труды.

Нам не постигнуть, что творит господь;
Все сызнова Горшечник лепит нас,
Покорную переминает плоть,
Но для обжига не приходит час.

Осуществить себя! Суметь продлиться!
Вот цель, что в путь нас гонит неотступно, –
Не оглянуться, не остановиться,
А бытие все так же недоступно.

Таким образом, сущее есть движение. Основным вопросом онтологии стал вопрос о движении: как движется сущее?

2.2. Стихийный материализм

Первоначально мир мыслился как стихия и движение стихий. Данное восприятие мира называется *стихийным материализмом*. Впервые стихийно-материалистические воззрения оформились в ионийской философии, учившей о природе.

Фалес (из Милета; 625-547 до н. э.) был морским купцом и учил о том, что: 1) все возникло из воды, 2) все постоянно возникает из воды, 3) все станет водой; 4) все становится водой; 5) все есть вода. Вода понималась как главенствующее и порождающее первоначало – *архе*, правящее миром по

старшинству. Эвристичность конструкции Фалеса Милетского состоит в выделении первичной порождающей реальности, которая сохраняется в различных превращениях.

Анаксимандр (610-540 до н.э.), друг и ученик Фалеса, все представлял как *апейрон* – «беспредельное». Все, что выделяется из беспредельного, т.е. определяется, ограничивается, заканчивается исчезновением в этом же беспредельном: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу противозаконное возмещение неправды в назначенный срок времени».

Анаксимен (585-525 до н. э.), ученик Анаксимандра, истолковал апейрон как воздух: «Подобно тому как воздух в виде нашей души скрепляет нас, так дыхание и воздух охватывают всю Землю».

Ксенофан (580/577 до н. э., Колофон, Малая Азия – 485/490 до н. э., Элея, Южная Италия) полагал, что в чувственно-физическом мире начало – земля, корни которой простираются в бесконечность.

Гераклит (544-483 до н. э., из малоазийского города Эфеса) думал, что космос всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами воспламеняющимся и мерами угасающим: «Огонь живет земли смертью, и воздух живет огня смертью; вода живет воздуха смертью, земля воды смертью. Огня смерть – воздуха рождение и воздуха смерть воды рождение. Из смерти земли рождается вода, из смерти воды рождается воздух, из смерти воздуха – огонь, и наоборот».

Божественный первоогонь – *логос*. Живущие по природе внимают логосу, достигают огнесоразмерного просветления ума и становятся богами при жизни.

Эмпедокл (490-430 до н. э., из сицилийского города Агригента), полагал, что есть 4 «корня всех вещей» (огонь, воздух, вода и земля), из сочетания которых (под действием «любви» и «вражды») – все образуется.

Анаксагор (500-428 до н.э., из малоазийского города Клазомен) выдвинул учение о мельчайших началах сущего – *гомеомериях* («подобочастных»):

сколько вещей, столько и подобных им гомеомерий. Каждая вещь – определенная смесь всех гомеомерий, поэтому – «*всё во всем*».

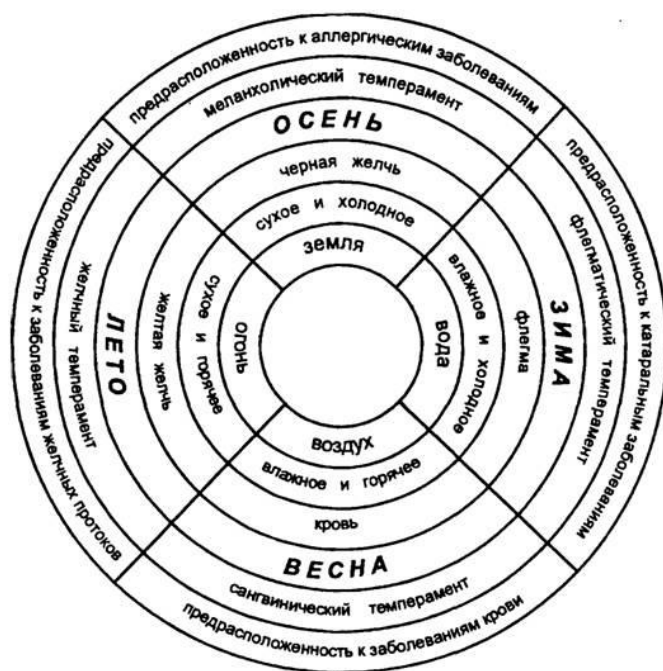
По Анаксагору, один Ум (Нус) существует сам по себе и не смешан ни с одной вещью: «Все вещи были вместе: затем пришел ум и привел их в порядок». По мнению Анаксагора, Ума не присутствует в вещах, и он неизменен, бесконечен, самодержавно правит миром

Анаксагор сформулировал *принцип сохранения бытия*: «Ибо бытие не может разрешаться в небытие».

На его основе в Новое время формулировался *закон сохранения материи и движения*. Например, М.В. Ломоносов утверждал: «Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимется у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования, и т.д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое

своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому». На этот закон опираются положения о вечности движения и неразрушимости мира.

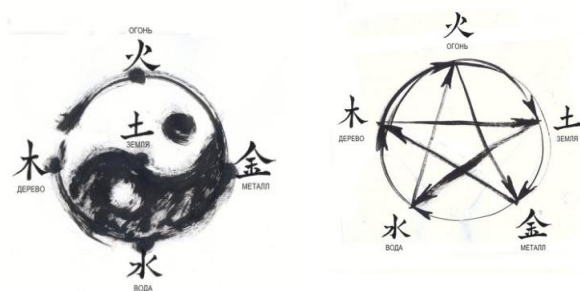
Учение Эмпедокла и принцип Анаксагора «Все во всем» *Гиппократ* (460 до н. э., о. Кос, - 370 до н. э.) использовал в медицине. Он полагал, что все четыре

Круг Гиппократа

начал сосуществуют в человеке, а их баланс является динамическим и коррелирующим с возрастом человека, его темпераментом, климатом и сезоном

года, с течением различных заболеваний. Например, зимой прибывает флегма (слизь), что проявляется в насморке.

В древнекитайской философии использовалась классификация у *син* (пять элементов, пять действий, пять фаз). Пять элементов связаны порождением (дерево – огонь – почва – металл – вода – дерево и т.д.) и преодолением (почва – дерево – металл – огонь – вода – почва и т.д.). С деревом соотносятся весна, рождение, восток, ветер, зеленый цвет, склонность к депрессии и т.п. Разнообразные пятеричные множества («пять сторон, света», «пять чисел», «пять благих сил», «пять вкусов» и т.д.) описывают мир и его изменения.

Стихийный материализм разделял собственно стихии и движущие начала (Логос, Любовь и Ненависть, Ум). Стихии природы стали обозначить общим термином материя (от лат. *материал*, *дерево*). Так, возник вопрос о соотношении в реальности материи и духа.

2.3. Солипсизм

Солипсизм (лат. *solus ipse* – один лишь сам) – онтологическая позиция, согласно которой быть значит восприниматься (Дж. Беркли: *esse est percipi*). Существует только воспринимаемое мною, и, следовательно, только я существую, пребывая уединенно, в одиночестве и действительно в своем мире, который исчезнет вместе со мной.

Согласно представлениям адвайты-веданты весь мир обязан своим существованием временной замутненности чистого восприятия Брахмана, а его видение (или сновидение, греза) равнозначно творению.

Солипсизм обращается к аргументу сновидения. Во сне мы верим в реальность происходящего во сне, но проснувшись, убеждаемся в его иллюзорности. Наяву, после «пробуждения» можно убедиться в том, что многое представлявшееся нереально.

Никогда нельзя быть уверенным в том, что не грезишь во сне.

Один из ярких представителей даосизма Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу) (369 - 286 до н. э.) писал: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочке приснилось, что она – Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!».

Возможно, Чжуан Чжоу существует благодаря тому, что он снится бабочке. Л. Кэрролл в «Алисе в Зазеркалье» прекрасно выразил детское убеждение: «Я существую, только пока обо мне думают». Алиса, Траляля и Труляля подходят к спящему Черному Королю: «– Ему снится сон! – сказал Траляля. – И как по-твоему, кто ему снится? – Не знаю, – ответила Алиса. – Этого никто сказать не может. – Ему снишься ты! – закричал Траляля и радостно хлопал в ладоши. – Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была? – Там, где я и есть, конечно, – сказала Алиса. – А вот и ошибаешься, – возразил с презрением Траляля. – Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне. – Если этот вот Король вдруг проснется, – подтвердил Труляля, – ты сразу же – фьють! – потухнешь, как свеча! – Ну, нет, – вознегодовала Алиса. – И вовсе не потухну! К тому же если я только сон, то

кто же тогда вы, хотела бы я знать? – То же самое, – сказал Труляля. – Самое, самое, – подтвердил Траляля. Он так громко прокричал эти слова, что Алиса испугалась. – Ш-ш-ш, – прошептала она. – Не кричите, а то вы его разбудите! – Тебе-то что об этом думать? – сказал Труляля. – Все равно ты ему только снишься. Ты ведь не настоящая! – Нет, настоящая! – крикнула Алиса и залилась слезами. – Слезами делу не поможешь, – заметил Траляля. – О чем тут плакать? – Если бы я была не настоящая, я бы не плакала, – сказала Алиса, улыбаясь сквозь слезы: все это было так глупо. – Надеюсь, ты не думаешь, что это настоящие слезы? – спросил Труляля с презрением».

Декарт единственной самоочевидной истиной считал утверждение «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую»). А бог не может быть обманщиком и поэтому гарантирует реальность внешнего мира и других людей. В «Размышлениях о первой философии» (1641) Декарт пишет: «...Когда я обращаю острие своей мысли на самого себя, я не только понимаю, что я несовершенная вещь, зависящая от кого-то другого, – вещь, неограниченно устремляющаяся все к большему и большему, то есть к лучшему, – но и понимаю, что тот, от кого я зависим, содержит в себе это большее не просто неограниченным образом и только в потенции, но актуально, как нечто бесконечное, и потому он – Бог. Вся сила моего доказательства заключена в том, что я признаю немислимым мое существование таким, каков я есть по своей природе, а именно с заложенной во мне идеей Бога, если Бог не существует поистине – тот самый Бог, чья идея во мне живет, Бог – обладатель всех тех совершенств, коих я не способен постичь, но которых я могу некоторым образом коснуться мыслью, Бог, не имеющий никаких недостатков. Из этого уже вполне ясно, что он не может быть обманщиком: ведь естественный свет внушает нам, что всякая ложь в обман связаны с каким-то изъяном».

Заметим, что именно в мышлении Декарта существует бог. Следовательно, бог существует благодаря Декарту, который мыслит себя, мир и Бога. Это все равно, что полагать себя богом, мыслящим мир.

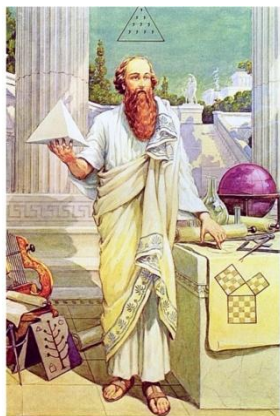
Дж. Беркли, который отождествлял вещи с совокупностью ощущений, считал, что непрерывность существования вещей, т. е. невозможность их исчезновения тогда, когда они никем не воспринимаются, обеспечивается их постоянным восприятием Богом.

С точки зрения Д. Юма, хотя чисто теоретически невозможно доказать существование внешнего мира и других людей, необходимо верить в их реальность, ибо без такой веры практическая жизнь и познание невозможны.

В разъяснении своей позиции солипсизм сталкивается с рядом трудностей. Наиболее спорный момент – отрицание существования других людей, так как в таком случае трудно объяснить свое появление. Солипсист не может доказать самому себе, что он существовал вчера. Таким образом, солипсизм оказывается «солипсизмом момента». Кроме того, солипсисту бессмысленно высказываться о солипсизме, поскольку окружающие существуют лишь в его воображении. Впрочем, он может считать, что разговаривает с собой. Нет никаких гарантий и в том, что это именно я мыслю мир, а не являюсь частью чьего-либо сновидения, в котором и мыслю мир. Следовательно, мои мысли могут оказаться не вполне моими.

2.4. Пифагореизм

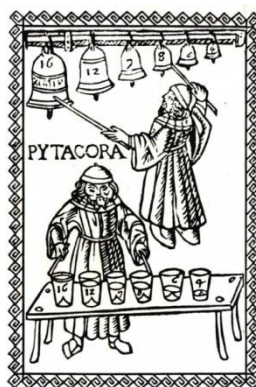
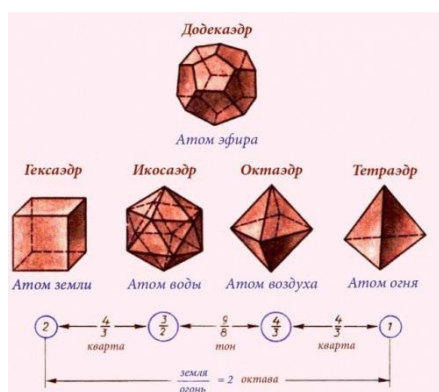
Пифагореизм – течение философской мысли, существовавшее с 6 в. до н. э. до заката античности. Основано Пифагором (570 до н. э., о. Самос – 497, Метапонт), поселившимся в Кротоне (о. Сицилия) и положившим начало итальянской философии.

Согласно Пифагору, «самое мудрое – число». Мир представляем в той мере, в какой беспредельное организовано числом и пределом: «Где нет числа и меры – там хаос и химеры» (Филолай).

Аристотель в «Метафизике» писал: «...В числах пифагорейцы усматривали (так им казалось) много сходного с тем, что существует и возникает, – больше, чем в огне, земле и воде (например, такое-то свойство чисел есть справедливость, а такое-то – душа и ум, другое – удача, и, можно сказать, в каждом из остальных случаев точно так же); так как, далее, они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах; так как, следовательно, им казалось, что все остальное по своей природе явно уподобляемо числам и что числа первое во всей природе, то они предположили, что элементы чисел суть элементы всего существующего и что все небо есть гармония и число».

Во всем, что едино (тождественно, равно, единодушно и др.), пифаго-

рейцы усматривали единицу (монаду). В различном (неравном, делимом, двойственном и переменчивом) они видели двоицу (диаду). Если вещь имела начало, середину и конец, то они видели в ней

троицу (триаду). Все они видели существующим в определенных пропорциях и способным достичь гармонии

«Просчитывая» человека, Пифагор научился распознавать природу каждого. Он ни с кем не дружил и не знакомился, не определив по лицу, каков этот человек. Разработав множество способов обучения, он в соответствии с природой, способностями и склонностями каждого человека передавал ему соответствующую долю мудрости

Следуя установке на пропорциональность и гармонию пифагорейцы, разрабатывали более совершенное конституционное устройство государств, составляли законы.

Следы влияния пифагореизма можно найти и в законах XII таблиц¹. Законы XII таблиц – *ter tabulae quaternae*, т.е. «трижды по четыре таблицы». Четверка – первое квадратно число – олицетворяла равенство, эквивалентность и саму справедливость. Тройка – начало, середина и конец. Во многих нормах XII таблиц проявляется особое отношение к цифре три: троекратная манципация сына, право трех ночей, казнь несостоятельного должника в третьей нундины и т.д. В целом XII таблиц – это начало, середина и конец справедливости.

Итак, для пифагорейцев вещь суть число. Это положение представлялось неясным и вызывало ряд вопросов. Означает ли это, что вещи состоят из чисел? Из скольких чисел состоит вещь? Как эти числа сосуществуют? Как соотносятся вещь и число? Они ведь не тождественны друг другу и как-то образом соединены. Если числа неизменны, как тогда вещи изменяются?

Таким образом, в виде числа пифагорейцы выделили конститутивный элемент онтологии, посредством которого описывали сущее. Числовая модель реальности позволяла интерпретировать любой ее фрагмент. Преимущество числовой онтологии состояла и в том, что числа находились между собой в строго определенных соотношениях. Это позволяло устанавливать соотношения в самой реальности, а также формализованно достраивать онтологию, используя известные свойства чисел.

Число – это умопостигаемый, абстрактный предмет. Но числа рассматривались как существующие в чувственно воспринимаемой реальности и исчерпывающие ее, поскольку все есть число.

2.5. Элейская школа

Элейская школа – философская школа (кон. 6 – 1-я пол. 5 в. до н. э.), сложившаяся в италийском городе.

¹ Кофанов Л.Л. Пифагореизм в римском авгуральном праве // Вестник древней истории. 1999. № 2.

У истоков школы стоит уже упоминавшийся иониец Ксенофан, который подверг критике представления о множестве богов. По истине, как полагал он, существует только один бог, неподвижный и правящий миром силой ума. А у людей обо всем может быть только мнение.

Парменид (540-470 до н. э.) в поэме «О природе» предостерегал от следования мнениям: «Не позволяй, чтоб тебе накопившая опыт привычка веру внушала лишь в то, чему учат нас лживое зренье, гулом наполненный слух и язык. Только разумом должен ты проверять осторожно все то, что ныне поведать я собираюсь тебе». На его взгляд, нужно избегать излишней доверчивости к устоявшимся представлениям и опираться на разумные суждения о реальности.

Устами персонажа своей поэмы богини Дике Парменид формулирует основополагающее для европейской философии положение о тождестве бытия и мышления. «Ибо мыслить – то же, что быть. Можно лишь то говорить и мыслить, что есть: бытие ведь есть, а ничто не есть». Этим положением он призывает мыслить только так, как все есть. Небытия же нет, так как разумно предполагать его существование невозможно. Поскольку мышление предметно, то мыслимо только бытие, а небытие невыразимо и немислимо.

Использованный Парменидом прием мышления получил название *онтологического аргумента*: сущее основывается на мысли о нем. Все мыслимое – есть. Из наличия в онтологии каких-либо конструктов следует наличие их в сущем.

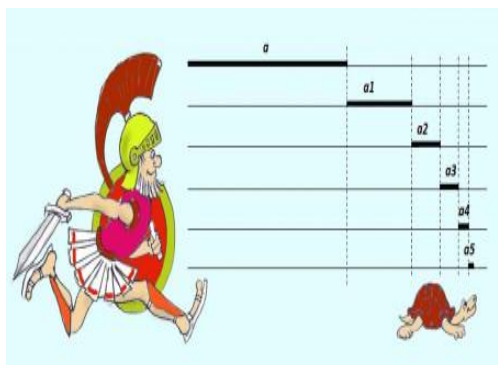
Поскольку все сущее, а несущего нет, то все «нерожденно, бессмертно, цельно, однородно, недвижно, полнопредельно ... Слитно, едино». Все слитно и завершено. Все неизменно, покоится и требует спокойствия.

Позднее Парменида упрекали, что о бытии он говорил в различных смыслах. Но важно то, что последовательно указывая признаки сущего, вытекающие из того, что небытия нет, Парменид продемонстрировал взаимобусловленность элементов онтологии и необходимые связи между ними. Каждое онтологическое суждение о реальности влечет за собой цепочку без-

условных суждений, релевантность которых реальности дискутируема. Таким образом, онтология может быть построена относительно независимо от реальности, без обращения к данным о ней.

Парменида высмеивали. Как, например, А.С. Пушкин в стихотворении «Движение» (1825):

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Зенон (490-430 до н.э.), ученик и друг Парменида, выдвинул ряд доводов в защиту его учения. По убеждению Зенона, если допустить в мысли существование небытия и движения, то мысль неизбежно заходит в *апорию*, в безвыходное положение.

По апории «Дихотомия», движение немыслимо, поскольку за некоторое время нужно пройти бесконечное число точек. По апории «Стрела», что летящая стрела стоит на месте, так как в каждый миг полета она покоится. По апории «Ахиллес», если сущее бесконечно делимо, то быстроногий Ахиллес не догонит медленно движущуюся черепаху. Пустота сама по себе не может существовать наряду с бытием, так как если бы она была, то она была бы в чем-то, следовательно, не сама по себе.

Мелисс (5 в. до н.э.) Мелисс в сочинении «О природе, или О сущем» выдвинул принцип сохранения бытия «Из ничего не возникает ничего» (*Ex nihilo nihil fit*). Из этого следовало, что бытие неизменно, вечно, безначально и бесконечно, одно и везде одинаково, неподвижно.

Мелисс, в отличие от Парменида, делает вывод о бесконечности бытия. Действительно, если бытие конечно, то пустота существует. Таким образом, Мелисс модифицирует онтологию элеатов, предлагая ее уточненную версию.

Положение Парменида о тождестве бытия и мышления позднее было воспринято не только в смысле соотношения онтологии и реальности, но и в смысле соотношения бытия и мышления как различных компонентов онтологии (природы и духа, материального и идеального) и как фрагментов реальности, соответствующих этим онтологемам. Различные решения вопроса о том, как соединены в реальности бытие и мышление и как это соединение представимо в онтологии, стало исходной точкой конституирования различных течений в европейской философии.

2.6. Атомизм

Объясняя факт движения, Левкипп (500–440 до н. э.), ученик Зенона Элейского, предложил разрешить его апории, допустив сосуществование атомов (неделимых) и небытия (пустоты). Левкипп предполагал, что существуют лишь две стихии – атомы и пустота. Атом не содержит пустоты. По-

этому он неразрушим, неизменен и вечен. Благодаря пустоте атомы движутся.

Демокрит из Абдер (460–370 до н. э.), ученик Левкиппа, говорил: «Лишь в общем мнении существует цвет, в мнении – сладкое, в мнении – горькое, в действительности же существуют только атомы и пустота».

Онтологическое допущение о делимости бытия до бесконечности он отвергал как практически недоказуемое. Свое же учение он считал согласным с чувственным восприяти-

ем, так как оно объясняло факт движения. Атомы носятся во Вселенной,

кружась в вихре, и, таким образом, рождается все сложное. Как животные собираются в стаи, так и атомы одного вида собираются в тела.

Движение атомов вечно, а число возникающих миров бесконечно. Некоторые из этих миров между собой не только сходны, но во всех отношениях совершенно и абсолютно одинаковы, так что между ними совсем нет никаких различий, как и между (соответствующими друг другу) людьми (в различных мирах). Поэтому не следует беспокоиться (и завидовать): «Ничто не более такое, чем такое».

Этот принцип онтологизирует состояние «исономии» (ἰσωνομία – равенство перед законом, равноправие). Атомы и пустота существуют на равном основании. Формы атомов бесконечно разнообразны, так как нет основания предпочесть одну форму другой и ограничивать количество форм атомов.

Атомы носятся в пустоте и, соединяясь между собой, они производят возникновение, расторгаясь же, – гибель. Но смерти не нужно страшиться, потому что ее нет, а есть только рассеяние атомов души. Эпикур (342 до н.э., Самос – 271 до н.э., Афины), последователь Демокрита, в письме Менекею добавлял: «Стало быть, самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мёртвых, так как для одних она сама не существует, а другие для неё сами не существуют».

Кроме того, Эпикур указывал, что должно отвергнуть возможность деления на меньшие части до бесконечности, чтобы нам не сделать все существующее без реальности, распыляя ее в ничто.

В Новое время получил распространение *социальный атомизм*. Гегель об этом писал: «Еще большее значение, чем в физике, атомистическое воззрение получило в политических учениях Нового времени. Согласно последним, воля единичных лиц как таковых есть принцип государства; силой притяжения являются частные потребности, склонности отдельных лиц, а все-

общее – само государство – есть внешнее договорное отношение» («Энциклопедия философских наук»).

Робинзонада – модель, представляющая человека как обособленного одиночку, «героя воли», всем обязанного себе самому. Социум описывается как совокупность таких атомизированных индивидов, для которых характерны внутреннее беспокойство и пагубное стремление к приключениям, осторожность и недоверчивость, а также культ методичности и отчетности.

Метафору робинзонады впервые использовал Карл Маркс (1818–1883) во «Введении» к «Экономическим рукописям 1857–1858 гг.»: «Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишённым фантазии выдумкам XVIII века. Это – робинзонады, которые отнюдь не являются – как воображают историки культуры – лишь реакцией против чрезмерной утончённости и возвращением к ложно понятой естественной жизни. Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и *contrat social* Руссо, который устанавливает путём договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами. Это – иллюзия, и всего лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад. Это, скорее, предвосхищение “гражданского общества”, которое подготовлялось с XVI века, а в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобождённым от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определённого ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых ещё всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивидуум XVIII века – продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой – развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, – представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а её исходным пунктом, потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе

индивидуум представляется им не исторически возникшим, а данным самой природой».

Вслед за Марксом наряду с экономической робинзонадой стали вычленять модели гносеологической робинзонады (а также робинзонад социологической, политической, психологической и пр.).

К затруднениям, с которыми столкнулся атомизм относили следующие вопросы: Как связаны атомы и пустота? Почему взаимодействуют атомы? Если атом является протяженным телом, то он должен быть делим. Как вечные и невоспринимаемые атомы образуют невечные и воспринимаемые тела. Как не только предположить, но и доказать существование атомов?

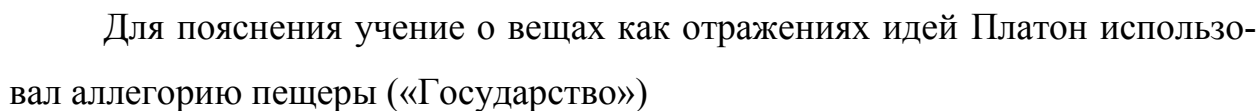
2.7. Платонизм

Платонизм – философское направление, опирающееся на учение Платона о противоположности мира вещей и мира идей.

Платон Афинский (427–347 до н. э.) – ученик *Сократа* из Афин (469–399 до н. э.). Сократ полагал, что может избавиться от кошмара созерцания вечно изменчивого гераклитовского мира, обратившись к идеям вещей. В диалоге Платона «Федон» Сократ признается: «Я думал со страхом, как бы мне совершенно не ослепнуть душою, рассматривая вещи глазами и пытаясь коснуться их при помощи того или иного из чувств. Я решил, что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия». Оказавшись причастным к миру, казалось бы, неизменного бытия, Сократ с гордостью говорит: «Да, я надежно укрылся от опасностей, сказавши себе и другим, что прекрасное становится прекрасным благодаря прекрасному».

Сократ вел беседы об общих понятиях: что есть прекрасное вообще, справедливое вообще и пр.? Он думал, что нелегко поступать прекрасно или справедлив, не зная, что это такое. Познавая, мы должны делаться лучше.

Идея (эйдос) есть то, что отвечает на вопрос «Что это?» применительно ко всякой вещи. Например, для определения человека необходимо найти модельный образ человечности, соответствие которому и позволяет быть человеком. Для всякой вещи и всякого существа высшее благо заключается в том, чтобы быть, и быть самим собой таким, каким должен быть *по идее*.

Узники находятся в пещере спиной к входу. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит дорога, огражденная невысокой стеной. За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены. Одни из несущих разговаривают, другие молчат.

Находясь в таком положении, люди видят только тени предметов, отбрасываемые огнем на расположенную перед ними стену пещеры, и они принимают эти тени за истину. Проходящей тени они приписывают звуки, отдающиеся эхом в темнице. Узники воздают почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее,

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на вещи, тени от которых он видел раньше. Он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь. А если заставить его смотреть прямо на самый свет, у него заболят глаза и вернется он бегом к тому, что он в силах видеть.

Если насильно тащить его, извлекая на солнечный свет, он будет страдать и возмутится таким насилием. Когда он выйдет на свет, глаза его настолько будут поражены сиянием, что он не сможет разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

Тут нужна привычка. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было

бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а затем только на Солнце и его свет.

Когда человек поймет, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве, и оно же есть причина всего того, что узники видели в пещере, то сочтет он блаженством перемену своего положения и пожалеет своих друзей

Если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, его глаза будут охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца. Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут в состязании с вечными узниками, разбирая значение теней, он будет казаться смешон. О нем станут говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того бы они непременно убили, попадись он им в руки.

Трудности конструкции учения об идеях выделены самим Платоном и его учеником Аристотелем. Как показать, что идеи существуют? Как познаются неподвижные идеи? Как представить, что идея рассеяна в бесчисленном множестве порождаемых ею вещей, находится и вне себя, и в самой себе, и при этом тождественна себе? Идея целиком заключается в каждой из вещей, или каждая вещь должна заключает в себе лишь часть своей «идеи»? Невозможно представить идеи отношений (правого, выше) и движения. Можно ли допустить наряду с существованием высокими идеями блага и справедливости, красоты и т. д. существование низких идей столов, волос, грязи и т. п. По аргументу «третий человек», если мы сличим идею с вещью, то в уме возникает новая идея, общая для вещи и ее идеи, и т. д. до бесконечности. Для каждой вещи должна существовать уже не только одна единственная идея (ее прообраз), а бесконечное множество причастных к ней идей. Кроме того, учение об идеях не объясняет изменчивости мира.

2.8. Метафизика Аристотеля.

Аристотель – ученик Платона и наставник Александра Македонского. Труды Аристотеля по «первой философии» были собраны Андроником из Родоса (в 1 в. до н. ж.) под названием «Ta meta ta physika» – то, что следует после физики.

Метафизика – учение о сверхчувственных началах бытия. Оно направлено на то, что превышает данное в опыте, выходит за его ограничения и пределы для познания всего того, что вообще есть.

Аристотель констатировал, что большинство первых философов считало началом всего одни лишь материальные начала – то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются, причем естество (physis) хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях. «Действительно, – соглашается Аристотель – пусть всякое возникновение и уничтожение непременно исходит из чего-то одного или из большего числа начал, но почему это происходит и что причина этого? Ведь как бы то ни было, не сам же субстрат вызывает собственную перемену; я разумею, что, например, не дерево и не медь – причина изменения самих себя, и не дерево делает ложе, и не медь – изваяние, а нечто другое есть причина изменения». Выход был найден в том, что одно начало (например, огонь, Ум) объявлялось движущим, а остальные – вода, землю и тому подобное – движимыми.

Числа пифагорейцев и эйдосы Платона отражают неподвижное, устойчивое в вещах и не объясняют факт движения. Ошибку Платона Аристотель также видел в наделении идей самостоятельным существованием в обособленности от чувственного мира. На его взгляд, эйдос (форма) присутствует в вещи, ограничивая и оформляя собой материю.

В «Метафизике» Аристотель исходил из того, что «ни одна вещь не возникает из небытия, но все – из бытия». По Аристотелю, есть только единичные сущие, обладающие самобытием. Единичное сущее есть сочетание

(общение) материи и формы (суть бытия вещи). Форма является господствующим началом, а материя – подчиненным.

Например, форма живого существа – душа, а его материя – тело. В нормальном, неизвращенном состоянии душа властвует над телом как господин, а разум над стремлениями (аффектами) – как государственный муж, что естественно и полезно. Так и в браке – общении мужа и жены – мужчина

Согласно популярной средневековой легенде, Александр Македонский в юности попал под влияние гетеры Филлиды, что беспокоило Аристотеля. Гетера согласилась оставить Александра в покое, если Аристотель покатает ее.

Совершенный он прекрасен. Поэтому всё его любит и к нему стремится. Именно таким способом Ум, оставаясь недвижимым, всем движет, действуя как перводвигатель.

Бытие Ума есть мышление. Мышление предметно. Ум мыслит сам себя и другое сущее. Ум также влечется к миру, уделяя ему внимание, мысля и оформляя сущее. Ум мышлением и любовью творит мир. Мир оказывается деятельностью Ума, его умным и любовным деланием.

по своей природе властвует, а женщина находится в подчинении.

Любая вещь сама является материей, обладающей своей формой и материей. Иерархия форм и материй ограничена снизу «первой материей», а с другой стороны – формой форм. Наивысшая сущность и форма – неподвижный

Ум. Как форма форм Ум совершенен и ему ничем двигаться. Как со-

Афинская школа (1509-1511) – фреска работы Рафаэля в станце делла Сеньятура Ватиканского дворца. Всего на фреске представлено свыше 50 фигур.

В центре – Платон и Аристотель.

- лысый, в желтоватом одеянии на первом плане – Анаксимандр, ученик Фалеса;
- сидит, опершись на куб – Гераклит;
- в белом одеянии, сидя с книгой – Пифагор;
- стоит и держит книгу – Парменид;
- рядом с амуром – Зенон, ученик Парменида;
- в венке – Демокрит;
- следующий за Зеноном – Навсифан, последователь Демокрита, учитель Эпикура;
- мальчик за его спиной – Диоген Лаэртский, историк философии;
- с длинными волосами – Анаксагор;
- в желтовато-зеленоватой – Сократ;
- в голубом и розовом, спускается – Аристипп, друг Сократа;
- в шлеме – Алкивиад, полководец и политик, ученик Сократа;
- в синей тоге – Менексен, ученик Сократа;
- с вытянутой рукой – Есхин, ученик Сократа;
- в темном головном уборе, низенький – Ксенофонт, ученик Сократа;
- лежит на ступенях – Диоген;
- в розовом – Критий, дядя Платона;
- с бородой, в коричневой тоге – Спевсипп, племянник Платона;
- в белой тоге – Ксенократ, ученик Платона;
- в синеватой – предположительно Александр Македонский, ученик Аристотеля;
- с бородой, в желтоватом плаще – Теофраст, ученик Платона и Аристотеля;
- вплотную к Теофрасту стоит – Евдем, ученик Аристотеля;

- с обнаженным торсом – Диагор Мелосский, поэт по прозвищу «Безбожник»;
- стоит в белом – Гипатия, женщина–математик, астроном и философ;
- с циркулем – Евклид, сидят на коленях и стоят согнувшись – его ученики;
- всходит по ступеням – Эпикур;
- в белой одежде с небесным глобусом – Зороастр;
- в темной тоге – философ Аркесилай (по другой версии – Плотин);
- опершись рукой о стену – философ Пиррон;
- в белом тюрбане – Аверроэс, арабский философ;
- спиной к зрителю, с земным шаром – Птолемей, астроном и географ;
- в темном берете – Рафаэль;
- в белом берете – Иль Содома, художник, друг Рафаэля (по другой версии – Перуджино, учитель Рафаэля).

3. АКСИОЛОГИЯ

Понятие аксиологии. – Субъект и объект. – Монизм и плюрализм. – Связь и отношение. – Мера. – Качество и количество. – Пространство и время. – Учение о развитии.

3.1. Понятие аксиологии.

Аксиология – учение о ценностях. Ценность обычно понимается как значимость сущего. Значимость означает, что в сущем представлено нечто иное, чем оно есть само по себе. И именно это иное в нем важно. Сущее как ценность есть не просто сущее, но и бытие в нем иного сущего. Это уже не что-то, а *нечто*.

Нечто есть сущее не как в-себе-бытие (или само-по-себе-бытие), а как бытие другого (инобытие) и бытие-для-другого (или бытие-для-иного). Ничто не существует само по себе. Все *со-стоит* и находится в определенных *состояниях*¹.

Сущее дифференцируется в движении. Первоначала – *архе* возникают в определенном порядке, вследствие чего образуют *иерархию*.

В неоплатонизме (и в идеализме в целом) иерархия моделируется как возникающая путем *эманации* (лат. *emanatio* – истечение, распространение) – от высшей ступени сущего (абсолюта: Брахмана, абсолютной идеи Гегеля) к менее совершенным и низшим ступеням: Единое (первосущее) → Ум, стоящий из чисел и идей → Мировая Душа → Природа как совокупность тел → Материя.

В материализме иерархия сущего возникает путем спонтанной самоорганизации материи. И в том и в другом случае каждый уровень сущего выражает другие его уровни или является предпосылкой его бытия.

¹ Именно состояния иногда описываются как ценности. Так, Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., как фундаментальные ценности для международных отношений в XXI веке выделила свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, общую ответственность.

В движении, становлении все существует не только в себе и для себя, но и для другого, в котором становится иным. Ценность – это уже не просто сущее, а должное. Именно этот аспект «задолженности» другу другу выделен Анаксимандром в изречении: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды (ущерба) в назначенный срок времени».

В диалоге «Лисид» Платон различал три рода сущего: благое, дурное и третье – ни хорошее, ни дурное, т.е. безразличное. Зло – то, что приносит вред, благо – то, что пользу, безразличное же безразлично в разной степени: или иногда полезно, а иногда вредно (гулять, сидеть, есть), или ни полезно, ни вредно ни при каких условиях. Ценности, таким образом, относительно: они бывают положительными и отрицательными, низшими и высшими.

Основной вопрос аксиологии: «Что есть благо?». Василий Великий (330– 379) так писал о неопределенности блага: «Ныне раб негодует, что он несвободен; воспитанный в свободе – что не высокого происхождения, не из знатных по роду, не может в восходящем порядке насчитать семи дедов, которые славились бы множеством коней или расточали богатство на единоборцев. Знатный родом жалуется, что не слишком богат; богатый скорбит и сетует, что не правитель городов и народов; военачальник – что не царствует; царь – что не обладает всей подсолнечного, но что есть еще народы, не поклонившиеся под его скипетр. Из всего же этого выходит то заключение, что ни один не благодарит Благодетеля» («Беседы на Шестоднев»).

Гераклит Эфесский был прозван «плачущим» философом за то, что не видел в бытии блага. Античный писатель Лукиан изображает в рассказе «Продажа жизней» следующую сценку: «*Покупатель*. А ты что плачешь, любезнейший? Думаю, гораздо лучше поговорить с тобой. *Гераклит*. О чужеземец, я думаю, что жизнь человеческая несчастна и полна слез, и нет в ней ничего, неподвластного смерти; потому-то я вас жалею и плачу. И настоящее мне не кажется великим, а уж будущее и вовсе печально – я разумею

мировые пожары и погибель Вселенной. Об этом я и плачу, а еще о том, что нет ничего постоянного, но все смешано как в болтанке и одно и то же: удовольствие-неудовольствие, знание-незнание, большое-малое – все это перемещается туда-сюда и чередуется в игре Вечности (Эона)».

Браманте. Гераклит и Демокрит (1477).

«Плачущий» Гераклит находится у истоков *философского пессимизма* – оценки бытия как «дурного». Наиболее последовательно принцип вселенского пессимизма проводил Артур Шопенгауэр. Он считал, что мир и люди – это порождения слепой ненасытной воли, которая ради своей забавы обрекает человека на страдания. Поэтому «наше бытие таково, что лучше бы его совсем не было».

Философский оптимизм – оценка сущего как блага. У истоков философского оптимизма находится Демокрит, прозванный «смеющимся» философом. Так, Сенека замечал: «Гераклит всякий раз, как выходил на люди,

плакал, а Демокрит смеялся: одному все, что мы делаем, казалось жалким, а другому – нелепым». С точки зрения атомиста, все есть сцепления атомов, обладающих разными формами; следовательно, все действительно могло выглядеть смешно и нелепо.

Лейбниц в трактате «Опыт теодицеи о благости Бога, свободе человека и происхождении зла» (1710) убеждал, что всемогущий Бог создал наилучший из возможных миров. Зло – это лишь некоторое лишение добра, в конечном счете оно ведет к добру, и даже наибольшее зло – к наибольшему добру. Человек не может согласиться с этим потому, что своим ограниченным взором он не в состоянии объять необозримую цепь событий, а ограниченным умом – проникнуть в суть вещей.

С распространением света разума, как считалось в эпоху Просвещения, не только раскрывается гармония мира, но и распространяется прогресс. Катастрофическое землетрясение 1755 г. в Лиссабоне стало одним из поводов для кризиса просветительского оптимизма. Вольтер в «Поэме о гибели Лиссабона» писал: Мне Лейбниц не раскрыл, какой стезей незримой В сей лучший из миров, в порядок нерушимый Врывается разлад, извечный хаос бед, Ведя живую скорбь пустой мечте вослед. Зачем невинному, сродненному с виновным, Склоняться перед злом, всеобщим и верховным? Постигнуть не могу в том блага своего. Я, как мудрец, увы! Не знаю ничего».

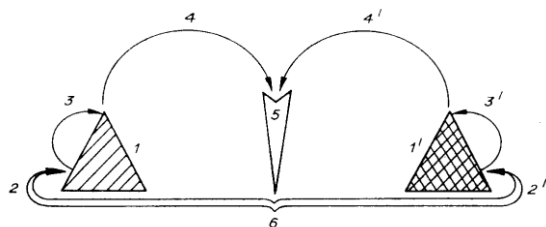
3.2. Субъект и объект

Аксиология обращает внимание на событийность движущегося сущего, на совершающиеся в нем переходы. В движении различаются изменение и покой. Тождество изменения и покоя – это *момент* (движения). Движение, будучи по своей сути, моментальным, является движением от некоторого одного момента к некоторому другому моменту. *Процесс* – дифференцированное единство моментов движения. Но движение в целом есть также момент – *тело*. Таким образом, тело может рассматриваться как процесс.

В процессе движения его моменты занимают различное положение. *Субъект* – это тело как процесс, вовлекающий в процесс своего движения другие тела и изменяющий их. В этом смысле субъект – это носитель *активности*, инициирующий движения других тел и изменения в них. *Объект* – это *пассивное* (претерпевающее) тело, вовлекаемое субъектом в процесс и изменяемое в нем. Субъект активен, а объект пассивен.

В процессе движения права дифференцируются субъект (правовой субъект) и объект права (правовой объект). Это моменты движения права, обладают, соответственно правосубъектностью и правообъектностью (например, оборотоспособностью).

Пассивность объекта, его относительная неподвижность и обусловленное этим сопротивление изменению модифицирует активность субъекта. Объект проявляет *реактивность*, реагирует и становится *контрсубъектом*. Так, потерпевший от правонарушения может стать истцом и обвинить правонарушителя.

Модель субъект-субъектного взаимодействия в обществе. Цифрами обозначены: 1 и 1' – субъекты; 2 и 2' – объективный интерес, осознаваемый как цель; 3 и 3' – образ действительности, формируемый на основе цели; 4 и 4' – программа и поведение, ее реализующее; 5 – результирующая, снятие их разнонаправленных активностей; 6 – опредмеченная деятельность, условие и результат взаимодействий субъектов (Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 180.)

Взаимно направленная активность тел называется *взаимодействием*. В зависимости от соотношения активности баланс взаимодействия может сдвигаться в ту или иную сторону. При значительном смещении говорят о *воздействии* субъекта на объект, т.е. менее активное тело. В этом случае реактивность

объекта описывается как *противодействие* (сопротивление).

Активность распределяется между сторонами взаимодействия, так что одна активна в некотором одном аспекте, а другая – в другом. Ведущей является та сторона, которая выражает общую направленность процесса. Соотношение активностей изменяется с развитием взаимодействия.

Во взаимодействии активность субъекта снимается объектом. Субъективный – зависящий от субъекта, имеющий основание в нем самом. *Субъек-*

тивизм – позиция, переоценивающая активность субъекта и недооценивающая роль объектов. *Объективный* – независимый от субъекта, зависящий от объекта. *Объективизм* недооценивает активность субъекта в движении объекта, в связи с чем избегает выявления ведущей силы процесса и его направленности.

В восприятии субъектов известен такой феномен как *фундаментальная ошибка атрибуции* – склонность объяснять мышление и поступки других субъективным («внутренней диспозицией»), а собственные действия – объективными обстоятельствами («внешней диспозицией»). Так, преступник может считать, что он стал жертвой обстоятельств, а обвинители будут полагать, что он мог поступить иначе. Ошибка атрибуции объясняется тем, что когда мы действуем, нашим вниманием управляют обстоятельства, а при наблюдении за другим именно он находится в центре внимания, а объективные обстоятельства оказываются на периферии внимания.

Субъект как носитель процесса обладает субъективными и объективными характеристиками, составляющими вместе субъектное. Объект в своей независимости отделен от субъекта. Он объективен и вместе с тем является результатом объективации субъекта, т.е субъективен.

Учение о положенности объекта субъектом развил немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). «Философия учит нас все отыскивать в Я. Впервые через Я входят порядок и гармония в мертвую и бесформенную массу... . Через него держатся вместе мировые тела и становятся единым организованным телом, через него вращаются светила по указанным им путям. Через Я утверждается огромная лестница ступеней от лишая до серафима, в нем – система всего мира духов, и человек имеет право ожидать, что закон, который он дает себе и этому миру, должен иметь силу для него; он имеет право ждать его общего признания в будущем. В Я лежит верное ручательство, что от него будут распространяться в бесконечность порядок и гармония там, где их еще нет, что одновременно с подвигающейся вперед культурой человека будет двигаться и культура вселенной», – писал он в работе «О дос-

тоинстве человека» (1794).

Исходный тезис Фихте: Я есть Я («Я такой»). Утверждение Я полагает объект – не-Я. Я и не-Я ограничивают и тем самым полагают друг друга, взаимоопределяются. Циклически повторяющийся и прогрессирующий процесс взаимоопределения дифференцирует и конкретизирует состав Я и не-Я.

Интерес к Я натолкнул Фихте на следующее предложение по усовершенствованию паспортной системы: в паспорта подозрительных лиц помещать не только их приметы, но и их изображения.

3.3. Монизм и плюрализм.

Монизм (от греч. monos – один, единственный) – представление мира в свете одного начала. Альтернативами монизма являются **дуализм**, исходящий из двух начал, и **плюрализм**, исходящий из множественности начал сущего.

Исходным является представление о множественности всего сущего. Поэтому не ясно: что делать? с чего начать? за что ухватиться? Все кажется одинаково важным. Но если все одинаково, то можно начать с чего угодно. Таким образом, многое – это эмпирическая данность, и только впоследствии выясняется, что все едино.

На основе этого опыта в философской теории образуется абстракция единого. Фалес говорил: «О многом говорить не значит мнить разумно. Единое отыскивать достойно мудреца. Одно старайся выбрать; тем самым крепко свяжешь Мужей болтливых речи, лишённые конца».

Диоген из Аполлонии (499- 428 до н. э.), ученик Анаксимена, единство усматривал и в сущем: «Если быть кратким, мне кажется, что все сущие вещи представляют собой превращения одного и того же и суть одно и то же. И это очевидно: если бы вещи, наличествующее теперь в этом космосе, – земля, вода, воздух, огонь и все прочее, что мы видим в этом космосе, – если бы хоть одна из них была другой, существенно отличной по своей природе от

всего остального, а не оставалась бы тем же самым в своих многообразных изменениях и превращениях, то никакие вещи никоим образом не могли бы ни смешиваться друг с другом, ни причинять друг другу пользу или вред, равно как ни растение не могло бы произрасти из земли, ни животное родиться, ни что-либо иное возникнуть, если бы они не были одним и тем же в смысле своего состава. На самом же деле все эти вещи суть превращения одного и того же: они рождаются то такими, то иными из одного и того же и в одно и то же возвращаются»

Платон также подчеркивал познавательное значение принципа единства: «Беспредельное множество отдельных вещей и свойств, содержащихся в них, неизбежно делает также беспредельной и бессмысленной твою мысль» («Филеб»). Множество вещей понимается через отнесение их к единому. Так, кроватей и столов на свете множество, но идей этих предметов гораздо меньше.

Аксиологемы единого и многого – это дополнительные по отношению друг к другу категоризации мира. Абстракция единого образуется отвлечением от многого, а конкретный образ многого формируется дифференциацией единого. Поэтому «все едино – одно из всего и все из одного» (Гераклит)

В концептуальном плане единое – начало всякого множества, ему предшествующее и его превосходящее, так как само множество мыслится как нечто одно. Так, если мир мыслить как множество атомов (гомеомерий, монад и пр.), то в основе образа этого множества находится понятие атома. Всякое множество вторично по отношению к единому.

Мир многообразен, но может мыслиться и как единое, и как многое. Но единое немислимо без многого. Поэтому не убедителен Парменид, утверждавший, что из единства бытия следует небытие множественности. Де-факто эту множественность он признавал, мысля мир посредством множества категорий.

Многое единое, а единое есть единство многого. Единое есть тождество себе многого, т.е. непрерывность (или *континуальность*). В силу единства

и непрерывности множества многие суть как одно, как и другое. А другое есть другое другого – и это все одно. Соответственно, множество есть раздельность единого, т.е. прерывность (или *дискретность*).

Лейбниц и София Шарлотта, первая королева Пруссии

Континуализм утверждает непрерывность сущего. Формулируя закон непрерывности, Лейбниц писал: «Существует тесная связь между людьми и животными, между животными и растениями и, наконец, между растениями и ископаемыми; ископаемые же в свою очередь находятся в теснейшей связи с телами, которые нашим чувствам и воображению кажутся мертвыми и бесформенными. Закон непрерывности требует, чтобы и все особенности одного существа были подобны особенностям другого, если только существенные определения первого подобны существенным определениям второго. Закономерность естественных явлений, таким образом, образует не что иное, как такую цепь, в которой различные роды явлений настолько тесно связаны, что ни чувственным восприятием, ни воображением невозможно точно установить тот самый момент, когда одно кончается и начинается другое; ибо все

промежуточные виды, т. е. виды, лежащие вокруг точек перегиба и возврата, должны иметь двоякое значение, характеризуясь такими признаками, которые с одинаковым правом можно было бы отнести как к одному, так и к другому из этих смежных видов».

Аритмология российского математика и философа Николая Васильевича Бугаева (1837–1903), оппонирует «культу непрерывности» и считает, что непрерывность – иллюзорна, а реальность прерывна. Впрочем, аритмология непоследовательна, так как в разрывах и трещинах мира усматривает «бездны зла» или «лазурь вечности».

Убедительнее Владимир Соловьев (1853–1900), утверждавший, что в казалось бы распавшемся, раздробленном мире присутствует *всеединство*, которому присущи полная взаимопроникнутость («все во всем») и в то же время взаимораздельность всех его элементов. Из факта всеединства мира следует его единственность и уникальность.

Редакция журнала «Вопросы философии и психологии», В. С. Соловьёв, С. Н. Трубецкой, Н. Я. Грот и Л. М. Лопатин. 1893 г.

В юриспруденции с античности доминировал правовой монизм. В трактате «О законах» Цицерон писал: «Закон и не был придуман человеком, и не представляет собой какого-то постановления народов, но он – нечто извечное, правящее всем миром благодаря мудрости своих повелений и запретов. Ведь этот извечный закон был разумом, происшедшим из природы, побуждающим к честным делам и отвращающим от преступления, разумом, который начинает быть законом не только тогда, когда он уже записан, но уже и тогда, когда он возник. А возник он одновременно с божественной мыслью. Поэтому истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум всевышнего Юпитера».

В конце XX века в юриспруденции стал влиятельным правовой плюрализм, который указывает на полиюридизм:

- этнический, основанный на особенностях обычного права народов;
- конфессиональный, вытекающий из различий в религиозном праве;
- региональный, обусловленный несовпадением локального и федерального права;
- военно-политический, порождаемый завоеваниями, ведущими к сосуществованию правовых систем победителей и побежденных;
- культурно-исторический, возникающий вследствие неравномерной рецепции права разными слоями населения.

3.4. Связь и отношение

Единое и многое существуют в движении. При этом сохраняется как единство многого, так и многое в единстве. Движение удерживает и единство и множество. *Связь* – это соединение, движение, ограничивающее движение многого и обеспечивающее единство входящих в него элементов.

Согласно *принципу всеобщей связи* «Вселенная есть связь, ибо сущее сливается с сущим» (Парменид). Поэтому в мире все предметы так или иначе связаны между собой.

В силу всеобщей связи действует *закон партиципации* – сопричастности всего друг другу. Люсьен Леви-Брюль (1857–1939) указывал на важность этого закона для первобытного мышления, в котором вещь воспринималась как таковая и как нечто другое. Например, бороро (бразильское племя) убеждены, что они и люди и ара-ра – красные попугаи. За любым событием (например, схваткой) они видят скрытые силы, определяющие его исход.

Элементы связанного множества *когерентны*, т.е. находятся в совместном, согласованном и сопряженном движении: изменению одного из элементов сопутствуют изменения других элементов. Примером когеренции в праве является принцип «*закон обратной силы не имеет*». *Декогеренция* – нарушение когерентности – может вызываться связыванием элементов множества окружающей его средой.

Связность движения элементов множества определяет *зависимость* их существования и движения друг от друга. Эта зависимость имеет взаимный характер, что определяет *взаимозависимость* элементов. Множество взаимозависимых элементов называется *комплексом*. В комплексе его отдельные элементы находятся в едином движении. В это движение вовлекаются элементы среды, которые связываются комплексом, или *комплексируются*. Связывающие элементы становятся *коннекторами* в составе комплекса, а связываемые – его *компонентами*.

В комплексе отдельные компоненты существуют не только в связности, но и в раздельности. Компоненты, сосуществующие в связи с другими компонентами, называются соотнесенными, или находящимися в *отношении* (от *relativus* – отнесенное). В отношении движение отдельных компонентов ограничено общей связью, вследствие чего эти движения подчинены общему движению комплекса. Движение отдельных компонентов изменяет другие компоненты, и это изменение является взаимным.

Взаимное изменение полагает в иное, осуществляет перенос (отнесение, отсылку) момента движения одного в другое. «Благодаря отношению существующее не абстрактно для себя, а есть лишь в другом, – писал Гегель – но в этом другом оно есть отношение с собой, и отношение есть единство отношения с собой и отношения с другим» («Энциклопедия философских наук»). Поэтому отношение есть соотношение – *корреляция*, соотнесенность и сопринадлежность компонентов комплекса.

Поскольку компоненты комплекса существуют в составе отдельных отношений и благодаря этим отношениям, то комплекс можно представить не только как множество соотнесенных, координированных элементов, но и как субординированное множество отношений. *Реляционизм* есть теоретико-модельная интерпретация мира в аспекте отношений. Например, австрийский философ И. Петцольдт (1862–1929) утверждал: «Действительность показывает нам только отношения, только относительности».

Для соотнесенного существовать – значит находиться в каком-либо отношении к другому. Это дает основание для *релятивизма* – представления об относительности всего сущего. Так, Гераклит отмечал: «Морская вода и чистейшая, и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же гибель и отравля».

Из-за относительности всего нужно обращать внимание не только на предметы, но отношения, в которых они даны. Об этом писал античный скептик Секст Эмпирик (160–210): «Если мы указываем, что все существует по отношению к чему-нибудь, то ясно отсюда, что мы не сможем сказать, какова каждая вещь по своей природе и в чистом виде, но только каковой нам она кажется по отношению к чему-нибудь. Отсюда следует, что нам должно воздержаться от суждений о природе вещей» («Три книги Пирроновых положений»).

Поскольку природа вещи есть ее содержание, возникшее при порождении из другого, то включенность вещи в разные отношения не препятствует выяснению ее генетических связей, происхождения из иного, а следовательно

но, не препятствует и суждению о ее природе. Поэтому можно судить о вещи в ее чистом виде, если будет уточнено, в каких отношениях и от каких воздействий ее надлежит «очистить», сохранив идентичность.

Словами «по природе», «в чистом виде», «само по себе» обычно характеризуется *абсолютное* (от лат. absolutus – «отвязанное», «отпущенное»). Абсолютное представляется как самобытие, безусловное и независимое, завершенное и самодостаточное, а *относительное* представляется как нечто, зависящее от другого или уносящееся к другому. Как правило, понятие абсолютного вводится как философский конструкт – в результате идеализирующей абстракции («абсолютная идея», «абсолютно твердое тело», «абсолютно чёрное тело», «абсолютно упругое тело» и др.). Выделение абсолютного относительно, так как абсолютное возникает в результате «отнесения», «отвязанности».

В силу относительности абсолютного последнее оценивается как *референтное* – то, с чем соотносятся.

В психологии *внешняя референция* характеризуется как зависимость личности от мнения окружающих. Оптимальна для исполнителя и работника, обслуживающего клиента.

Таблица 3.1

Характеристики людей с внешней и внутренней референцией

Типы референции	Плюсы	Минусы
Внешняя референция	Управляемость, хорошая обратная связь на стимулы. Хорошая подстройка, легкая адаптация к коллективу, («человек команды»). Склонен соблюдать нормы и инструкции	Низкий уровень самостоятельности, требует много поддержки и внимания, испытывает трудности при принятии решений. Легко поддается влиянию, конформист.
Внутренняя референция	Самостоятелен, способен работать автономно. Устойчивость ценностей, готов отстаивать свою точку зрения	Трудно мотивировать, может быть неуправляем. Не особенно учитывает мнение других людей, часто не коллективист. Может не соблюдать нормы и правила.

Внутренняя референция генетически производна от внешней референции, является продуктом ее интериоризации и выражается в независимости от внешних стимулов и ориентировании на собственное мнение, видение и позицию. Оптимальна для сотрудников штабных подразделений, а также позиций, требующих контроля обеспечения качества.

Внутренняя и внешняя референция являются моментами *самореференции* – соотносимости сторон единого множества.

3.5. Мера

Абсолютным по отношению к относительному является простейший, первичный элемент множества, т.е. единство в его первоначальном виде. Своим движением он направляет и ограничивает движение множества, выступая его мерой-правилом.

Мера – граница, предел существования. Мудрецы древности указывали на меру как самое ценное в практической жизни (Клеобул: «Мера лучше всего»; Солон «Во всем нужна мера»; Питтак «Знай меру»; Фалес: «Блюда меру»; Сократ «Ничего сверх меры»).

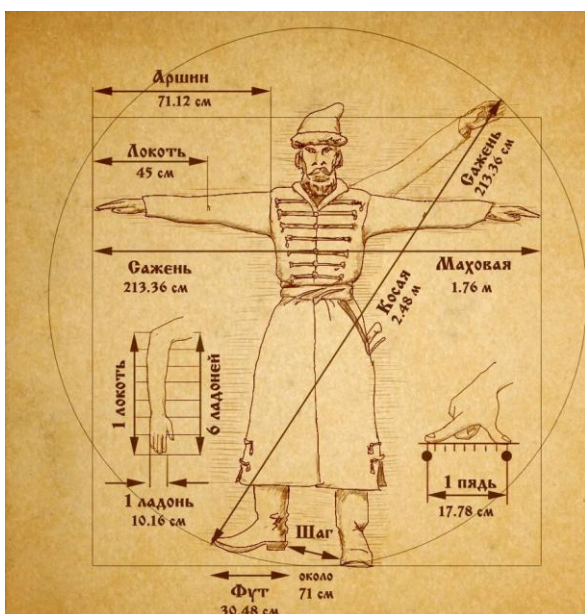
«Золотые пифагорейские стихи» содержат такое наставление о мере:

Меру важно во всем соблюдать – в еде и в напитках
И упражненьях для тела, и мера есть то, что не в тягость.
Образ жизни старайся вести нероскошный и чистый.
Остерегайся деяний, которые вызовут зависть.
Не допускай непомерных расходов, как низкий душою,
Но и не слишком скупись. Основа всего – это мера.

Символом меры в древнегреческой мифологии была богиня Немезида, изображавшаяся с весами в руках, поскольку она выполняла функции кары и возмездия за преступные деяния человека. Она же почиталась как богиня справедливости, равенства, закона и была устроительницей космическом порядка.

Гераклит говорил о космосе как о вечно живом огне, *мерно* возгорающимся и *мерно* угасающем. Бог, по словам Гераклита, выравнивает *чрезмерности* космоса, отдавая приказы через Солнце, а Солнце не преступает положенных мер, иначе его разыщут Эриннии, союзницы Правды.

Когда софист Протагор выступил с положением, что человек есть мера все вещей, то это вызвало недоумение. Платон оценил это положение устами Сократа как сомнительное, удивляясь, почему бы ему не сказать, что «мера всех вещей – свинья, или кинокефал» («Теэтет»). В «Законах» Платон настаивает на том что, пусть мерой всех вещей будет «главным образом бог, гораздо более, чем какой-либо человек».

Но выбор конкретного бога как меры – даже при монотеизме – проблематичен. Мерой всего может быть только все, а в отношении конкретных вещей мера должна быть столь же конкретна.

Протагор обратил внимание на релятивизм мер. Следует также указать, что мера реляционна, т.е. состоит в соотношениях. Например, мера в еде есть соотношение человека и пищи. Мера в еде сосуществует с мерами труда и отдыха. Таким образом, все налично сущее имеет некоторую меру.

В отношении меры Аристотель замечал: «Однако же и для величины государства, как и всего прочего – животных, растений, орудий, существует известная мера. В самом деле, каждое из них, будучи чрезвычайно малым или выдаваясь своей величиной, не будет в состоянии осуществлять присущие ему возможности, но в одном случае совершенно утратит свои естественные свойства, в другом – придет в плохое состояние. Так, например, судно в одну и пядь не будет вообще судном, равно как и судно в два стадия ; судно, доведенное до определенных размеров, будет совершать плохое пла-

вание в одном случае из-за малых размеров, в другом – из-за чрезмерных» («Политика»).

Из сосуществование мер вытекает многомерность сущего. С определенной точки зрения можно усматривать генезис единства из того или иного его элемента, который и будет рассматриваться как его мера.

Из многомерности сущего следует наличие в нем множества измерений, альтернативных друг другу. Так, в политике Европейского союза в зависимости от выбора основания развития выделяют северное, восточное, южное и западное измерения.

Из множества измерений вытекает проблема соизмеримости, т.е. существования общей меры. В философии науки выдвинут *тезис о несоизмеримости теорий* – тезис, согласно которому невозможно сопоставить и сравнить альтернативные теории в силу постановки разных проблем, различия онтологических допущений, оперирования одинаковыми по имени, но разными по смыслу понятиями, а также использования разных критериев оценки данных. Проблема несоизмеримости положительно разрешается референцией к нейтральному базису теорий, представленному в виде естественного языка, дисциплинарной традиции, общей духовной культуры, а также в виде практических приложений теорий.

Соизмеримость сущего является основой его соразмерности (пропорциональности). Вечной для права является проблема соразмерности правонарушения и наказания. Так, Гегель указывал на «воззрение стоиков, согласно которому существует лишь одна добродетель и один порок, драконовское законодательство, карающее за каждое преступление смертью, а также грубость формальной чести, вкладывающей бесконечную личность в каждое оскорбление» («Философия права»). Одномерность разрешается соотношением указанных деяний не только между собой, но и с основными началами права.

3.6. Качество и количество

Предмет существует в границах меры, которая определяет и выделяет предмет как *отдельное*. Это отдельное есть *единичное* – в себе и для себя бытие. Наряду с этим отдельное есть особенное – иное бытие для каждого иного. Таким образом, каждый предмет есть как в себе и для себя, так и есть каждый раз иной для многого иного. При этом он остается одним и тем же предметом.

Качество – это особенность (специфика) отдельного, различным образом проявляющаяся в различных связях с другими отдельными. Поскольку качество дано только в отношениях с другими предметами, то качество определяется только в этих отношениях – как *свойство*. Отдельное имеет множество свойств, в которых выражается его качество. Поэтому качество характеризуется как свойство (или комплекс свойств), позволяющее идентифицировать и специфицировать предмет.

Но субъекты меняются, а предметы остаются. Следовательно, каждый предмет обладает *атрибутом* – неотъемлемым качеством. В зависимости от того, в пределах каких мер выделяется предмет, он может характеризоваться множеством качеств-атрибутов.

В схоластике известна *теория скрытых качеств*. Предполагалось, что скрытые качества (теплота, белизна и т.п.) способны покидать одни предметы и появляться в других предметах, так как качества наделены самобытием, отличным от предмета. Свойства каждого предмета объяснялись с помощью действия соответствующего скрытого качества и, по мере раскрытия новых свойств, число этих качеств увеличивалось.

В эмпирической философии развивалась *теория первичных и вторичных качеств*, в которой под первичными качествами понимались атрибуты предмета, а под вторичными качествами – его свойства, устанавливаемые в связи с конкретным субъектом. Локк к первичным качествам относил при-
сущие самим телам плотность, протяженность, форма и пр., а к вторичным

качествам – его свойства, фиксируемые в ощущениях субъекта (цвет, запах, звук, вкус и т.п.). Здесь он следовал Демокриту, который полагал: «Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же существуют только атомы и пустота».

Для реляционизма качество только относительно, так как существует не само по себе, а лишь в отношениях. Излагая взгляды Протагора, И. Петцольдт писал: «Подобно тому, как мы прежде не могли найти ни одного свойства вещи вне зависимости его от других свойств, так и теперь мы не находим ни одного, независимого от нашей личности».

Мера выделяет предмет из сущего и в другом смысле – в смысле лишения сущего данного предмета. Предмет тогда рассматривается как иное этого сущего, но тождественное ему качественно. Выделенность мерой предмета из окружающего сущего определяет его как *количество*.

Качество и количество – это два аспекта меры. Единство этих аспектов выражается *законом перехода изменений количества в изменения качества*. Действие это закона иллюстрируется парадоксами «Лысый», «Куча» и т.п. Об этих парадоксах Гегель писал: «Задавался вопрос: появится ли лысина, если выдернуть один волос из головы или из лошадиного хвоста, или: перестанет ли куча быть кучей, если отнимем одно зернышко? Можно не задумываясь согласиться с тем, что при этом не получается лысины и что куча не перестанет быть кучей, так как такое отнимание составляет только количественную и притом даже весьма незначительную разницу; так отнимают один волос, одно зернышко и повторяют это таким образом, что всякий раз, согласно условию, отнимают лишь один или одно из них; под конец обнаруживается качественное различие; голова, хвост становятся лысыми, куча исчезает. Когда соглашались, что отнимание волоса не делает лысым и т. д., забывали не только о повторении, но и о том, что сами по себе незначительные количества (например, сами по себе незначительные траты состояния) сум-

мируются, а сумма составляет качественное целое, так что под конец это целое оказывается исчезнувшим, голова - лысой, кошелек – пустым».

По поводу качества государственного устройства и его зависимости от размеров территории Гегель замечал: «При непрерывном увеличении или уменьшении государства наступает наконец такой момент, когда независимо от других обстоятельств и только вследствие этого количественного изменения государственный строй качественно больше уже не может оставаться неизменным. Конституция маленького швейцарского кантона не годится для великой империи, и точно так оказалось непригодным государственное устройство Римской республики, когда оно было перенесено на небольшие немецкие имперские города».

3.7. Пространство и время

Пространство и время – сеть отношений сосуществования и последовательности моментов движения. Лейбниц писал: «Я... считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным, пространство – порядком сосуществования, а время – порядком последовательностей». В пространстве все есть одно подле другого, во времени – одно после другого.

Момент движения в его сосуществовании с другими моментами составляет *место* движения. Это место, во-первых, есть просто некий существующий момент, качественно определенное сущее – *топос*. Топография и описывает топосы, т.е. нечто размещенное в различных местах. Факт того, что везде что-то есть, выражен принципом: «Природа не терпит пустоты». Во-вторых, это место включено во множество сорасположенных мест – *локусов* (локализаций), в которых совершается движение. Расположение моментов движения составляет *порядок* сущего.

Этот порядок определяется движением, начало которого определяет существование последующего. Первенство начала определяет его верховенство и субординацию сущего, в котором первоначальное является высшим, а

последующее низшим. Начало и высший локус позиционируются в качестве центра движения, а низшие локусы – как его фронт и периферия. *Субординационизм* представляет организацию универсума как иерархию ступеней или уровней бытия.

В непрекращающемся движении последующее существует наряду с предыдущим, которое является его предпосылкой. Поэтому наряду с субординацией возникает *координация* сущего – сосуществование порядков непрекращающихся волн движения. Порядки наслаиваются друга на друга, конституируя слои сущего. Поскольку наслаивание осуществляется в некотором порядке, то универсум есть порядок порядков.

Момент движения как следующий и исчезающий в последующем есть *миг* (или *мгновение*). Мгновения исчезнувшие составляют *прошлое*; мгновения, перешедшие из небытия в бытие, составляют *настоящее*; те, которые должны получить бытие, когда исчезнет настоящее, составляют *будущее*. Время есть ряд исчезающих и появляющихся мгновений, которые в своей последовательности составляют настоящее, прошедшее и будущее.

В отношении времени известен парадокс, сформулированный древнегреческим врачом и скептиком Секстом Эмпириком (160–210): «Ведь будущее еще не существует и прошедшее уже не существует. Из несуществующего же как может что-либо возникнуть или в несуществующее как может что-либо уничтожиться? Следовательно, времени не существует («Против физиков»).

Августин Аврелий (354-430), соглашаясь, что ни будущего, ни прошлого нет (они даны только в ожидании и памяти), признавал наличие настоящего и предлагал говорить так: есть три

времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее буду-

щего («Исповедь»). Действительно, прошлое и будущее конкретно определены лишь в связи с наличным настоящим.

Настоящее – это то, что здесь. Поэтому нужно жить и по принципу *здесь и теперь* (*hic et nunc*), так как другого времени просто нет. Данный принцип ориентирует на действие в окружающем, а не потустороннем мире. И думая о прошлом или будущем, следует отдавать себе отчет в том, что происходит именно здесь и сейчас

В песне «Есть только миг» на слова Л. Дербенева и музыку А. Зацепина есть такие строки:

Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг за него и держись,
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь.

Движение существует и сохраняется в серии мгновений, которые в единстве составляют длительность. Существование длительности представляла загадку для Декарта, и он разрешал ее следующим образом: «Ибо все время моей жизни может быть разделено на бесконечное число частей, из которых каждая никоим образом не зависит от остальных. Ведь из того, что я существовал некоторое время тому назад, не следует, что я должен существовать и теперь, если только какая-нибудь причина не порождает или не создает меня в настоящее мгновение *сызнова*, т. е. сохраняет меня. В самом деле, для всех тех, кто станет внимательно рассматривать природу времени, будет вполне ясно и очевидно, что для того, чтобы сохраняться во все мгновения своей продолжительности, субстанция нуждается в той же силе и в том же действии, которые были бы необходимы для ее порождения и создания *сызнова*, в том случае, если бы она еще не существовала» («Метафизические размышления»). Для Декарта время конституируется серией мгновений, что предполагает постоянно возобновляемое «творение», без которого мир исчезал бы каждое мгновение.

В движении одно порождает другое. Поэтому время существует во множестве времен. Так, по Экклезиасту: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».

Каждое время есть время какого-то события. И это события совершается не только в определенном времени, но и в определенном месте. Поэтому время события неразрывно связано с местом события. Единство время и места события обозначается термином «хронотоп». В каждом локусе свой собственный хронотоп. Человек – это тоже место, и его топосу соразмерно конкретное время. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955) в своем труде «Восстание масс» писал: «В салонах прошлого века дамы и искусные поэты неизменно задавали друг другу вопрос: “В какую эпоху вы хотели бы жить?” Каждый начинал блуждать по путям истории в поисках эпохи, которая подходит к его личности, ибо XIX век, хотя и считал себя самой совершенной эпохой, был тесно связан с прошлым, стоял у него на плечах; он чувствовал себя кульминацией, завершением всего прошлого».

Немецкий философ Фридрих Ницше (1844-1900) чувствовал себя истоком будущего. В поэме «Так говорил Заратустра» он говорил:

Δ «Что ж удивительного, что вы не удались или что удались наполовину, вы, полуразбитые! Не бьется ли и не мечется ли в вас – будущее человека?»;

Δ «Будущее и самое дальнее пусть будет причиной твоего сегодня»;

Δ «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему»;

Δ «Кто умудрен в старых источниках, смотри, тот будет в конце концов искать родников будущего и новых источников. – О братья мои, еще недолго, и возникнут новые народы, и новые родники зашумят, ниспадая в новые глубины»;

Δ «О братья мои, я жалую вас в новую знать: вы должны стать созидателями и воспитателями – сеятелями будущего»;

Δ «Гневно, с криком гнали они свое стадо по своей тропинке, как будто к будущему ведет только одна тропинка! ... Пусть по тысяче мостов и тропинок стремятся они к будущему».

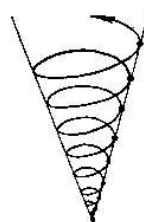
Эти тезисы можно было бы назвать кодексом человека будущего, которого Ницше относит к новой знати человеческого рода. Идеи просты и понятны: 1) искать в человеке – даже разбитом жизнью – будущее, 2) любить будущее и делать его причиной настоящего; 2) искать во всем источники и родники будущего; 3) созидать и сеять кругом будущее; 4) стремиться к будущему по множеству разных путей, так как нет одной дороги в будущее.

3.8. Учение о развитии

Развитие – это направленное движение в пространственно-временном континууме по узловой линии мер.

Развитие осуществляется через скачки – переходом от меры к мере. Развитие осуществляется в виде прогресса, регресса и круговорота. *Прогресс* – это восходящее развитие от низшего к высшему, движение по направлению к новому, не встречавшемуся в прошлом. *Регресс* (от лат. regressus – обратное движение) – это нисходящее развитие от высшего к низшему, возвращение к старому, встречавшемуся в прошлом. *Круговорот* – это обратимое развитие, выражающееся в повторяемой смене мер.

В движении абсолютной обратимости не существует, вследствие чего развитие поступательно. Образно развитие изображается раскручивающейся спиралью. Прообразом спирали развития являются вихри, спиральные галактики, бутоны цветов, сосновая шишка, раковины моллюсков и т.п. Преимущества спиралевидной формы развития объясняются наибольшей устойчивостью при равном объеме.

Конусообразная спираль развития

В образе спирали присутствует круг, символизирующий круговорот и центральная ось, символизирующая направление развития. Каждый виток спирали, надстраивающийся над предыдущим витком, выражает скачкообразность развития. Однако движение по спиральной линии непрерывно, т. е. постепенность развития. Восходящее движение по спирали символизирует прогресс, нисходящее – прогресс.

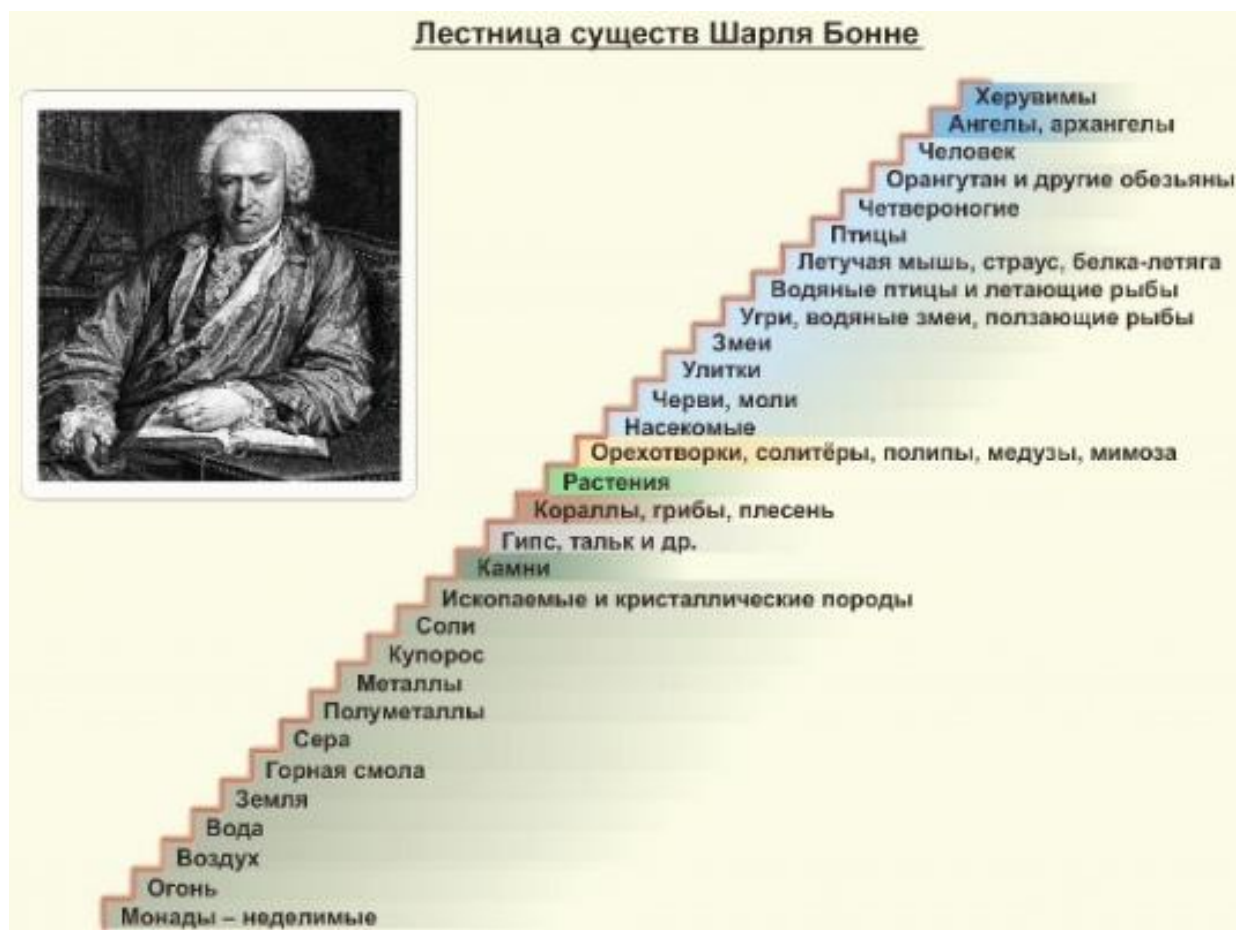
Направление развития, единство поступательности и преемственности в развитии, возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого характеризует сформулированный Гегелем *закон отрицания отрицания*: каждая последующая ступень развития отрицает предшествующую ступень, но отрицанием самого этого отрицания на новой ступени и в новом качестве воспроизводит в изменившемся предмете некоторые свойства и качества ступени, подвергшейся отрицанию ранее.

Таким образом, моменты разрушения и моменты преемственности сочетаются. *Снятие* – сохранение свойств старого в рамках вновь возникшего при обогащении новым качеством. Любое тело в своем нынешнем и развитом состоянии несет в себе черты своего прошлого (в т. ч. в виде атавизмов и рудиментов). Они модифицируются в рамках новой целостности, но при этом

могут сохранять и определенную автономность в виде соответствующих подсистем, элементов и свойств новой системы.

В учении о развитии конкурирующими объяснениями выступают градуализм и сальтационизм.

Градуализм (лат. *gradatio* – постепенное изменение) – принцип, согласно которому развитие происходит через равномерный, постепенные изменения. Например, в экономической политике градуализм как медленный переход через малозаметные изменения от одной экономической системы к другой противопоставляется «шоковой терапии».

Последователь Лейбница юрист и натурфилософ Ш. Бонне (1720–1793, Женева) в «Созерцании природы» (1764) утверждал, что между самыми простейшими и совершеннейшими проявлениями природы существуют постепенные переходы так, что все тела составляют всеобщую непрерывную цепь.

Видным представителем градуализма был Лейбниц, разрабатывавший дифференциальное исчисление и учение о бесконечно малых. Лейбниц пи-

сал: «Ничто не происходит сразу, и одно из моих основных и достоверных положений – это то, что природа никогда не делает скачков... Значение этого закона в физике очень велико: в силу этого закона всякий переход от малого к большому и наоборот совершается через промежуточные величины».

Британский философ Герберт Спенсер (1820–1903) рассматривал развитие как *эволюцию* – последовательность постепенных, малых изменений. Согласно эволюционизму Спенсера, эволюция есть интеграция материи и сопутствующее ей рассеяние движения; переход материи от состояния неопределенной, бессвязной однородности к состоянию определенной, связной разнородности.

В эволюции Спенсер выделял *закон движения по направлению наименьшего сопротивления*, а также *закон ритмичности* – волнообразного, поступательно-возвратного характера эволюции.

Сальтационизм (от лат. «salto» – скачу, прыгаю) – представление о развитии как прерывистом движении с этапами быстрых прогрессивных изменений, чередующихся с периодами медленных, незначительных изменений. Сальтационизм акцентирует факты отсутствия переходных форм между крупными этапами развития, а также факты, создающие впечатление внезапного исчезновения прежних форм и столь же внезапного появления новых форм.

С учетом разрывности мира, Анри Бергсон (1858–1941) предложил доктрину *эмерджентизма* (от англ. to emerge – внезапно возникать), указывающую на непредсказуемость высшего и его несводимость к низшему.

В философии в отношении развития формулируется еще ряд законов.

По *закону ускорения прогресса* каждая последующая стадия развития длится меньше, чем предыдущая. Так, палеозойская эра длилась 340 млн лет, мезозойская эра – 170 млн лет, кайнозойская эра – 60 млн лет. В человеческой истории стадия первобытности длилась несколько сот тысяч лет, стадия традиционного общества – около десятка тысяч лет, а стадия индустриального общества – несколько сот лет.

Закон неравномерности развития утверждает, что развитие отдельных групп тел протекает с разной скоростью. Поэтому сохраняются персистентные (от лат. *persistentis* – упорствующий, остающийся), консервативные и реликтовые группы, практически не изменившиеся в ходе развития. Наряду с этим менее успешные, отстающие и периферийные и формы могут стать началом скачка на альтернативных направлениях развития.

4. ТЕЛЕОЛОГИЯ

Понятие телеологии. – Причинность. – Случайность и необходимость. – Акциденция и субстанция. – Действительность и возможность. – Целое и часть. – Форма и содержание. – Перфекционизм.

4. 1. Понятие телеологии.

Телеология (от греч. τέλειος, «заключительный, совершенный» + λόγος – учение) – учение о целесообразности мира. Представление о целесообразности вытекает из факта направленности движения, стремления всего к благу, что удивляло Платона.

Слово «цель» («телос») означает «конец», «завершение». *Цель* – ставшее бытие, результат развития. По Аристотелю, цель – то, ради чего существует нечто. Сущее стремится к законченности, свершению себя («и бог, и природа ничего не делают напрасно»). В «Политике» он замечал: «Равным

Опосредованность
достижения цели

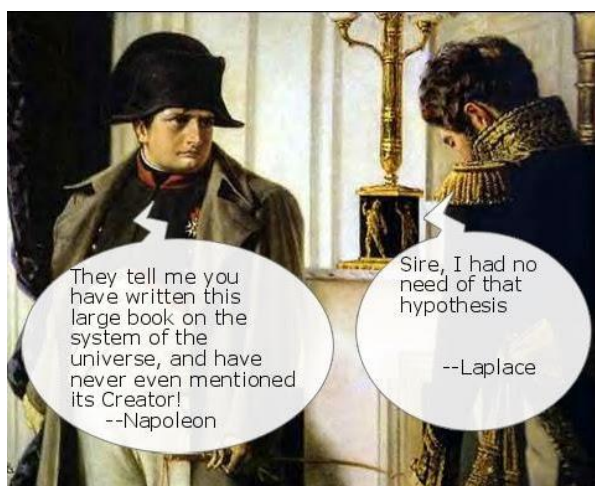
образом ясно, и из наблюдений тоже надо заключить, что и растения существуют ради живых существ, а животные – ради человека... Если верно то, что природа ничего не создает в незаконченном виде и напрасно, то следует признать, что она создает все вышеупомянутое ради людей».

Бергсон писал, что идея *внешней целесообразности* подразумевала соподчиненность одних живых существа другим: трава создана для коровы, а ягненок для волка. С точки зрения *внутренней целесообразности* «каждое существо создано для самого себя, все его части согласуются для наибольшего блага целого и разумно организуются для достижения этой цели» («Творческая эволюция», 1907).

Возникает картина иерархии целей, плана всего сущего. Эти цели казались фиктивными. И Гегель отмечал: «Телеология потому навлекла на себя

столько упреков в несообразности, что цели, которые она указывала, то более значительны, то более ничтожны – как попадется, и касающееся целей отношение между объектами потому столь часто должно было казаться пустой забавой, что это отношение являет себя столь внешним и потому случайным» («Наука логики»).

Но с другой стороны, представление о плане мира создавало впечатление об определенности (*детерминизм*) и предопределенности (*фатализм*) всего сущего. Стоики полагали, что все события и место каждого предопределены Логосом, имманентным мировому телу. По словам Клеанфа (330–230), «желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит». В античности считалось, что судьбу нельзя изменить, можно лишь мужественно принять свою участь.

Наполеон и Лаплас

Фатализм как учение о предопределенности и безальтернативности сущего репрезентируется моделью *лапласовского детерминизма*. Французский ученый Пьер-Симон Лаплас (1749–1827) предложил следующий мысленный эксперимент: «Интеллект, которому в каждый определенный момент времени были бы известны все

силы, приводящие природу в движение, и положение всех тел, из которых она состоит, будь он также достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, смог бы объять единым законом движение величайших тел Вселенной и мельчайшего атома; для такого разума ничего не было бы неясного и будущее существовало бы в его глазах точно так же, как прошлое» («Философские эссе о вероятности»). *Демоном Лапласа* называли гипотетический интеллект, способный при полной информации о начальных условиях рассчитать движение каждой частицы во Вселенной.

Детерминизму оппонирует *индетерминизм* – учение о неопределенности и беспредельности сущего в пространстве и во времени. Друг и ученик Фалеса милетский философ Анаксимандр (610–546 до н.э.), представлял мир как *апейрон* (τό ἀπειρον – неопределенное, беспредельное): «Оно есть первоначало всякого возникновения и уничтожения; в течение больших промежутков времени из него возникают бесконечные миры, или боги, и снова исчезают в нем».

Аристотель учение о бесконечном оценил как спекулятивный конструкт, экстраполирующий конечное: «Доверять же мышлению в вопросе о бесконечном странно, так как избыток и недостаток имеются не в предмете, а в мысли». Далеко не все возможное в мысли осуществимо в реальном мире. «Ведь каждого из нас можно помыслить во много раз больше, чем он есть, увеличивая до бесконечности, однако не потому находится кто-нибудь за городом или имеет такую-то величину, что так мыслит кто-то, а потому, что так есть...» («Физика»).

Бесконечность моделируется как постоянное прехождение конечного. Истинно бесконечное, как отмечал Гегель, «это отношение с самим собою в переходе и в другом», где «в своем переходе в другое нечто лишь сливается с *самим собою*». Образом ее служит круг (или шар), который не имеет ни начальной ни конечной точки и вместе с тем является «замкнутым и всецело наличным». Истинная бесконечность есть «возвращенность-в-себя, соотношение себя с самим собой» («Энциклопедия философских наук»). Таким образом, в великом возвращении все стремится обратно.

Эту мудрость прекрасно передал в «Большой касыде» суфий Ибн аль-Фарид (1181–1234):

Когда-то я раздваивался сам:
То, уносясь в восторге к небесам,
Себя терял я, небом опьянясь,
То, вновь с землею ощущая связь,
Я падал с неба, как орел без крыл,
И, высь утратив, прах свой находил.
И думал я, что только тот, кто пьян,

Провидит смысл сквозь пламя и туман
И к высшему возносит лишь экстаз,
В котором тонет разум, слух и глаз.
Но вот я трезв и не хочу опять
Себя в безмерной выси потерять,
Давно поняв, что цель и смысл пути –
В самом себе безмерное найти.
Так откажись от внешнего, умри
Для суеты и оживи внутри.
Уняв смятение, сам в себе открой
Незамутненный внутренний покой.
И в роднике извечной чистоты
С самим собой соединишься ты.

Переживание суетности целеустремленности выражается в *депрессии целедостижения*. «Когда все желанья людей сбываются, – не лучше им» – замечал Гераклит. Многие жизненные цели оказываются фикциями, не оправдывающими ожиданий. Но действует *закон гетерогонии целей*, согласно которому последствия действий всегда выходят за пределы первоначальных целей; благодаря основным и побочным результатам появляются новые цели, достижение которых вновь приводит к непредвиденным следствиям.

4.2. Причинность

Причинность – причинно-следственная связь, фиксирующая направленный, поступательный ход процесса, с учетом опосредствующих его моментов.

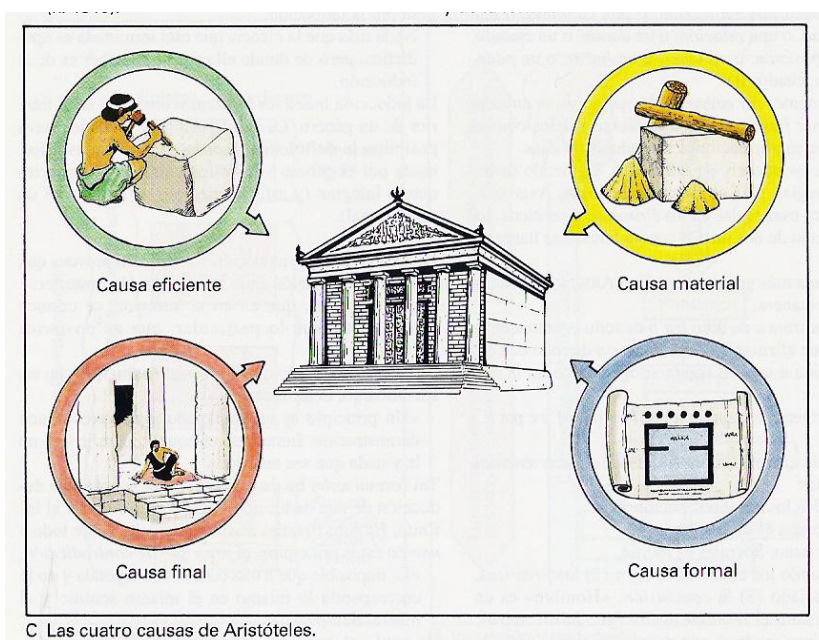
Характеризуя причинность, Кант говорил, что «все происходящее (начинающее быть) предполагает нечто, за чем оно следует» («Критика чистого разума»). На принципе «Все имеет причину» основан закон космического воздаяния. По *закону кармы* (от санскр. «дело, действие, труд») праведные или неправедные действия человека определяют в черед перерождений его судьбу, испытываемые им страдания или наслаждения в колесе *сансары* (см. рис. 4.3).

О символике отдельных структурных элементов колеса сансары см.: Колесо Сансары [Электронный ресурс]. URL: <http://vbuddisme.ru/wiki/Колесо+Сансары>.

С учетом многофакторности причинения, в буддизме сформулирован *закон взаимозависимого возникновения*: «Когда есть это, появляется и то; при возникновении этого возникает и то. Когда нет этого, не возникает и то; при исчезновении этого исчезает и то». В «Сутре рисового ростка» поясняется, что для появления ростка требуется семя, плодородная почва, тепло, вода и пр. При полном наборе условий возникает растение.

Аристотель предложил *модель четырех причин*: формальная причина («что есть это?»), материальная причина («из чего состоит?»), действующая причина («как это произведено?»), целевая причина («для чего это?»). Например, когда изготавливается чаша, то «материей» при этом процессе будет глина, «формой» – образ (модель) чаши, причиной движения (действующей

причиной) – деятельность гончара, а целью – назначение чаши. Очевидно, что данная модель может быть дополнена рядом других вопросов, ответы на которые дают основания для выделения других причин.

4 причины Аристотеля.

Подобным же образом в криминологии выделяют *полную причину*, или *причинный комплекс преступности*¹. В состав полной причины преступления входит множество факторов, действию которых может быть вменен результат процесса. Древнегреческий

¹ Криминология первоначально формировалась как криминальная этиология (этиология преступности). Этиология (греч. αἰτία – причина и λόγος – наука) – учение о причинах, получившее наибольшее развитие в медицине применительно к анализу возникновения болезней. См., например: Давыдовский И.В. Проблема причинности в медицине (этиология). М., 1962.

философ Плутарх (45–120) сообщал, что когда какой-то пятиборец нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл потратил целый день, рассуждая со знаменитым софистом Протагором о виновнике несчастного случая – это дрот, бросавший или распорядители состязания? («Характеры»).

Комментируя такого рода причинения, Гегель писал: «Происшествие, создавшееся состояние есть конкретная внешняя действительность, в которой вследствие этого содержится неопределенное множество обстоятельств. Каждый отдельный момент, являющий себя как условие, основание, причина такого обстоятельства и тем самым привнесший нечто свое, может рассматриваться как виновный в нем или во всяком случае как несущий часть вины за него. Поэтому формальный рассудок при рассмотрении какого-либо богатого обстоятельствами события (например, французской революции) может совершать выбор между бесчисленным их множеством и решить, на какое именно он возлагает вину за случившееся» («Философия права»).

Принимая это во внимание, шотландский философ Джон Стюарт Милль (1806–1873) полагал, что причиной является «полная сумма положительных и отрицательных условий явления, взятых вместе, вся совокупность всякого рода случайностей, наличность которых неизменно влечет за собой следствие» («Система логики силлогистической и индуктивной»). Данный подход получил название *кондиционализма* (от лат. *conditio* – условия).

В структуре комплекса причинности обычно выделяют: причину, ее действие, условия, повод, следствие (эффект), последствие, ближайшие и отдаленные последствия. Это своего рода свободно становящаяся последовательность, примером которой является *эффэ́кт доминó* – цепочечное распространение (цепная реакция) изменений определенного типа под действием пусковой причины.

Учитывая эффект домино, государственный секретарь США Джон Фостер Даллес сформулировал геополитический *принцип падающего домино*: если «Индокитай падет» (к власти придут коммунисты), то следующими могут рухнуть Бирма, Таиланд, Малайя и Индонезия. Соответственно, большое

внимание уделялось возрождению Западной Германии как актива для вовлечения Восточной Германии в орбиту Запада, а далее с завоеванием стратегической позиций в Центральной Европе ожидалось падение советского коммунизма в Польше, Чехословакии, Венгрии и других странах Восточной Европы («Война или мир», 1950).

Причина во времени предшествует следствию (*действию*) и вызывает его. Обращая внимание на это, шотландский философ Дэвид Юм (1711–1776) указывал, что, во-первых, у нас нет оснований считать, что всякое предшествующее может быть причиной последующего, и, во-вторых, что нет оснований заключать от прошлого и настоящего опыта к будущему. Сомневаясь в существовании объективной причинности, Д. Юм говорил, что причинность – это только привычная связь ощущений, а предвидение на ее основе есть ожидание этой связи («Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам», 1739–1740).

Марксисты считали, что доказательством объективности причинности служит практика. Фридрих Энгельс (1820–1895) писал: «...Уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности – теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем, – однако здесь еще нет доказательства, и постольку юмовский скептицизм был бы прав в своем утверждении, что регулярно повторяющееся *post hoc* [после чего-нибудь] никогда не может обосновать *propter hoc* [по причине чего-нибудь]. Но деятельность человека производит проверку насчет причинности. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца» («Анти-Дюринг», 1877).

4.3. Случайность и необходимость

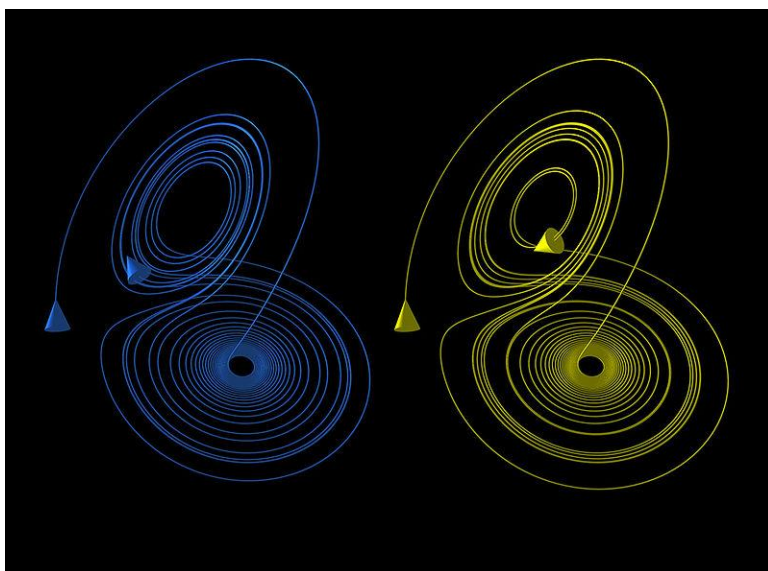
Эффект рассеяния снарядов поставил под сомнение *закон причинности*, согласно которому одна и та же причина в одинаковых условиях всегда производит одно и то же следствие. Отклонение в следствиях стали объяснять привходящими обстоятельствами, случайным. *Необходимость* – характеристика причинности, выражающая ограниченность спектра следствий. *Случайность* – характеристика причинности, выражающая вариабельность следствий.

В древности необходимость осознавалась как судьба. Гегель писал: «Древние, как известно, понимали необходимость как судьбу, а современная точка зрения есть, скорее, точка зрения утешения. Последняя состоит вообще в том, что, отказываясь от наших целей, наших интересов, мы делаем это в надежде получить возмещение за самоотречение. Судьба, напротив, не оставляет места для утешения. Очень важно, чтобы человек понимал происходящее с ним в смысле старой поговорки, гласящей: каждый сам кует свое счастье. Это означает, что человек пожинает только свои собственные плоды. Противоположное воззрение состоит в том, что мы сваливаем вину за то, что нас постигает, на других людей, на неблагоприятные обстоятельства и т. п. Когда же, напротив, человек признает, что происходящее с ним есть лишь эволюция его самого и что он несет лишь свою собственную вину, он относится ко всему как свободный человек и во всех обстоятельствах своей жизни сохраняет веру, что он не претерпевает несправедливости. Человек, живущий в раздоре с самим собой и своей судьбой, совершает много несуразных и недостойных поступков как раз благодаря ложному представлению, что другие к нему несправедливы. Но если человек сохраняет все же сознание своей свободы, то постигающие его неприятности не убивают гармонии и мира его души. Таким образом, довольство и недовольство людей и, следовательно, сама их судьба определяются характером их воззрения на природу необходимости» («Энциклопедия философских наук»).

В связи с пониманием необходимости как судьбы случайность отрицалась. Демокрит говорил: «Люди измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность».

Но противоречившее этому атомистическое учение о возникновении тел путем случайного сцепления атомов также вызывало возражения. Древнеримский юрист и философ Марк Туллий Цицерон (106 до н.э. – 43 н.э.), критикуя атомизм, писал: «Не понимаю, почему бы человеку, который считает, что так могло произойти, не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну буквы, а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся “Анналы” Энния, так что их можно будет тут же и прочитать. Вряд ли по случайности может таким образом получиться даже одна строка» («О природе богов»).

Об объективности необходимости и субъективности представления о случайности писал французский материалист Поль Анри Гольбах (1723-1789): «Все тела – одушевленные и неодушевленные – представляют собой

Эффект бабочки: небольшие различия в начальных условиях могут привести к огромной разнице в последствиях

неизбежные следствия известных причин, со всей необходимостью производящие видимые нами явления. Ничто в природе не может быть случайным; все в ней следует точным законам, и эти законы представляют неизбежную связь известных следствий с их причинами. Какой-нибудь атом материи не может произвольно

или случайно встретиться с другим атомом; эта встреча обусловлена постоянными законами, которые необходимо определяют поведение каждого

существа, не могущего вести себя иначе в данных условиях. Говорить о произвольном движении атомов или приписывать какие-либо следствия случайности, значит не сказать ничего или же признаться в полном неведении тех законов, в согласии с которыми действуют, сталкиваются и соединяются тела в природе. Все происходит случайно только для людей, не знакомых с природой, со свойствами вещей и теми следствиями, которые необходимо должны произойти в результате действия определенных причин» («Система природы, или о законах мира физического и мира духовного»).

Но утверждение «все необходимо» равносильно утверждению «все случайно». По мнению шотландского схоластика Дунса Скота (1266–1308), сотворенные вещи случайны, так как единственное основание – воля Бога (отсюда «волютаризм» – учение об определяющей роли воли). Волей Бога объясняется случайность. Все могло и может быть иным.

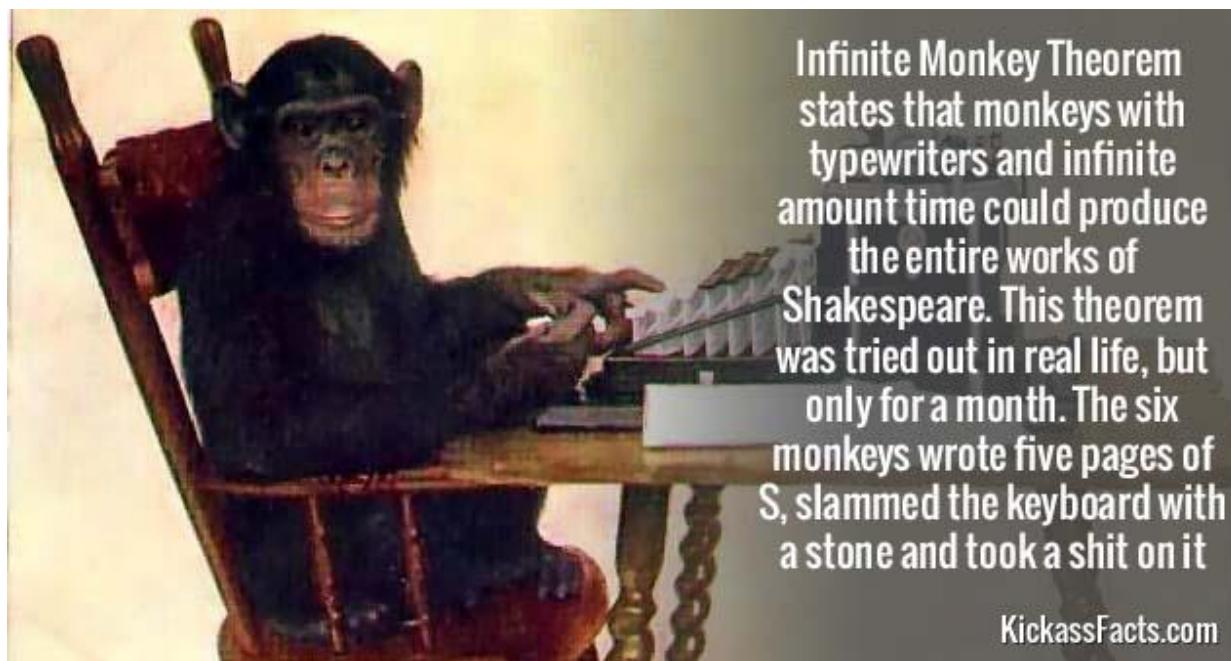
Объяснение исторических событий сцеплением случайных обстоятельств, «слепым случаем» получило название *теории случайности в истории*. Предтеча экзистенциализма, французский философ Блез Паскаль (1623–1662) писал: «Нос Клеопатры: будь он чуть покороче, весь облик Земли был бы сегодня иным» («Мысли»). Гольбах замечал: «Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, посылать миллионы людей на бойню, разрушать крепости, превращать в прах города, погружать народы в нищету и траур, вызывать войны, заразные болезни и распространять отчаяние и бедствия в течение целого ряда веков» («Система природы...»).

Убеждение о важности использования случая выразилось в русской поговорке «Попасть в случай», которая значит: «Оказаться удачливым вследствие расположения, покровительства какого-либо высокопоставленного лица» (ср.: «Быть в случае (в милостях)»; «Под случай попасть»). Для стратега чрезвычайно важно на начальной стадии уловить нужный момент, благопри-

ятный «случай», момент решающий, хотя еще трудно различимый («трещину судьбы»). Предвидеть «случай» – таково самое общее назначение стратегического искусства.

Основатель американского прагматизма Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) выдвинул учение о господстве случая в мире – *тюхизм* (от греч. τύχη – «случай»). Пирс обращал внимание на то, что случай определяет разнородность вещей, эволюция происходит путем случая, а случай порождает порядок, т.е. определенность и необходимость.

Так, в массовых явлениях действуют *статические законы*. Бельгийский математик и астроном Адольф Кетле (1796–1874) писал: «Существует бюджет, который выплачивается поистине с ужасающей аккуратностью и правильностью. Это – бюджет тюрем, рудников и эшафотов... Мы можем с полной достоверностью предвидеть, сколько человек запачкают свои руки кровью ближнего, сколько будет подлогов, отравлений; мы можем это сделать с такой же точностью, с какой мы предсказываем количество смертных случаев и рождений в ближайший год». Следовательно, за множеством случайностей обнаруживается необходимость.

«Теорема о бесконечных обезьянах»

В судебной казуистике вопросы решаются тончайшим и исчерпывающим анализом всех возможных и мысленно представимых случаев. В казуальном творчестве на основе анализа отдельного случая (казуса) выводят общие принципы, дополняющие недостающие в законодательстве нормы.

4.4. Акциденция и субстанция

Случайность – это непосредственная действительность. В движении с телом что-то случается, но это движение в той или иной форме продолжается. Поэтому движение тела не только обусловлено, но и самообусловлено.

Тело в его случайной, внешней обусловленности рассматривается как *акциденция* (лат. *accidentia* – неожиданно появляющееся) – случайный входящий признак (свойство). *Акцидентализм* рассматривает происходящее как интерференцию случайностей, результат наложения и взаимодействия эффектов

Польский писатель Станислав Лем в одном из своих рассказов описывает необычный мир, в котором звезда квадратная, а все существа являются причудливыми комбинациями различных тел. Приведем диалог из этого рассказа: « – Миллиард лет назад мы были обычной цивилизацией, – ответил голос. – Верили в киберангелов, в мистическую обратную связь всех созданий с Великим Программистом и все такое прочее. Но потом появились скептики, эмпирики и акциденталисты, которые через девять веков пришли к тому, что Никого нет и все возможно, однако не из высших резонансов, а просто так. – То есть как это “просто так”? – удивившись, осмелился вставить я. – Как ты знаешь, бывают горбатые роботы, – ответил мне глас из машины. – Если тебе досаждают горб и кривобокость, но в то же время ты веришь, что ты таков, каков есть, ибо таким сотворил тебя Предвечный, и что план твоей кривобокости пребывал в туманности Его замыслов еще до сотворения мира, то ты легко примиришься со своим состоянием. Но если скажут тебе, что все это лишь

следствие нестыковки нескольких атомов, не попавших на свое место, что тебе остается, кроме как выть по ночам? – Остается, кое-что остается, – уверенно воскликнул я. – Ведь горб можно выпрямить, кривобокость – раскривобочить, были бы только высочайшие знания! – Знаю! – хмуро согласилась машина. – Действительно, так оно и представляется простакам... – А что, разве это не так? – в один голос удивились мы с Клапауцием. – Когда приходит пора выпрямленья горбов, – отвечала машина, – возможности уже безграничны и безжалостны! Можно не только горбы выпрямлять, но и штопать прорехи в разуме, солнца делать квадратными, планетам приделывать ноги, штамповать синтетические судьбы, несравненно сладчайшие против натуральных; начинается это невинно, с обтесыванья кремней, а кончается построением всемогущих и онтогениусов!» («Альтруизин, или правдивое повествование о том, как отшельник Добриций космос пожелал осчастливить и что из этого вышло»).

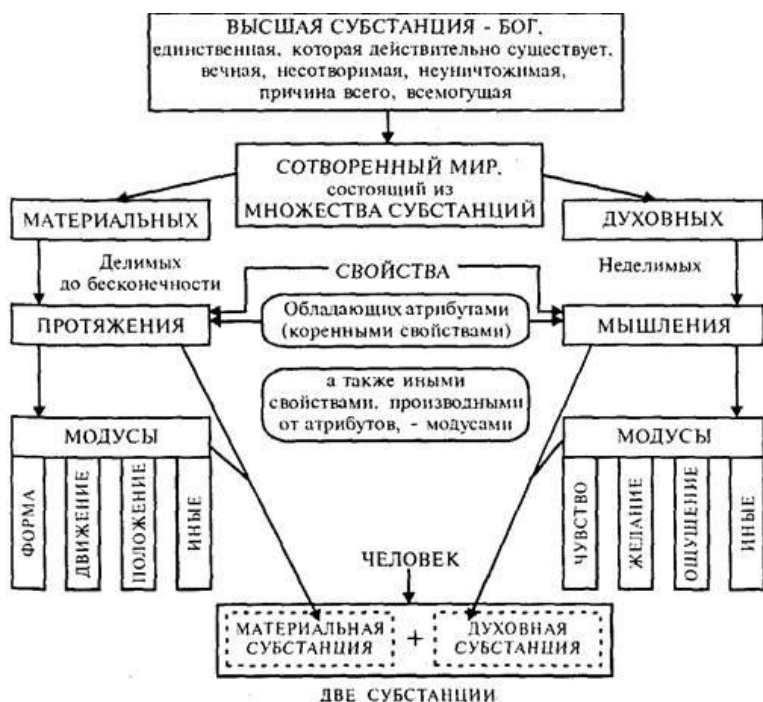
Тело в его самообусловленности и самодвижении рассматривается как *субстанция* (лат. *substantia* – под-лежащее, лежащее в основе) – то, что существует самостоятельно, само по себе. Соответственно, *субстанционализм* объяснить происходящее как внутренне необходимую модификацию субстанции.

Византийский философ Иоанн Дамаскин (675–753) так писал о соотношении субстанции и акциденций: «Сущее есть общее имя всего, что есть, и оно подразделяется на субстанцию и акциденцию. Субстанция есть более важное начало, ибо имеет свое существование в себе самой, а не в другом. Акциденция же есть то, что не способно существовать в себе самом, а созерцается в субстанции. Субстанция есть под-лежащее, как бы материя вещей... Так, медь и воск – субстанция, а фигура, форма и цвет – акциденция. Тело есть субстанция, цвет его – акциденция, ибо не тело находится в цвете, а цвет в теле; не душа в знании, а знание в душе... Не говорят “тело цвета”, а «цвет тела», не «душа знания», а “знание души”, не “воск формы”, а “форма воска”. Притом же цвет, знание и форма изменяются, а тело, душа и воск

пребывают теми же самыми, ибо субстанция не меняется... Потому определение субстанции таково: субстанция есть вещь самосушая и не нуждающаяся для своего бытия в другом. Акциденция же есть то, что не может существовать в самом себе, а имеет свое бытие в другом» («Диалектика»).

Декарт считал, что в строгом смысле слова субстанцией можно считать лишь Бога, который «вечен, всемогущ, источник всякого блага и истины, Творец всех вещей...» («Первоначала философии»). Остальные вещи он полагал субстанциями, существующими только при постоянном содействии Бога.

Необходимость постоянного содействия субстанциям для продолжения их существования означает, что и сверхсубстанция нуждается, испытывает необходимость в их существовании. Следовательно, сверхсубстанция также обусловлена, нуждается в содействии и существует во взаимодействии с другими единичными субстанциями.

Учение Спинозы о субстанции

Поскольку безусловного сущего нет, то субстанция должна быть самообусловлена, т.е. быть — причиной самого себя, как определил ее Барух Спиноза (1632–1677), последователь Декарта. Если последний учил о двух основных субстанциях — *res cogitans*

(мышление) и *res extensa* (протяженность), то Спиноза считал их частными атрибутами Природы (и Бога) как единой субстанции. Отдельные вещи Спиноза трактовал как *модусы*, модификации единой субстанции.

Но самообусловленность фиксируется в инерционном движении. Причинность может трактоваться как связь состояний: состояние тела в некото-

рый момент времени стало рассматриваться как причина его последующих состояний. Кроме того, круговой, циклический характер причинности ведет к тому, что причина выступает собственным следствием, и наоборот, т.е. причина является причиной самой себя (*causa sui*), собственной предпосылкой.

По Гегелю, понятие субстанции объяснение позволяет снять уходящего в бесконечность причинного объяснения: «Так, например, в исторических исследованиях раньше всего рассматривается вопрос, являются ли характер и нравы определенного народа причиной его государственного устройства и его законов или, наоборот, их действием, и затем приходят к пониманию этих двух факторов: характера и нравов, с одной стороны, и государственного устройства и законов – с другой, с точки зрения взаимодействия, так что причина в том же отношении, в каком она есть причина, есть вместе с тем действие, и действие в том же отношении, в каком оно есть действие, есть вместе с тем и причина... Если мы, например, рассматриваем нравы спартанского народа как действие его государственного устройства и, наоборот, государственное устройство как действие нравов, то этот способ рассмотрения может быть и правилен, однако он все же не дает окончательного удовлетворения, потому что на самом деле мы не поняли ни государственного устройства, ни нравов этого народа. Удовлетворение получается лишь тогда, когда мы познаем, что эти две стороны, а также и все остальные стороны, которые обнаруживают нам жизнь и история спартанского народа, имеют своим основанием понятие» («Энциклопедия философских наук»). Иначе говоря, выясняется, что эти моменты не чужды друг другу, а суть лишь модусы единой субстанции целого, т.е. каждый из которых в отношении с другим остается у себя и соединяется с самим собой.

Поэтому преступник, как пишет Гегель, должен рассматривать постигающее его наказание не как ограничение своей свободы и чуждую силу, которой он подчиняется, а как проявление его собственных деяний, и, признавая это, он ведет себя как свободный человек. И человек, ведущий себя нравственно, осознает свое поведение как нечто необходимое, имеющее силу в

себе и для себя. Благодаря этому его свобода становится действительной и наполненной в отличие от произвола – бессодержательной и лишь возможной свободой.

4.5. Действительность и возможность

В отличие от Гегеля немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860) писал о безысходности положения человека в действительности. Человек в его понимании – это существо, в котором бессмысленная «мировая воля», которая борется сама с собой, не принимая себя. В своем труде «Мир как воля и представление» Шопенгауэр формулирует *закон объективации*, показывающий невозможность достойной жизни: «Чем более совершенный и сознательный уровень обнаружения мировой воли достигается, тем более трагический характер он приобретает» (Или: «Чем умнее и глубже человек, тем труднее и трагичней его жизнь»). Если человек не будет самоутверждаться в безудержном эгоизме, то он обречен на самопожертвование. В качестве достойных способов освобождения от суеты жизни Шопенгауэр предлагает аскетизм, поиск «тихих гаваней», уход в искусство.

Проблему свободу воли иллюстрирует парадокс «Буриданов осел». Французский философ Жан Буридана (1300-1358) думал, что можно отложить выбор до тех пор, пока разум не определится с выбором цели. Задача выбора между равными возможностями известна как проблема «Буриданова осла» – умирающего голодной смертью осла, не способного сделать выбор между двумя одинаковыми охапками сена.

Перед Буриданом об этой проблеме писал итальянский мыслитель Данте Алигьери (1265–1321) в «Божественной комедии»:

«Меж двух равно манящих яств, свободный

В их выборе к зубам бы не поднес
Ни одного и умер бы голодный;
Так агнец медлил бы меж двух угроз
Прожорливых волков, равно страшимый;
Так медлил бы меж двух оленей пес.
И то, что я молчал, равно томимый
Сомнениями, счесть ни добром, ни злом
Нельзя, раз этот путь необходимый».

Жизнь не угасла только потому, что процессы в природе развиваются по наиболее вероятному сценарию. *Поссибилизм* утверждает, что в действительности существует спектр разных возможностей – разнoverоятных тенденций протекания процесса. Вероятность актуализации этих возможностей различна. «Возможно, что сегодня вечером луна упадет на землю, ибо луна есть тело, отдаленное от земли, и может поэтому так же упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он – человек, и может, как таковой, обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т.д.», – писал Гегель о *потенциальной возможности*, условия актуализации которой, в свою очередь выступают как потенциальные. Эта возможность абстрактна. И в отношении ее Гегель далее замечал: «В повседневной жизни нет, впрочем, недостатка во всякого рода поговорках, которые справедливо выражают пренебрежительное отношение к абстрактной возможности. Так, например, говорят: лучше синицу в руки, нежели журавля в небе» («Энциклопедия философских наук»).

Таким образом, не все возможно. Справедливы древнекитайские поговорки «Урожай не поторопишь», «Не тяни лук за перья» и т. п.

Пример «синицы в руках» иллюстрирует актуализацию *оппортунистической возможности*. Оппортунизм – это умение сообразовываться с обстоятельствами, действовать в соответствии с благоприятной возможностью, имеющей все достаточные условия для актуализации.

Убеденный оппортунист Джон Дьюи (1859-1952), наиболее авторитетный философ американского прагматизма, предлагал:

- 1) выявлять в действительности возможности-тенденции;

- 2) изучать условия, при которых они реализуются;
- 3) указывать пути устранения неблагоприятных возможностей;
- 4) содействовать превращению желательных возможностей в действительность.

При этом цель не всегда оправдывает средства. Нужно трезво и скрупулезно оценивать средства с точки зрения достигнутого результата, включая побочные и отдаленные последствия применения средств.

Актуализация есть становление возможности действительностью. В действительности актуализирована одна из возможностей, а другие оставлены в прошлом. Но действительность содержит еще неактуализированные возможности. В этом смысле будущее мыслится как присутствующее в прошлом и настоящем (статуя Гермеса – в мраморной глыбе, дуб – в желуде), т.е. как бытие-в-возможности, что снимает поставленную элейцем Мелиссом проблему невозможности возникновения бытия как из бытия, так и из небытия.

Лу Саломе, муза европейских интеллектуалов, в повозке, запряженной П. Реё и Ф. Ницше (1882).

Таким образом, как писал Лейбниц, «настоящее таит в себе в зародыше будущее и всякое настоящее состояние естественным образом объяснимо только с помощью другого состояния, ему непосредственно предшествовавшего» («Монадология»).

Ницше представлял рывок из потенции в актуальность как «Macht» («Мощь»), или как «Волю к власти». Воля, по мнению Ницше, состоит из семи моментов:

- 1) «чувство состояния, от которого

мы стремимся избавиться, чувство состояния, которого мы стремимся достиг-

нать, чувство самих этих стремлений, затем еще сопутствующее мускульное чувство»;

2) «командующая (ведущая) мысль»;

3) аффект команды: «собранность в кулак», «теперь нужно это и ничто другое»;

4) «прирост того чувства мощи, которое несет с собою всяческий успех»;

5) «чувство удовольствия исполняющих, успешно действующих орудий, служебных «под-воль» или под-душ, – ведь наше тело есть только общественный строй многих душ»;

6) свобода воли как «многообразное состояние удовольствия хотящего, который повелевает и в то же время сливается в одно существо с исполнителем» («По ту сторону добра и зла»). Чтобы быть, необходимо стать, встать и выстоять.

4.6. Целое и часть

Целое – относительно завершенный в результате процесс, снявший свои предпосылки. «А целое есть то, что имеет начало, середину и конец», – писал Аристотель в отношении трагедии как завершенного действия («Поэтика»). *Части* – снятые предпосылки, составившие результат.

Поскольку целое есть процесс в его относительной завершенности то части целого являются подпроцессами, как сосуществующими, так и переходящими друг в друга, а также конституирующими целое как процесс. *Состав* целого – совокупность образующих его частей, а *строение* целого – взаимное расположение частей.

Структура целого – взаимообусловленное единство строения и состава целого. Дифференциация и интеграция процессов, конституирующих целое как процесс, определяет дифференциацию и интеграцию его частей.

Часть, представленная как процесс, включенный в целое и обеспечивающий его существование, есть *функция*.

Части целого имеют различную ценность для его существования. *Частицы* – функционально незначимые части целого. Поэтому недействительно метафизическое предположение, на которое указывал Гегель: «В отношении к взаимноопределяющейся связи целого метафизика вправе сделать утверждение ... что если будет разрушена одна пылинка, то разрушится вся вселенная» («Наука логики»).

Компоненты – функционально значимые части целого. При торможении процессов, нарушения функционирования – *дисфункции* компонента, – последний замещается, а его функциональная нагрузка перераспределяется между другими компонентами.

При скоординированности функционирования частей целого говорят о его *цельности*. С учетом этого, анализ целого включает функциональный и структурный анализ, или структурно-функциональный анализ. Поскольку структура целого снимает его генезис, то структурно-функциональный анализ целого основывается на генетическом анализе.

Холизм утверждает приоритета целого и структуры по отношению к частям. Части сосуществуют в целом и ради целого и не существуют вне его (*закон целого Фихте*). Согласно *меризму*, целое не интегративно, а суммативно и составляется из частей. Соотношение между интегративностью и суммативностью целого рассматривается как мера его *целостности* (см. табл.4.1).

Таблица 4.1.

Сравнение концепций меризма и холизма

Холизм (от греч. « <i>holos</i> » – целый)	Меризм (от греч. « <i>meros</i> » – часть)
Целое предшествует своим частям	Части предшествуют целому
Часть выделяется в целом	Целое составляется из частей
Целое имеет новое качество, отсутствующее в частях («эмерджентность»)	Целое есть не более чем сумма своих частей
Целое придает своим частям новые свойства	Свойства частей не зависят от свойств целого
Познание целого предшествует познанию частей	Целое познается через его части

Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) точку зрения холизма иллюстрировал в «Левиафане» на примере парадокса «Корабль Тезея»: «Если в этом корабле все доски будут постепенно заменены новыми, то корабль останется численно тем же самым, но если кто-нибудь сохранил бы вынутые старые доски и, соединив их наконец в прежнем порядке, построил бы из них корабль, то и этот корабль был бы несомненно количественно тем же самым, что и первоначальный. Мы имели бы в этом случае два численно идентичных корабля, что является абсурдом». – вывод, который между тем опрокинул бы все понятия о праве». Применяя это рассуждение в отношении преступника, Гоббс писал: «Согласно первому воззрению человек, совершающий преступление, не есть тот самый, который подвергается наказанию, так как человеческое тело подвергается непрерывному изменению. Точно так же следовало бы отсюда, что и государство, изменившее в течение столетий свои законы, не остается больше тем же государством».

В целом все части взаимообусловлены, взаимозависимы. На этом основании французский палеонтолог Жорж Кювье (1769–1832) сформулировал *закон корреляции*: «Всякое организованное существо образует целое, единую замкнутую систему, части которой соответствуют друг другу и содействуют, путем взаимного влияния, одной конечной цели. Ни одна из этих частей не может измениться без того, чтобы не изменились другие и, следовательно, – каждая из них, взятая отдельно, указывает и определяет все другие». Если кишечник хищника устроен так, что может переваривать только свежее мясо, то у него должны быть соответственно построены челюсти; последние в свою очередь должны быть снабжены зубами, пригодными для захвата и разрезания добычи; на его конечностях должны быть когти, чтобы схватывать и раздирать жертву; вся система органов движения должна быть приспособлена для ее преследования и ловли; органы чувств – чтобы замечать ее издалека и т. д. Корреляция частей доходит до тончайших деталей: «... Для того, чтобы челюсть могла схватить, ей нужна известная форма сочленовной головки,

известное соотношение между положением сопротивления и силы с точкой опоры, известный объем височной мышцы, что требует известной площади ямки, в которой она лежит, и известной выпуклости скуловой дуги, под которой она проходит; скуловая дуга должна тоже иметь известную прочность, чтобы дать опору жевательной мышце». По фрагменту можно восстановить облик целого. «Дайте мне одну кость, и я восстановлю животное», – писал Кювье.

Однажды студент нарядился бесом, и войдя в комнату, где дремал Кювье, потряс его за плечо и страшным голосом прорычал, что сейчас его съест. Профессор сказал: «Ты с рогами и копытами – а значит, по закону пропорции, ты травояден и меня съест не имеешь возможности. Я тебя не боюсь», – а после этого отвернулся и уснул.

И, наоборот, если неизвестна какая-то часть целого, то ее можно охарактеризовать по свойствам окружающих ее частей. Так, если на географической карте оставить вместо какой-нибудь страны лакуну, то заполнить ее можно, исходя из знания физической, экономической, политической и т.п. географии окружающих ее стран.

4.7. Форма и содержание

Целое включено как в целое более высокого порядка. Поэтому целое имеет не только внутреннюю определенность – как относительно завершённый процесс, но и внешнюю определенность, ограниченность целым более высокого порядка.

Форма (лат. *forma*, греч. *μορφή*) – граница (определенность) целого, целостность в отвлечении от частей. *Габитус* – внешняя форма целого. *Организация* – внутренняя форма целого. *Содержание* – это составляющий целое процесс в его повторяемости и вариабельности.

Форма и содержание существуют в единстве: содержание оформлено, а форма содержательна. Непосредственное единство формы и содержания выражается в перформативах (от лат. *per-formo* – образовывать, создавать) – актах, неотделимых от оформленных результатов. В праве перформативы (клятвы, приказы, заявления и пр.) воплощают действие, имеющее юридически значимую форму.

Форма целого относительно независима от его содержания, так как определяется извне функцией, которую выполняет целое в составе целого более высокого порядка. Так, архитектурный функционализм утверждает, что функция определяет форму.

Необходимость функционирования может вести к *деформации* целого – изменению его внешней формы. А это в свою очередь может повлечь *метаморфоз* – превращение его организации, внутренней формы, определяющее в порядке обратной связи *трансформацию* габитуса. Целое, не обладающее устойчивой организацией, будучи *аморфным* (бесформенным) в силу своей пластичности такую обратную связь не содержит. Превращение формы ведет к появлению превращенных форм, существующих относительно самостоятельно, как бы самодостаточно, и, как представляется, в отрыве

от того содержания, порождением которого они являются (например, куколка и бабочка).

Форма целого сохраняет следы внешних воздействий, извне обусловленного формообразования, т.е. хранит *информацию*.

Различение формы и содержания было введено в связи с анализом генезиса, завершения становления целого. Повторяемость и вариабельность процесса определяют его *полиформизм* – существование содержания в различных формах.

Стихийный материализм предполагал *трансформизм* – последовательное воплощение первоначала в различных мирах. Анаксимандр выдвинул идею *преформизма* (от лат. *praeformo* – заранее образуя, предобразую), согласно которой праформы предсуществуют в виде «семян вещей» (*гомеомерий*), которые накапливаются и растут. Так, Сенека

писал: «В семени содержатся все будущие части тела человека. Младенец в утробе матери имеет уже корни бороды и волос, которые он некогда будет носить. Подобным образом в этой небольшой массе заключены все очертания тела, и все то, что будет у его потомков». Позднее Лейбниц указал на сходство преформизма и трансформизма: «Фило-

софы были в большом затруднении насчет происхождения форм, энтелехий, или душ; но теперь, когда замечено путем точных исследований, произведенных над растениями, насекомыми и животными, что органические тела в природе никогда не происходят из хаоса или из гниения, но всегда из семян, в которых, без сомнения, имела место некоторая преформация, то отсюда было сделано заключение, что не только органическое тело существовало еще до зачатия, но и душа в этом теле, и, одним словом, само животное и что посредством зачатия это животное было лишь побуждено к большому превращению, чтобы стать животным другого рода. Нечто подобное замечаем

мы и там, где нет собственно рождения, например, когда черви становятся мухами, а гусеницы – бабочками» («Монадология»)

Атомисты считали, что существует бесконечно много атомов и миров, различающихся по форме. Современная морфология (от др.-греч. *μορφή* – форма) полагает, что в морфогенезе возникает ограниченное разнообразие морфотипов, составляющее морфологический спектр. В морфогенетическом поле наряду с основными морфотипами возникают промежуточные формы, но они неустойчивы.

Разнообразие форм возникает вследствие *дивергенции* (от средневекового лат. *divergo* – отклоняюсь) – расхождения форм, обусловленное различиями во внешних условиях. Специализированные формы обладают селективным преимуществом, что способствует вымиранию промежуточных форм. Пребывание в сходных условиях ведет к *конвергенции* (от лат. *con* – вместе и *vergere* – сближаться) – приобретению сходных форм. В различных эволюционных рядах форм может наблюдаться *морфологический параллелизм*. Так, согласно *закону гомологических рядов*, сформулированному российским генетиком Николаем Ивановичем Вавиловым (1887–1943), изменчивость близких по происхождению родов и видов растений осуществляется общим (параллельным) путем. Так, у разных видов млекопитающих встречаются формы бесшерстные, длинношерстные, короткопалые и т.д. Зная ряд форм в пределах одного вида, можно предвидеть нахождение параллельных форм у других родственных видов и родов. Животные с болезнями, встречающимися у людей, используют в качестве естественных моделей для изучения (например, врожденная глухота – у морской свинки, мыши и т.д.).

В морфогенезе осуществляется трансформация праформ. В ряду форм имеется как одинаковость их по организации – *изоморфизм*, так и подобие – *гомоморфизм*. Уподобления различным праформам получили названия «зооморфизм», «биоморфизм», «техноморфизм», «антропоморфизм», «социоморфизм» и др.

4.8. Перфекционизм

Перфекционизм (от лат. perfectus) – представление о том, что все стремится к совершенству.

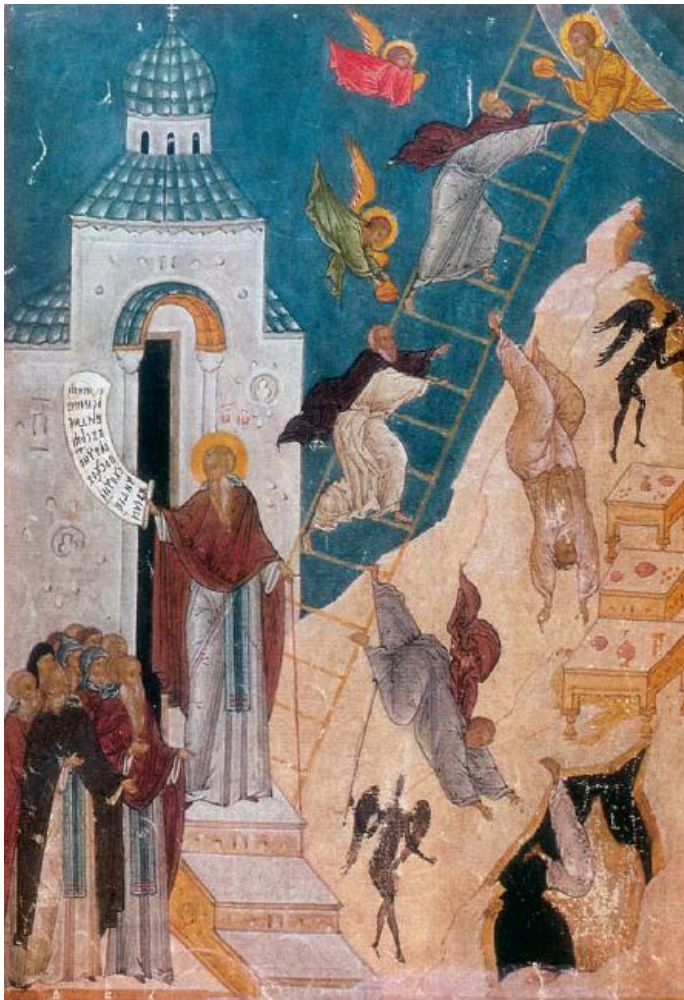
О трудном пути к совершенству древнекитайский мудрец Лаоцзы писал:

Тот, кто лишь пытается начать, никогда не начнет.
Тот, кто слишком торопится, ничего не достигнет.
Тот, кто виден всем, не может быть ясным.
Тот, кто считает себя правым, не может стать лучше.
Тот, кто заставляет себя, не достигнет успеха.
Тот, кто жалеет себя, не может совершенствоваться.

Совершенство (от древнегреч. τέλειος – законченность) – свершенность, высшая степень развития, высший образец-эталон, с которым соотносятся цели и результаты предпринимаемых усилий. С совершенством ассоциируется достигнутость цели, доведенное до конца, целиком законченное и поэтому полное.

Для совершенного состояние характерна *автаркия* – самодовление, сущее в полноте и неущербности. Демокрит указывал, что «природе достаточно ее собственных сил». По Аристотелю совершенное государство автаркично: «Государство представляет собой общение... родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни» («Политика»). У киников и стоиков «совершенный человек» преисполнен достоинств и избавлен от пороков. Мудрец ни в ком и ни в чем не нуждается и тем подобен богу.

Принято говорить не только о совершенстве объекте, но и о присущих ему несовершенствах. Преодоление этих несовершенств формирует совершенный объект как множество всех совершенств. Следовательно, на определенном уровне совершенства объект может достичь совершенства по тем или иным конкретным качествам, а с переходом на последующие уровни совершенства – достичь совершенства по другим качествам.

Видение Лестницы Божественного восхождения Иоанном Лествичником (VI-VII вв.).
Миниатюра нач. XVI в.

ность совершенства в рамках достигнутой гармонии. «...Совершенствоваться и совершенствовать других», — писал в «Основах эволюционной монадологии» русский математик и философ Николай Васильевич Бугаев (1837–1903).

В арабо-мусульманской философии совершенствование интерпретируется в аспекте актуализации, а несовершенство — в аспекте неактуализированных, нераскрытых потенций. Совершенство имманентно присуще объекту, хотя оно и невыявлено. Поэтому требуется осознание совершенства, его выявление и актуализация. В результате снимается проблема недостижимости трансцендентного эталона совершенства. Трудность данного подхода заключается в ситуационности совершенствования. Изменение ситуации может вести к изменению вектора совершенствования и деактуализации ранее раскрытых возможностей. Потенциал объекта всегда раскрывается частично и в

В российской философии считалось, что абсолютное совершенство недостижимо, но на пути к нему расположены все те маленькие совершенства, на которые могут притязать люди. Обращалось внимание на: 1) взаимность совершенствования, коррелятивность и интерактивность совершенствования сосуществующих и взаимосвязанных личностей; 2) необходимость гармонизации процессов совершенствования; 3) определение меры и предела совершенствова-

ния, благодаря чему устанавливается необходимость и достаточ-

известном смысле случайно. Соответственно, невозможно добиться абсолютной, полной актуализации потенциала объекта. Такая актуализация представляется относительной, в силу чего в совершенствовании необходима ситуационно уместная сбалансированность.

В японском менеджменте опыт совершенствования обобщен в философии кайдзен (букв. «непрерывное совершенствование»). Все мелочи важны, ибо совершенствование в малом исчерпывает возможности актуальной фазы развития и создает предпосылки для перехода на новый уровень совершенства. Поэтому совершенствование должно идти постоянно и повсеместно.

Понятно, что фиксация на бесконечно малых усовершенствованиях может заблокировать процесс совершенствования в целом. Акцентуированный перфекционизм включает:

- стремление довести любое действие до идеала, отношение к деятельности по принципу «все или ничего» (поляризованное мышление);
- завышенный уровень притязаний и высокую требовательность к себе
- гонку за наилучшим результатом, ориентацию на «самых успешных» и постоянное сравнение себя с окружающими;
- скрупулёзность, повышенное внимание к мелочам;
- сомнения в качестве выполнения деятельности, концентрацию на ошибках и чувствительность к критике;

Во избежание невротизации перфекционистам рекомендуется:

- признавать и ценить свою и чужую уникальность;
- видеть в себе не только недостатки, но и достоинства;
- различать цели по степени их важности;
- воспринимать неудачи как неотъемлемую, нормальную часть жизни;
- чередовать периоды напряжения и релаксации.

5. МЕТОДОЛОГИЯ.

Понятие методологии. – Символический метод. – Тождество и различие. – Антитетический метод. – Медиация. – Эклектика. – Диалектика. – Системный подход.

5.1. Понятие методологии

Методология – учение о методе. Метод (из μέθ-+οδος, букв. «путь вслед за чем-либо») – последовательность действий, приводящая к цели. Исходя из описания мира, его оценки и целеполагания, философ формулирует прескрипции (знания-предписания), которые выступают как правила поведения (регулятивы), следование которым делает возможным достижение желаемого, т.е. мудрости, мира, свободы и пр.

Поскольку мудрость персонифицирована, то следование за мудрецом – первое требование к изучающему философию. Учитель был правилом, метой (от лат. – поворотной вехой), он разворачивал ученика личным примером и тот следовал за ним. Гегесию, попросившего Диогена почитать что-нибудь из его сочинений, тот ответил: «Дурак ты, Гегесий, нарисованным фигам ты предпочитаешь настоящие, а живого урока не замечаешь, и требуешь писанных правил». О том же говорилось Христом Фоме Неверующему: «А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня».

Следуя за мудрецом, его последователи обучаются отыскивать следы мудрости везде. Так, Франческо Петрарка (1304–1374) писал: «Мой трактат написан на основе собственного опыта: ему я следовал и другого вожакого не искал. Свободно, хотя и осмотнительно, я шел за своей мыслью по собственной дороге, а не по чужим следам» («Об уединенной жизни»). Опыт давал Петрарке крупинки мудрости, которые постепенно составляли нить его собственного пути.

Путешествия, как рассуждал Декарт, нужны для поиска истины (и истинного бытия). Это возможность менять миры, возможность взглянуть на мир со стороны. Топика пути охватывала погружение в глубины, восхождение к высотам, кружение по поверхности. Пройдя путь, философ может стать проводником и показывать правильный путь, или составить путеводитель – размышление о методе, регламентирующее путь.

Н. Форсберг. Диспут королевы Швеции Кристины и Рене Декарта. 1884 г.

Путешествие всегда двойственно и включает возвращение. Поэтому методология отмечает связанные эффекты:

- оборачивания метода, когда по завершении применения одного метода, требуется применить противоположный метод (например, перейти от анализа к синтезу);

- дополненности методов (индукция и дедукция, анализ и синтез, наблюдение и эксперимент);

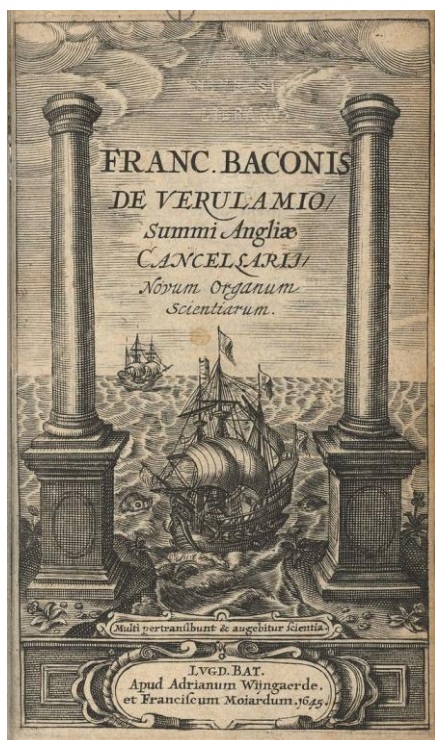
– внутренней двойственности каждого метода, пошаговая реализация которого требует опосредствующего применения дополнительного метода.

Особый интерес к методу проявился в XVII веке. Предполагалось, что может быть найден универсальный метод («всеобщая математика»), применение которого – «машины метода» – позволит достигать надежных результатов.

Французский философ Рене Декарт (1596–1650) разрабатывал гипотетико-дедуктивный метод. В «Рассуждении о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (1637) он предложил следующие правила метода: «Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению. Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить. Третье – располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предме-

тов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу. И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено».

Очевидно, что последнее правило должно быть первым, так как ясное и неясное должно быть собрано, прежде чем истинное будет отобрано.

Лорд-канцлер Великобритании Фрэнсис Бэкон (1561–1626) в труде «Novum Organum Scientiarum» (1620) предложил

использовать в науках не формальную логику Аристотеля, а систематический эксперимент и систематическую индукцию.

Сегодня к методу предъявляются следующие требования:

- *направленность* – подчиненность определенной цели;
- *результативность* – обеспечивать достижение намеченной цели (результата);
- *экономность* – достижение цели с наименьшими затратами;
- *надежность* – неоднократное получение с высокой вероятностью искомого результата;
- *плодотворность* – способность давать как намеченные, так и побочные результаты;
- *последовательность* – отсутствие произвола в применении правил, что позволяет освоить метод;
- *ясность* – общепонятность (эффективная распознаваемость).

5.2. Символический метод

Термин «символ» восходит к $\sigma\upsilon\mu\beta\lambda\lambda\omega$ – «соединяю, сталкиваю, сравниваю». У древних греков символом назывался опознавательный знак в форме одной из двух половин разломанного предмета, который партнеры по договору, люди, связанные узами гостеприимства, и супруги перед разлукой делили на части и при последующей встрече складывали для нового узнавания. Затем под символом понималось все, что указывало на иное.

Согласно принципу всеобщей взаимосвязи и опосредованности всего сущего в каждом предмете можно обнаружить причастность к иному (одно символизирует другое) или само это иное. Каждое сущее есть символ другого сущего. Поэтому **символический метод** – выражение (или достижения) одного сущего через другое сущее.

Так, по Платону, «слова дуба были первыми прорицателями», было довольно «слушать дуб или скалу, лишь бы только те говорили правду»

(«Федр»). В Додоне можно было послушать шум и шелест священного дуба, журчание ключа, звон медной посуды на ветру, в Делосе – шелест лаврового дерева, в Дельфах – ветер, пронесившийся по бронзовому треножнику. В Дельфах пифия изрекала вещие слова, а в Трофонийской пещере человеку, задавшему вопрос оракулу, являлись видения.

Символ воспринимался как указание на иную действительность и как способ ее выражения. Этот способ восприятия великолепно представлен в стихотворении В.С. Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий –
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

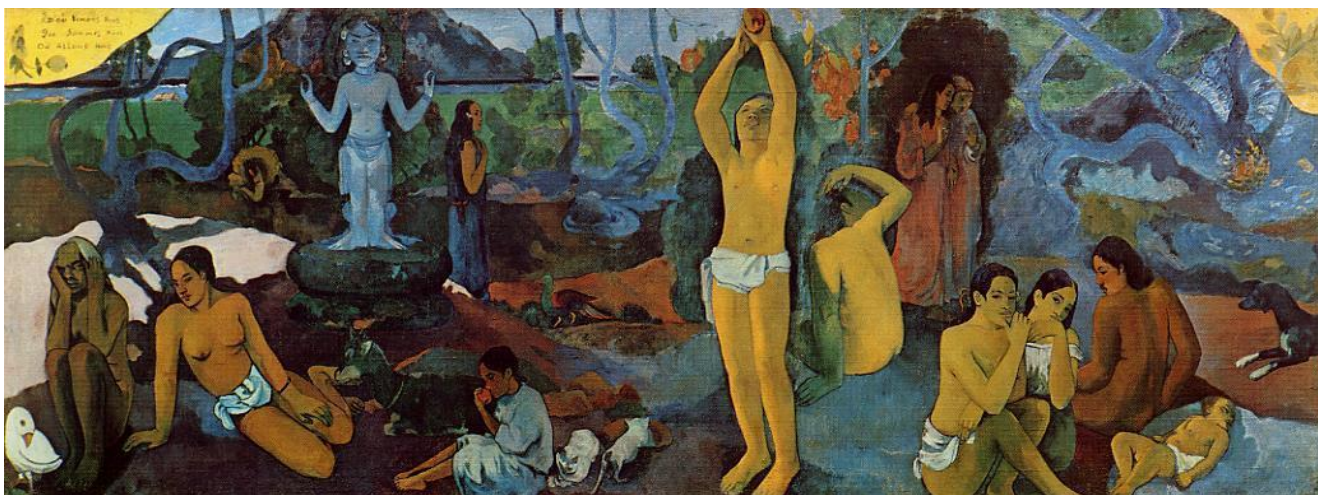
Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете –
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привет?

1892

Символический способ выражения реализуется через метафоры и аллегории. Средневековый философ Пипин в диалоге со своим учеником Пипином, сыном Карла Великого, так учит его определять предметы на основе их связи с другими предметами: «П.: Что такое буква? – А.: Страж истории. П.: Что такое слово? – А.: Изменник души. П.: Кто рождает слово? – А.: Язык. П.: Что такое язык? – А.: Бич воздуха. П.: Что такое воздух? – А.: Хранитель жизни» (ок. 790 г.).

Каждое сущее есть иное. Поэтому изречения философа загадочны как изречения Дельфийского оракула. Так, Феодор, персонаж диалога Платона, говорит о гераклитовцах: «А если ты кого-нибудь о чем-либо спросишь, то они обстреляют тебя, вытаскивая, как из колчана, одно загадочное речение за другим, и если ты захочешь уловить смысл сказанного, то на тебя обрушится

то же, только в переиначенном виде, и ты с ними никогда ни к чему не придешь» («Теэтет»).

Картина П. Гогена «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?» (1897–1898; фр. *D'où venons nous? Que sommes nous? Où eallons nous?*)

СПЯЩИЙ РЕБЕНОК символизирует человеческую душу до ее земного воплощения. *СОБАКА* – символ бед, которые поджидают человека на земле. *ТРИ ЖЕНЩИНЫ* символизируют первую стадию пребывания человеческой души в телесной оболочке до открытия в ней стремления к самопознанию. *МУЖЧИНА, СРЫВАЮЩИЙ ПЛОД С ДРЕВА ДОБРА И ЗЛА*, – символ пробуждения в человеке стремления к постижению тайн мироздания. *ФИГУРА С РУКОЙ НА ГОЛОВЕ* олицетворяет вторую стадию развития человеческой души, когда она приходит в отчаяние от невозможности найти ответы на «проклятые вопросы» бытия. *ДВЕ ФИГУРЫ В КРАСНОМ* – мудрецы. *ПТИЦА* – символ духовного пути. *ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ* символизирует душу на высшей стадии развития, когда она постигает смысл своего земного воплощения. Он заключается в том, что душе необходимо закалиться в страданиях. *ИСТОЧНИК* – символ вечности. *СТАТУЯ БОЖЕСТВА* олицетворяет надежду на воскресение на небесах освобожденной души. *ФИГУРА ПОДРОСТКА* символизирует зачаточный уровень развития души у тех, в ком стремление к самопостижению так и не раскрылось и кому знакома только жизнь тела. *КОЗА, КОТЕНОК И ЩЕНОК* – символы беспечного существования, в котором пребывает царство материальной природы, не знающее мук духовного поиска. *ОБНАЖЕННАЯ* – символ чувственного наслаждения, за которым гонятся те, кто живет по законам материального мира. *СТАРУХА* символизирует обреченность тела на смерть. *ПТИЦА С ЯЩЕРИЦЕЙ В КОГТЯХ* – символ неизбежности смертного часа.

Пифагорейцы также, храня свое учение в тайне, в присутствии непосвященных говорили иносказательно и символически. *Акусмы* – краткие высказывания Пифагора, предназначенные для слушания и размышления и содержавшие скрытые намеки и сокровенные значения. Например:

«Сердце не ешь» – не удручай себя горем.

«Огня ножом не вороши» – не задевай вспыльчивого».

«Помогай ношу взваливать, а не сваливать» – поощряй людей не к праздности, а к труду.

Признание философами роли символизации выражается в использовании иронии – выявления смысла через иное. По одному из античных определений, ирония означает «говорить нечто, делая вид, что не говоришь этого, т. е. называть вещи противоположными именами».

Примером иронии является приговорка Сократа «Я знаю, что ничего не знаю». Ироничен текст «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского.

Из принципа всеобщей связи вытекает принципиальная многозначность в интерпретации символа, а соответственно – многозначность каждого сущего. Ни одно из значений не имеет приоритета (т.н. эквивокация – равноголосие), и определенное значение обнаруживается в том или ином отношении. Потому символ, применяемый в коммуникации, имеет множество непредсказуемых эффектов.

5.3. Тождество и различие

Основные взаимодополнительные процедуры в философской деятельности – это отождествление и различение предметов. Отождествление – это установление тождества, а различение – установление различия.

Первоначально тождество и различие устанавливаются при созерцании безразличных друг к другу предметов, по отношению к которым рефлексится их *сходство* или *несходство* по тем или иным свойствам.

По *закону тождества* каждая вещь есть та же самая по отношению к себе и отлична от другой. Формула закона тождества: $A = A$. Гегель указывал, что суждения тождества («Планета есть планета») справедливо считаются глупыми. Но в варианте «Я есть Я» проблема тождества (идентичности) личности оказалась сложнее: Я тот же самый человек, что вчера, что 10 лет назад? Презумпцией идентичности личности обусловлена возможность ответственности за ее поступки, ее вознаграждение или наказание.

В следственной практике установление тождества по различным параметрам одного предмета с другими предметами позволяет произвести идентификацию предмета в его уникальности. Совокупность идентификационных признаков, являющаяся достаточным основанием для отождествления объекта по его известным отображениям, называется *идентификационным комплексом*.

В конечном счете, для философов, знающих мир как *всё*, это всё одно и тождественно (Гераклит: «Мудрость в том, чтобы знать все как одно»). Так и одно из изречений Парменида гласит: «Ибо одно и то же – как внимать (мыслить), так и быть». В философии тождества мир мыслится как дифференцированный абсолют: вещи – это различия, выступающие из неразличенности абсолютного тождества.

Тождество и различие предметов рефлексировано не только по качеству, но и по количеству, что выражается понятием сравнения, фиксирующим процедуру установления равенства и неравенства. Кроме того, каждое А есть то же самое по отношению к себе самому. В тождестве скрыто отношение, а следовательно – опосредствующая связь. Эта связь конституирует отношение к самому себе как себетожественность.

Самотожественность предмета задается отличием от иного предмет. Самотожественность сама по себе непредставима: она требует дубликации и отсылки к другому. Число «2» существует постольку, поскольку есть числа «0», «1», «3» и другие числа натурального ряда – они допускают появление «2». Таким образом, отождествление требует растождествления, т.е. различения. Поэтому тождество есть нетождество или тождество с различием.

В этом смысле « $A \neq A$ ». Все тождественно и различно. Существование внутреннего различия означает, что данный предмет образуется из иного и превращается в иное, оставаясь самим собой. Поэтому внутреннее различие возможно лишь в единстве с внешним различием. Внешние связи и различают предмет.

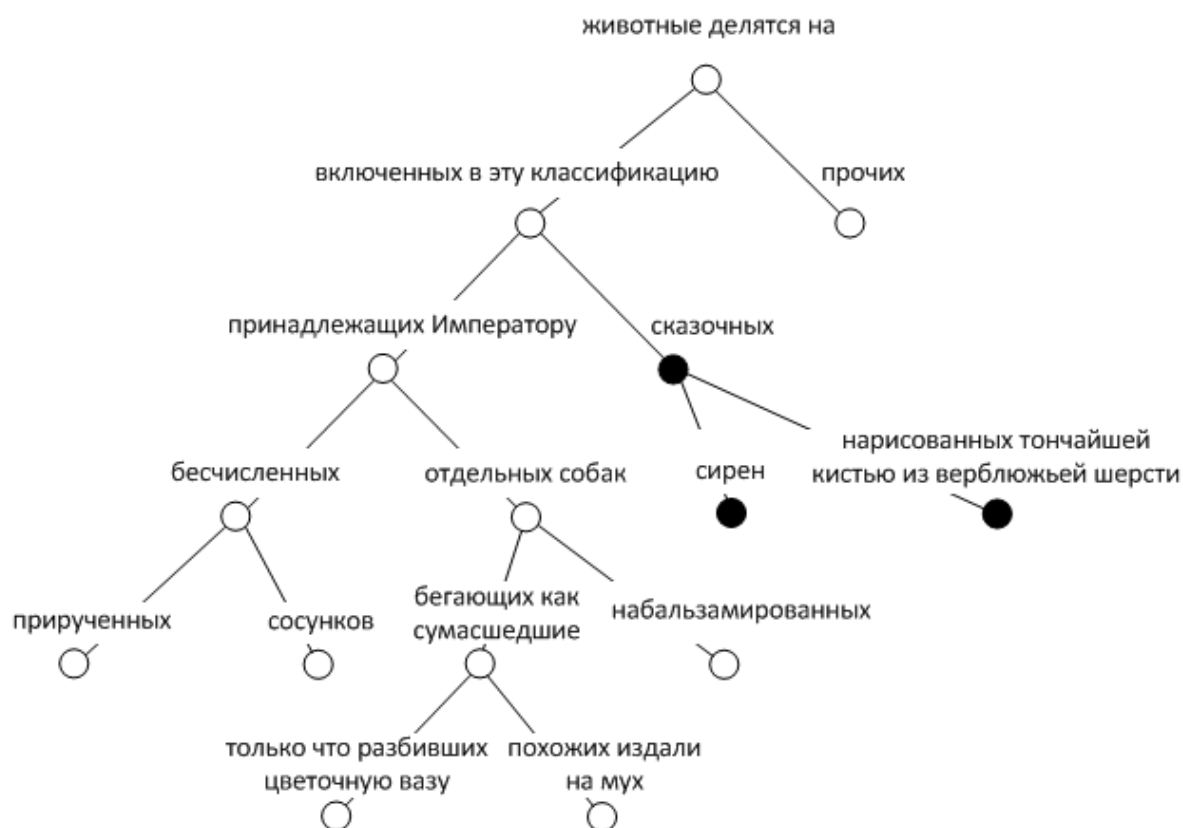
Согласно *принципу индивидуации* (Бозций) всякий предмет универсума уникален. О том же говорит *закон разности Лейбница*: «Не существует двух вещей, из которых одна была бы в точности такая, как и другая». Но сосуществование всех предметов в одном универсуме делает их в чем-то одинаковыми. Одно какое-либо свойство, присущее предметам, рефлексивируется как их тождество по данному свойству. Два предмета различны, если один из них имеет свойство, отсутствующее у другого. В зависимости от выделяемых свойств между одними и теми же предметами имеется как тождество, так и различие.

При отождествлении предметов производится *абстракция отождествления* и выделяется абстрактный предмет. Так, отождествляя разных людей, конструируют человека как абстрактный предмет, и на основе этого абстрактного предмета в отдельных людях распознают человека.

Выявление тождества и различия позволяет классифицировать предметы по различным признакам. При определении понятий установление тождества первично: вначале дается родовое определение (тождество), затем видовое отличие (различие). Всякие различия могут быть заданы лишь на основе предварительно обнаруженной тождественности.

По отношению к родо-видовому делению Кант в «Критике чистого разума» сформулировал три закона:

- *закон однородности* требует искать высший род, охватывающий собой все многообразие как роды, виды и подвиды;
- *закон спецификации* требует в каждом виде последовательно и безостановочно выделять подвиды и т.д. на основании все более мелких различий, предполагая их даже в том случае, если они и не открываются чувствам;
- *закон сродства* утверждает, что все различия между видами граничат друг с другом и допускают переход друг к другу не путем скачков, а через все меньшие степени различия, благодаря чему возможны промежуточные виды и всегда можно прийти от одного вида к другому.

Легендарная «китайская» классификация животных (по Х.Л. Борхесу)

Гегель высказывал неудовлетворение часто встречающимся родовым делением по произвольным, случайным и внешним основаниям, примером которого может служить легендарная «китайская» классификация животных. «Философское деление вообще не есть внешнее деление, не внешняя классификация наличного материала, проведенная соответственно одному или нескольким принятым основаниям деления, а имманентное различие, совершаемое самим понятием», писал он в «Философии права».

5.4. Антитетический метод

Антитетический метод – метод противопоставления понятий и тезисов, дуалистического членения действительности. Результатом применения метода являются бинарные оппозиции типа «земля – небо», «свет – тьма», «добро – зло», «идеальное – материальное», «субъект – объект» и др.

Антитетический метод позволяет видеть в мире как одно, так и иное.

Так, однажды у Насреддина спросили: – Где у тебя нос? Ходжа указал на затылок. – Ходжа, – сказали ему, – ты как раз показываешь на противоположное место. – Ага, – ответил ходжа. – Вот видите: пока не выяснится антитезис, и тезис не определится.

В антитетичности мир дан в его полноте и целостности. В «Дао дэ цзин» сказано: «Видя петуха, помнить о курице – вот вещь глубочайшая, способная вместить весь мир. ... Видя белое, помнить о черном – вот идеал для всей Поднебесной. ... Видя славу, помнить о позоре – вот пропасть, способная вместить весь мир».

В *бинáрной оппозиции* одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых обычно утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает. Первый член оппозиции обычно маркирован положительно, второй – отрицательно. Именно так маркировали пифагорейцы 10 пар противоположностей:

предел и беспредельное
четное и нечетное
единое и множество
правое и левое
мужское и женское
покоящееся и движущееся
прямое и кривое
свет и тьма
хорошее и дурное
квадратное и продолговатое

Антитетические понятия фиксируют *контрадикторные* и *контрарные* противоположности. Контрадикторные противоположности образуются делением класса объектов на два подкласса по наличию или отсутствию признака (как в учении Фихте: «Я – не-Я»). Иногда в таких понятиях резюмируется содержание философского учения. Бертран Рассел вспоминал: «Когда я заинтересовался философией – предметом, который в силу каких-то причин предавался анафеме, – мне сказали, что всю ее можно резюмировать следующим образом: “What is mind? – No matter. What is matter? – Never mind”».

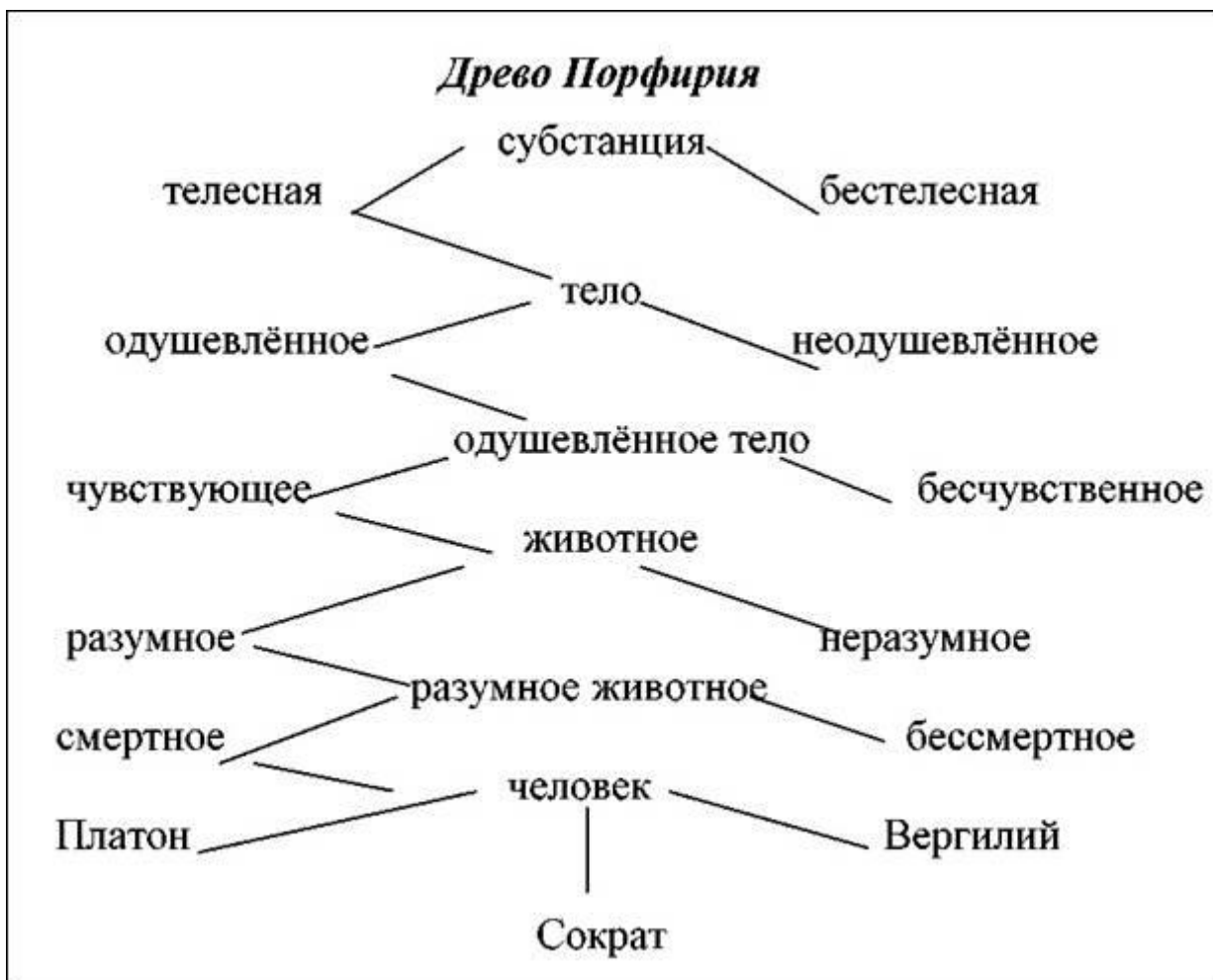
Контрарные противоположности образуются делением упорядоченного класса объектов на три подкласса (напр., углов – на острые, прямые и тупые; признаков – на единичные, особенные и всеобщие). Контрарные противоположности полярные и опосредованы переходным, промежуточным подклассом: между острыми и тупыми углами – прямыми, между единичными и всеобщими признаками – особенными и т. д.

Контрадикторными противоположностями оперирует дихотомия – метод классификации делением объема понятия (класса, множества) на два соподчиненных его вида. В общем случае результат дихотомии имеет вид «лестницы» или бинарного дерева.

Часто под видом дихотомии реализуется двучленная политомия, в которой признаки соподчиненных классов, вообще говоря, логически не противоречат друг другу, но могут быть контрарны. Так, деление высказываний на истинные и ложные не дихотомично, так существуют и неразрешимые высказывания (неистинные и неложные).

Примером совмещения дихотомии и псевдодихотомии может служить «древо Порфирия», в котором сирийский философ-неоплатоник Порфирий (232–304) представил содержание философского понятия субстанции.

Антитетический метод применяется при систематизации и изложении философских положений. Протагор утверждал, что о всякой вещи можно говорить за и против.

Секст Эмпирик писал: «Основное же начало скепсиса лежит главным образом в том, что всякому положению можно противопоставить другое, равное ему («Три книги Пирроновых положений»).

В схоластической философии метод ведения дискуссии *pro et contra* (за и против), при котором выдвигаются два ряда противоречащих аргументов, систематически применялся при обсуждении спорных вопросов. Так, Пьер Абеляр в трактате «*Sic et Non*» («Да и нет») собрал и сопоставил противоречащие друг другу фрагменты из Библии и положения теологии.

Большое впечатление на общественность произвели антиномии чистого разума, сформулированные Кантом в «Критике чистого разума» (см. табл. 5.1). Антиномия («конфликт законов») – это контраридикторное противоречие между двумя суждениями, каждое из которых считается в равной степени обоснованным или логически выводимым.

Таблица 5.1.

Антиномии чистого разума

Тезисы	Антитезисы
Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве.	Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве.
Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого.	Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого.
Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность	Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы,
К миру принадлежит или как часть его, или как его причина безусловно необходимая сущность.	Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности – ни в мире, ни вне мира – как его причины.

Гегель в одном из комментариев к антиномиям Канта указал на ограниченность этого перечня: «Более глубокое рассмотрение антиномической или, вернее, диалектической природы разума показывает, что вообще всякое понятие есть единство противоположных моментов, которым можно было бы, следовательно, придать форму антиномических утверждений. Становление, наличное бытие и т. д. и всякое другое понятие могли бы, таким образом, доставить нам свои особые антиномии, и, стало быть, можно установить столько антиномий, сколько имеется понятий. – Античный скептицизм не пожалел труда и обнаружил это противоречие или эту антиномию во всех понятиях, которые он нашел в науках» («Наука логики»).

В ряде философских учений утверждается недвойственность и считается, что многие дихотомии либо нереальны, либо имеют локальное значение. Будда говорил: «В видении есть только видение. Нет видящего, нет и видимого. В слушании есть только слушание. Нет слушающего, нет и слышимого». Таким образом, недвойственность в буддизме предполагает осознание того, что двойственность себя и мира является иллюзией.

5.5. Медиация

Медиация (от лат. *medius* – занимающий середину) – это посредничество, процедура примирения сторон спора с помощью третьей стороны – посредника (медиатора).

Мудрецы и философы часто выполняли посреднические функции при разрешении споров, во главе посольств, в межконфессиональных диалогах. Когда государства Антанты обратились в 1917 г. к президенту США Вудро Вильсону с просьбой принять решение о вступлении в I мировую войну на их стороне, то в качестве посредника они направили знаменитого во Франции философа Анри Бергсона (первоначально предлагалась кандидатура Бертрана Рассела).

Сосуществование сопряженных противоположностей предполагает наличие между ними соединяющего звена, в котором эти противоположности совпадают. Противоположности тем самым опосредуются, а соответствующая позиция является воплощением срединности.

Конструктивно принцип срединности часто реализуется в форме триад. Например, у Платона число – средний член между пределом – беспредельным («Филеб»). У неоплатоника Прокла в триаде «пребывание – выступление – возвращение», третье звено объединяет крайности первых двух и представляет собой некую «середину» между ними.

В китайской философии воплощением срединности является человек: «Позиция Небес – это верх. Позиция Земли – это низ. Позиция человека – это середина». Срединность как модель поведения благородного человека вариативна. Она может выражаться:

- запретом на проявление крайностей («Когда не проявляют удовольствия, гнева, печали и радости, это называется серединой»; сравните с тем, что говорится про низкого человека: «Роптать на небо, питать злобу к людям»);

- сочетанием противоположных качеств («Надень узорный наряд, накрой его полотном»);
- сбалансированностью противоположных качеств («Изысканность и естественность»);
- уместностью действий («Когда в государстве царит порядок, его слова соответствуют процветанию; когда в государстве нет порядка, его молчание помогает ему сохранить себя»; сравните с тем, что говорится про низкого человека: «Вести себя дерзко, не считаясь ни с кем и ни с чем»);
- движением через противоположное («Повторяя ранее изученное, познаешь новое»).

Призвание человека — культивировать срединное. Даосский мудрец Чжуан-цзы советовал:

Беги славы, беги позора.
Ты то дракон, то змея,
Превращайся вместе с временем.
Не желай никогда быть кем-нибудь.
Будь то вверху, то внизу,
Согласие — вот твоя мера.

Наиболее древним и общим самоназванием буддизма является мадхьяма-пратипат, что означает Срединный Путь. Будда советовал своим последователям избегать крайностей аскетизма и наслаждения.

В мадхьямаке Срединный Путь стал толковаться как избегание крайностей отрицания и утверждения по любому вопросу, так все в мире иллюзорно и относительно, а реальность невыразима и непостижима. Утверждать срединную позицию — также крайность: «Мудрый, отвергнув крайности, совершенно не пребывает и в середине» (сутра «Царь самадхи»). И наоборот, срединность в зависимости от обстоятельств может состоять в крайности, когда нужно создать противовес противоположной крайности. Следует пребывать, не пребывая. На Срединном пути нельзя стоять, находиться, по нему можно только двигаться, непрерывно отказываясь от очередных крайностей. Точка равновесия важна как точка роста.

Аристотель полагал, что в каждой вещи есть середина – то, что равно удалено от обоих краев. Применительно к человеку в «Никомаховой этике» он выделяет «золотую середину» между крайними проявлениями его личных качеств, например:

безрассудная отвага – мужество – трусость;
мотовство – щедрость – скупость;
спесь – величавость – приниженность;
хвастовство – правдивость – притворство;
шутовство – остроумие – неотёсанность;
вздорность – дружелюбие – угодничество;
бесстыдство – стыдливость – робость.

Золотая середина ищется в каждом конкретном случае как ускользающая цель.

В мусульманской этике васат («срединность») фиксирует момент взаимодействия, в котором противоположные стороны, обращаясь друг другу, входят в контакт и «связываются», уступая одна другой. Любое действие воспринимается не как существующее в себе и для себя, а как составляющая взаимодействия в связанности с другим. Поэтому желательна взаимная уступчивость, сохраняющая отношения.

Ю. Крижанич (1617–1683) отметил отсутствие срединности в русской душе. Обсуждая в «Политике» (1663) свойства и недостатки русского народа,

он писал: «Не умеют наши люди ни в чем держаться меры и идти средним путем, а всегда плутают в крайностях и погибелях». Сегодня признание антиномичности русской души и отсутствия в России срединной культуры аксиоматично.

Английский геополитик Хэлфорд Маккиндер (1861-1947) в работе «Географическая ось истории» (1904) выдвинул теорию России как *хартлен-*

да (англ. Heartland – «сердцевина», срединная земля). Согласно Маккиндеру, основной геополитический закон гласит: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром».

5.6. Эклектика

Для достижения цели можно придерживаться можно крайностей, середины между ними, а также иного. «Все пойдет», – утверждал Пол Фейерабенд (1924–1994) в работе «Против метода: Очерк анархистской теории познания» (1975).

Поскольку мудрость есть знание всего, то движение к мудрости начинается с узнавания всего и везде. Кто охотится за мудростью в дальних путешествиях, а кто занимается ее собирательством, как Сократ, опрашивавший сограждан. Ферекид Сиросский собирал мудрость посредством переписки, сидя дома. Эклектической формой организации мудрости были «Сумма против язычников» Фомы Аквинского и «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремёсел» Д. Дидро и Д'Аламбера. При сборе информации производится ее выбор и отбор. Отсюда название этого метода – *эклéктика*, (греч. *εκλεκτός*, «избранный, отборный», от греч. *εκλέγω*, «выбирать, отбирать, избирать»). *Эклектика* – способ приобретения мудрости (и решения других проблем) путем использования всего лучшего.

Так, Конфуций говорил: «Слушаю многое, выбираю лучшее и следуя ему». Объясняя, что такое социализм, В. И. Ленин (1870-1924) писал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов +

Рис. Фронтиспис «Энциклопедии» (1772) Шарль-Никола Кошена. Фигура в центре символизирует Истину — в окружении яркого света (символ Просвещения). Две фигуры справа, Разума и Философии, срывают покровы с Истины. Остальные фигуры изображены с атрибутами различных наук.

американское народное образование etc. etc. + + = Σ = социализм».

Эклекти́зм воспринимается как смешение, соединение разнородных, т.е. различных по происхождению элементов, стилей, идей, взглядов и т. п. Отсюда часто возникает его негативная оценка, так как эклектизм оценивается как сочетание несочетаемого, как явление вторичное и неоригинальное, характеризующееся поверхностными заимствованиями, запутанностью, сумбурностью и необедительностью. Но эклектика также воспринималась как «искусное соединение» или как «умный выбор», по-

зволяющий, не изобретая новое, прагматично использовать уже известные и подходящие инструменты.

Такую ситуацию описал А. Эйнштейн на примере естествоиспытателя: «В таком случае он должен систематизирующему философу-гносеологу показаться своего рода беспринципным оппортунистом. Он кажется реалистом, поскольку старается представить не зависящий от актов ощущений мир; идеалистом – поскольку смотрит на понятия и теории как на свободные изобретения человеческого духа (не выводимые логически из эмпирически данного); позитивистом – поскольку рассматривает свои понятия и теории лишь настолько обоснованными, насколько они доставляют логическое представление связей между чувственными переживаниями. Он может показаться даже платоником или пифагорейцем, поскольку рассматривает точку зрения логической простоты необходимым и действенным инструментом своего исследования».

Эклектизм исходит из того, что нет философа, столь неразумного, чтобы он ничего не понимал правильно. Лейбниц полагал, что «все системы философии правы в том, что они утверждают, ошибаясь лишь относительно того, что они отрицают». Эклектизм считается со всеми возможными направлениями и путём критики находит в них зерно истины.

По оценке Д. Дидро, эклектик дерзает мыслить по-своему, «не принимает ничего, что не подтверждается его опытом и разумом, а из всех философий, анализируемых им без всякого пиетета и пристрастия, составляет свою личную и домашнюю философию, принадлежащую лишь ему». И не только ему, так как все – во всем, подобно тому как в естественном состоянии все принадлежало всем.

В этом отношении эклектик свободолобив и не считает необходимым заключать себя в оковы одной системы. Чаще всего в эклектизме совмещаются 2-3 стиля (например, неоплатонизм синтезировал платонизм и аристотелизм).

Диего Ривера. Человек, управляющий Вселенной. 1934

Эклектизм использует несколько приемов. *Пастиш* – попури, свободная смесь популярных «цитат», мотивов, подражаний и «передразниваний». *Контаминация* – образование нового в результате смешения отдельных частей различных предметов (например: фрейдомарксизм). Из одного предмета может конструироваться каркас, а фрагменты другого предмета становятся декором. *Амальгамация* – это выбор базового процесса и объединение под его «шапкой» путем ассимиляции («пристегивания») наиболее ценного из других источников. О применении этого метода в правоохранительной деятельности писал Лев Троцкий: «17 декабря впервые сообщено было, что Николаев принадлежал ранее к ленинградской оппозиционной группе Зиновьева 1926 года. ...ясно, что указание на «группу Зиновьева» сделано не случайно: оно не могло означать ничего иного, как подготовку судебной «амальгамы», т.-е. заведомо ложного пристёгивания к убийству Кирова людей и групп, которые не имели и не могли иметь ничего общего с такого рода террористическим актом. Метод этот не нов. Напомним, что ещё в 1926 году, ГПУ подослало к никому неизвестному юноше, распространявшему издания оппозиции, своего штатного агента, служившего ранее в армии Врангеля, а затем обвинило оппозицию в целом в связях не с агентом ГПУ, а с «врангелевским офицером»» («Сталинская бюрократия и убийство Кирова»).

Эклектика необходима как способ первичного освоения новой проблематики. На основе интеграции разных по происхождению предпосылок осуществляется сборка концептуального ядра системы, последующая дифференциация которого порождает систему и даже серию систем.

Эклектизм эффективен на переходных этапах в историческом развитии, когда новое не отделено от старого, а деструкция уходящего возрождает архаические феномены. Кроме того, эклектизм с необходимостью возникает на пограничье культур, где сильны внешние влияния и происходит диффузия культур. Эклектизм способен сблизить противоположные позиции, дать возможность понять друг друга. Это актуально в условиях глобализации и мирного сосуществования различных культур.

5.7. Диалектика

Диалéктика (от др.-греч. *διαλεκτική* – искусство спорить) – постижение противоположностей в их единстве. В споре сталкиваются противоположные мнения. Обосновывая свою позицию, опровергая позицию оппонента и его критику, спорщики преобразуют друг друга и выявляют новые, связывающие их противоречия. Диалектика есть паттерн философской деятельности, разрешающей противоречие путем его развития.

В диалоге исходным является единство противоположностей, так как спорщики сходятся и буквально сцепляются друг с другом. *Противоречие* – единство противоположностей. Поэтому *основной закон диалектики* – единство и борьба противоположностей. Противоречие как ядро паттерна философской деятельности организует как ее, так и восприятие действительности как противоречия.

Неизвестный древнегреческий автор в псевдоаристотелевском трактате «О мире» писал: «Кто-то, возможно, удивится, что космос, составленный из противоположных начал – сухого и влажного, холодного и теплого, – тогда же не разрушился и не погиб. Так и государству некоторые дивятся – что оно

Законь диалектики.
(по Ф. Энгельсу)

существует, будучи составленным из различных групп людей: богатых и бедных, молодых и старых, слабых и сильных, негодных и добропорядочных. Не ведают они, что это и есть самое удивительное в общественном единении, – то, что из таких разных людей возникает единый порядок, который вмещает в себя все натуры и судьбы. Природа стремится к противоположностям, и между ними, а не однородными вещами устанавливает она согласие.

Например, мужское она соединяет с женским, а не мужское с мужским. Так и установилось первоначальное согласие – из соединения противоположностей, а не однородностей. Представляется, что и искусство, подражая природе, делает то же: живопись, смешивая цвета – белый и черный, желтый и красный, – получает сходные с образцами картины; музыка, соединяя высокие и низкие, длинные и краткие звуки в различные сочетания, приводит их к единой гармонии. А письменность, соединив гласные и согласные, произвела на свет все искусства. Так и у Гераклита Темного говорится: “Неразрывно связаны друг с другом целое и часть, подобие и различие, созвучие и диссонанс, и из всего возникает одно, а из одного – все”. Таким же образом и состав мироздания, то есть небо, земля и космос в целом, проникнут единой гармонией вследствие смешения противоположных начал: сухого с влажным, теплого с холодным, тяжелого с легким, прямого с кривым».

Диалектика – метод поиска общего начала для противоположностей. В платоновском «Пармениде» Сократ определял диалектика как имеющего «природную способность охватывать взглядом единое и множественное».

Первоначально все выглядит как одно и то же, затем как безразличное множество. Потом проявляются различия, доходящие до противоположности. И все эти противоположности существуют в единстве и друг в друге.

Диалектическое противоречие моделируется как

Тай цзи (Великий предел). Символ, предложенный неоконфуцианцем Чжу Си (1130–1200), означает единство, взаимопереход и взаимопроникновение Ян и Инь.

единство противоположностей и характеризуется:

- взаимоисключением и взаимодополнением противоположностей;
- взаимополаганием и взаимоотрицанием противоположностей;
- взаимопроникновением противоположностей их внутренней поляризацией сторон, вследствие чего каждая сторона содержит в себе свое иное;
- снятием противоречия в новой целостности;
- формированием на основе некоторого различия новых противоположностей и нового противоречия.
- погружением прежнего противоречия в основание нового противоречия.

5.8. Системный подход

Как заметил Энгельс, «системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия» («Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», 1886). Система – это гештальт, представляющий действительность как ансамбль (кортеж) элементов, связанных общей судьбой. Система отграничивается и выделяется в

окружающей среде как обладающая собственным, специфическим порядком движения.

Система как порядок противопоставляется неупорядоченной окружающей среде. Выделяемая из среды, система принадлежит ей и является моментом ее движения, точнее, способом ее самодвижения. Например, общество является частью природы, т.е. способом ее самодвижения.

Своим движением в среде система захватывает и связывает ее компоненты – *ассимилирует* (от лат. *assimilatio* – уподобление) – окружающую среду. И, наоборот, система распадается, *диссимилируется*, возвращая материал своего движения в окружающую среду. Так система оказывается специфическим способом движения окружающей среды, процессом ее преобразования.

Компоненты внешней среды включаются в систему, упорядочиваются и вовлекаются в присущий ей способ движения. Они становятся ее *субстратом* (от лат. *sub* – под и *stratum* – слой, пласт), т.е. материалом, на котором осуществляется движение системы. Характер субстрата может маркировать специфику системы на различных этапах ее генезиса. Так, в первобытной истории по характеру используемого материала выделяют каменный, бронзовый и железный века.

В движении система изменяет внешнюю среду и сохраняет себя как целое. Поэтому первый закон системы – *закон самосохранения*. Его действие выражается в *гомеостазе* (др.-греч. ὁμοιοστάσις от ὁμοιος – одинаковый, подобный и στάσις – стояние, неподвижность) – динамическом равновесии (сбалансированности) системы, сохраняющем постоянство внутреннего состояния посредством саморегуляции. Система воспроизводит себя, восстанавливая утраченное равновесие. Поэтому говорят, что системам присущ *аутопоэзис* (др.-греч. αὐτός – сам, ποιήσις – сотворение, производство) – рекурсивная регенерация ее элементов.

Ансамбль элементов, конституирующий систему, имеет различные уровни (степени) организованности. *Конгломерат* (от лат. *conglomeratus* –

скупенный, уплотнённый) – скопление чего-либо разнородного¹. В конгломерате неоднородные ингредиенты вследствие различного темпа движения сортируются на фракции, в результате чего происходит либо расслоение системы, либо агрегирование ингредиентов (от лат. *aggrego* – присоединяю), т.е. слипание в *агрегаты*². Элементы агрегата взаимозависимы и не свободны в своих движениях, так как могут их выполнять только скоординированно. Реструктуризация агрегата трансформирует его в *кластер* (англ. *cluster* – кисть, пучок, гроздь, куст), в котором элементы скоррелированы, дополняют и усиливают действие друг друга, иерархически упорядочены³.

Консолидация системы повышает ее устойчивость, а централизация, образование иерархии конституирует внутреннее основание ее развития. Если первичные системы типа конгломерата образуются как случайные скопления, обусловленные внешними факторами, то вторичные системы развиваются на собственном основании посредством системного отбора и достраивания утраченных компонентов в формате системы. По-видимому, о системах такого типа французский философ-сенсуалист эпохи Просвещения Этьенн Бонно де Кондильяк (1715–1780) писал: «Всякая система есть не что иное, как расположение различных частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми» («Трактат о системах»)

Зрелая система характеризуется идентичностью, выделяющей ее из среды, и конституируется базовым взаимодействием, усложнение и развитие которого формирует иерархию системообразующих отношений. Так, определяя в «Политике» государство как общение граждан, Аристотель прослеживал многоуровневую иерархию форм общения. Первичным системным образованием он считал семью. Общение семей образует селение, общение селе-

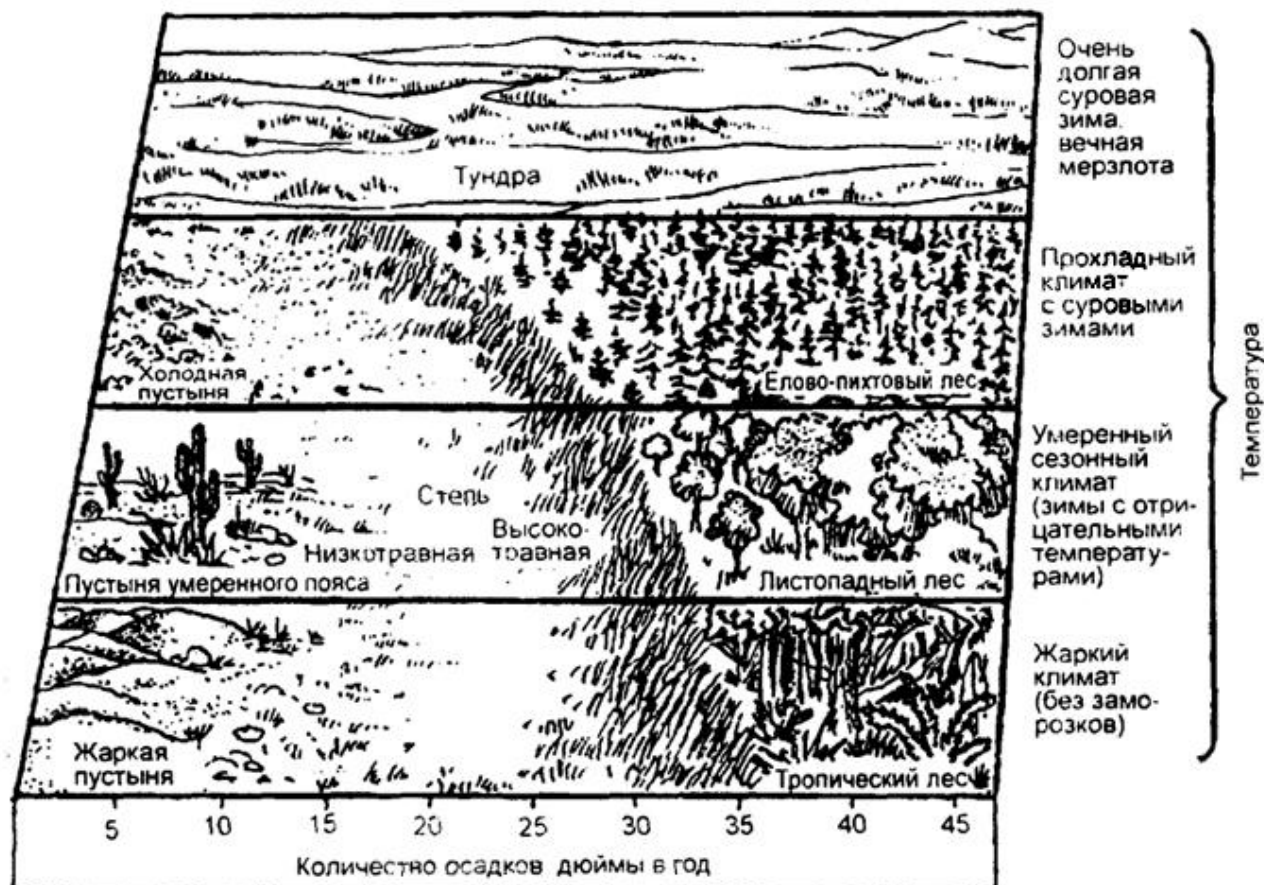
¹ Конгломерат в систематизации нормативно-правовых актов – *инкорпорация*, т.е. составление собрания (например: «Полное собрание законов Российской империи»).

² Агрегирование в систематизации нормативно-правовых актов осуществляется в виде *предметной инкорпорации*.

³ Данный этап систематизации нормативно-правовых актов называется *консолидацией*.

ний – государство. Но семьи (и селения) представлены в государстве не всеми своими членами, а только гражданами – свободнорожденными мужчинами, имеющие досуг. Семья образована по типу кластера, в котором дифференцированы формы общения между людьми и домашним скотом, свободными и рабами, родителями и детьми, мужчинами и женщинами. Исходным и определяющим является асимметричное различие формального (разумного) и материального начал, которое воспроизводится на различных уровнях общения в государстве.

Аристотелевская модель государства иллюстрирует действие *системно-периодического закона* – периодическое повторение свойств в пределах отдельных иерархических уровней системы. Частным случаем этого закона

является *периодический закон географической зональности*.

Системно-генетический закон описывает воспроизводство системы. Согласно данному закону, онтогенез системы является коротким и быстрым повторением (рекапитуляцией) важнейших этапов ее филогенеза. Система в

индивидуальном развитии в сокращенной форме повторяет эволюционный путь развития..

Частным случаем системно-генетического закона является *биогенетический закон* (Э. Геккеля – Ф. Мюллера), по которому каждая особь на ранних стадиях онтогенеза повторяет некоторые основные черты строения своих предков, т.е. онтогенез (индивидуальное развитие) есть краткое и сжатое повторение филогенеза (эволюционного развития своего вида). В минералогии российский геолог Д.В. Рундквист сформулировал аналогичный *геогенетический закон*: минералогические процессы в короткие интервалы времени как бы повторяют (в измененном виде, со своими «акцентами») общую историю геологического развития. Соответственно становление правовых систем в сжатом виде повторяет правовую эволюцию человечества.

Описание системы совершается в следующем порядке:

1. Демаркация системы. Отграничение ее от окружающей среды через маркеры движения, его порядка и указанием на характерные взаимодействующие элементы.
2. Идентификация системы. Идентичность системы определяется ее спецификацией, отождествлением и различением в генетическом ряду.
3. Обнаружение протосистемы – генетически первичного, простейшего состояния системы.
4. Прослеживание генезиса системы путем дифференциации исходного взаимодействия, его усложнения и формирования надстроечных структур, подчиняющих себе исходное взаимодействие как опосредствующий момент.
5. Поиск недостающих элементов системы и обеспечение полноты ее выделения с учетом связей координации и субординации.
6. Выделение изоморфа системы (абстрактной модели ее элемента, структурной клеточки). Приведение к стандартному виду описания элементов системы на всех ее структурных уровнях.

II. ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

6. Феноменология

Понятие феноменологии. – Сущность и явление. – Закон достаточного основания. – Учение о вещи-в-себе. – «Феноменология духа» Гегеля. – Учение о горизонте. – Перспективизм. – Интерсубъективность.

6.1. Понятие феноменологии

Любое сознание есть сознание о чем-либо. *Феноменология* – учение о феноменах, первичных данностях опыта. *Феномен* (от др.-греч. φαίνω – показывать, являть, доносить) – являющее себя или, как определяет немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976), «само-по-себе-себя-показывающее». Феномену сопутствуют *эпифеномены* (др.-греч. ἐπί – «при, после, возле»).

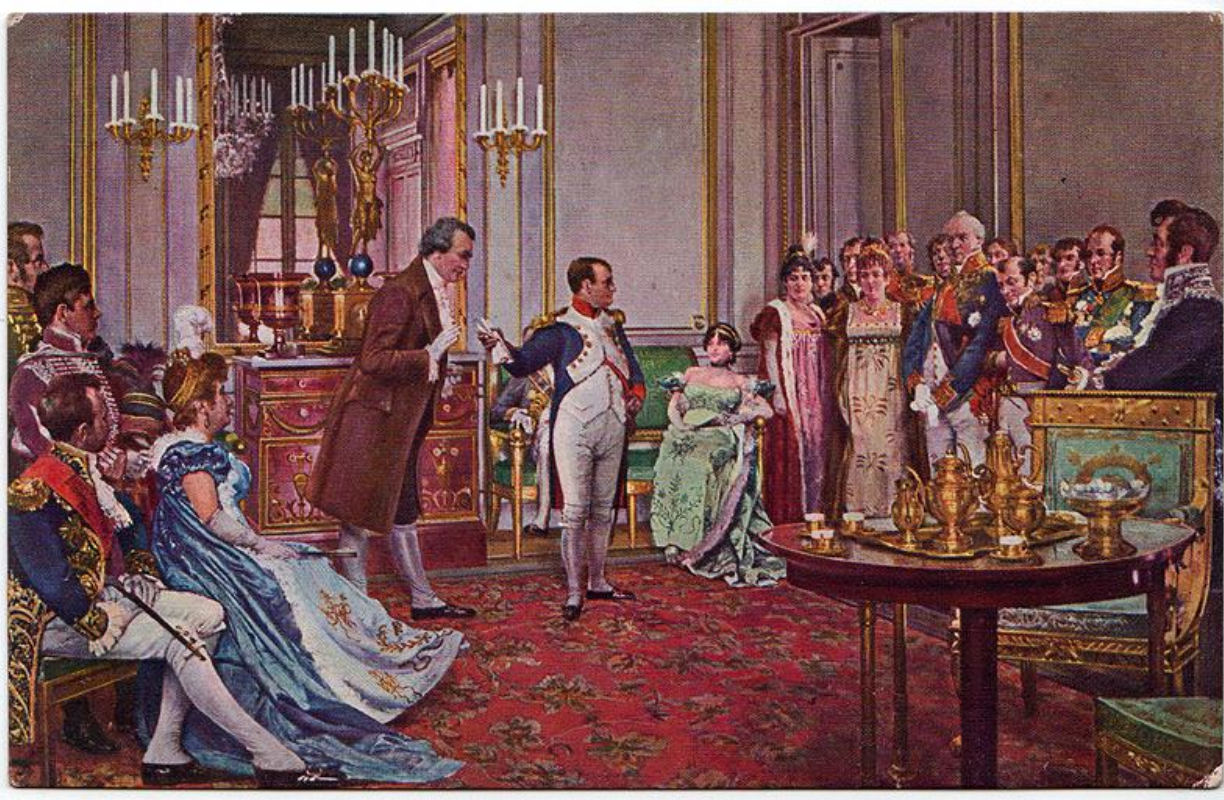
Феноменология фиксирует явления в их данности и потенциальной обусловленности. Так, проявления преступности изучает уголовная феноменология.

В феноменологии дается первичное описание феноменов, устанавливаются феноменологические закономерности, связывающие наблюдаемые параметры и предлагаются феноменологические теории, предсказывающие поведение явлений. Феноменологический опыт незавершен, открыт и готов к возможности того, что феномен все же не существует.

При столкновении с необычными явлениями возникала потребность «спасти явления», т.е. согласовать феноменологическую теорию с данными наблюдений. Так, Ф. Бэкон писал: «Некоторые из прелатов на Тридентском соборе, где учение схоластиков имело большое влияние, не без основания говорили, что схоластики подобны астрономам, которые выдумали эксцентрики и эпициклы и тому подобные механизмы небесной сферы, чтобы спасти явления, хотя они знали, что таких вещей не существует; так и схоластики изобрели целый ряд хитроумных и запутанных аксиом и теорем, чтобы спа-

сти практику церкви» («Опыты, или Наставления нравственные и политические», 1597).

Немецкий мыслитель Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832) выдвинул учение о *прафеномене* – архетипическом, первичном и простейшем феномене, в котором наглядно проявляется действие закона. В области физики цвета прафеноменом он считал «сумрачность» – соприкосновение света и тьмы, «прарастением» он считал лист, «прапородой» – гранит. Уникальный прафеномен он видел в магните.

О. Рекс. Наполеон, представляющий Гёте своей свите со словами: «Вот человек!». Наполеон встретился с Гете во время Эрфуртского конгресса (3 октября 1808 г.) и наградил его орденом Почетного легиона.

В рамках феноменологического движения, возникшего в Германии в начале XX века, была выдвинута идея о *конституировании* феноменов. Согласно Эдмунду Гуссерлю¹ (1859–1938) феноменолог исходит из многообразия способов данности предмета. Акцент перенесен с «что?» предмета, на его

¹ Наиболее доступное изложение см.: Прехтль П. Введение в феноменологию Э. Гуссерля. Томск, 1999.

«как?». Конституция феномена включает: а) его языковую номинацию; б) сопутствующую эмотивность; в) оценку феномена; г) ситуационный смысл переживания, связанного с феноменом; д) полагаемый через значение сам феномен. Очевидно, что можно выделить и другие слои конституции феномена.

Феноменологический опыт определяется *интенцией* – намерением¹. По словам французского мыслителя Жан-Поля Сартра (1906–1980), в зависимости от обуревающих нас страстей и желаний «сами вещи внезапно открываются нам как ненавистные, привлекательные, ужасные и приятные» («Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность», 1939).

Предметы интендируются вариабельно. И Наполеон может мыслиться как победитель при Йене или как побежденный при Ватерлоо. Методом *свободной вариации в фантазии* характеристик предмета можно выделить спектр его проявлений – интенциональное поле, в котором предмет остается собой, хотя может меняться до неузнаваемости.

Актуальные интенции определяются ретенциями и протенциями. *Ретенция* (лат. *retentio* – удерживание) – первичная память, удерживаемая в настоящем. Это мгновенное сознание истекшего, всего континуального ряда моментов, которые удаляются в прошлое как хвост кометы, теряя ясность и отчетливость. *Протенция* (лат. *protentio* – предвосхищение) – первичное ожидание, предвосхищение будущего в настоящем. Если в ретенциальном сознании возможно проследить путь от настоящего к прошедшему, то осуществление протенций ведет от прошлого к образуемому настоящему.

Прием *парадоксальной интенции* используется в психотерапии фобий. Австрийский психотерапевт и философ Виктор Франкл (1905–1977) заметил, что если человек очень боится что-то сделать, то ему следует попробовать как раз это и сделать, хотя бы символически или юмористически (принцип

¹ В римском праве термин «интенция» означал обвинение, преследование. Интенция («притязание») была важнейшей частью преторской формулы. В схоластике обсуждалась проблема наказуемости небесным и земным судом интенции (умысла) греховного поступка. В современном уголовном праве умысел (*англ. intention*) понимается как заранее обдуманное намерение. Говорят также о законодательной интенции как намерении законодателя.

«сделай наоборот»). Чтобы избавиться от бессонницы, нужно поставить себе цель бодрствовать всю ночь. Так человек устанавливает контроль над интенциями. Аналогично можно применять приемы парадоксальной ретенции и протенции.

На основании предварительно составленных словарей интенций (обвинение – оправдание, дискредитация – доверие и пр.) лингвopsихологи проводят *интент-анализ* политического, рекламного, педагогического, психотерапевтического и других дискурсов, выявляя латентную направленность манифестаций.

2. Сущность и явление

Если феномен – являющее себя, то *явление* – опосредованное сущее. Первоначально сущее воспринимается непосредственно. Но в развитии, будучи процессом и пройдя определенный путь, оно становится опосредованным и существующим на собственном основании. *Сущность* – основа (основание) явления. А феномен есть единство явления и его сущности.

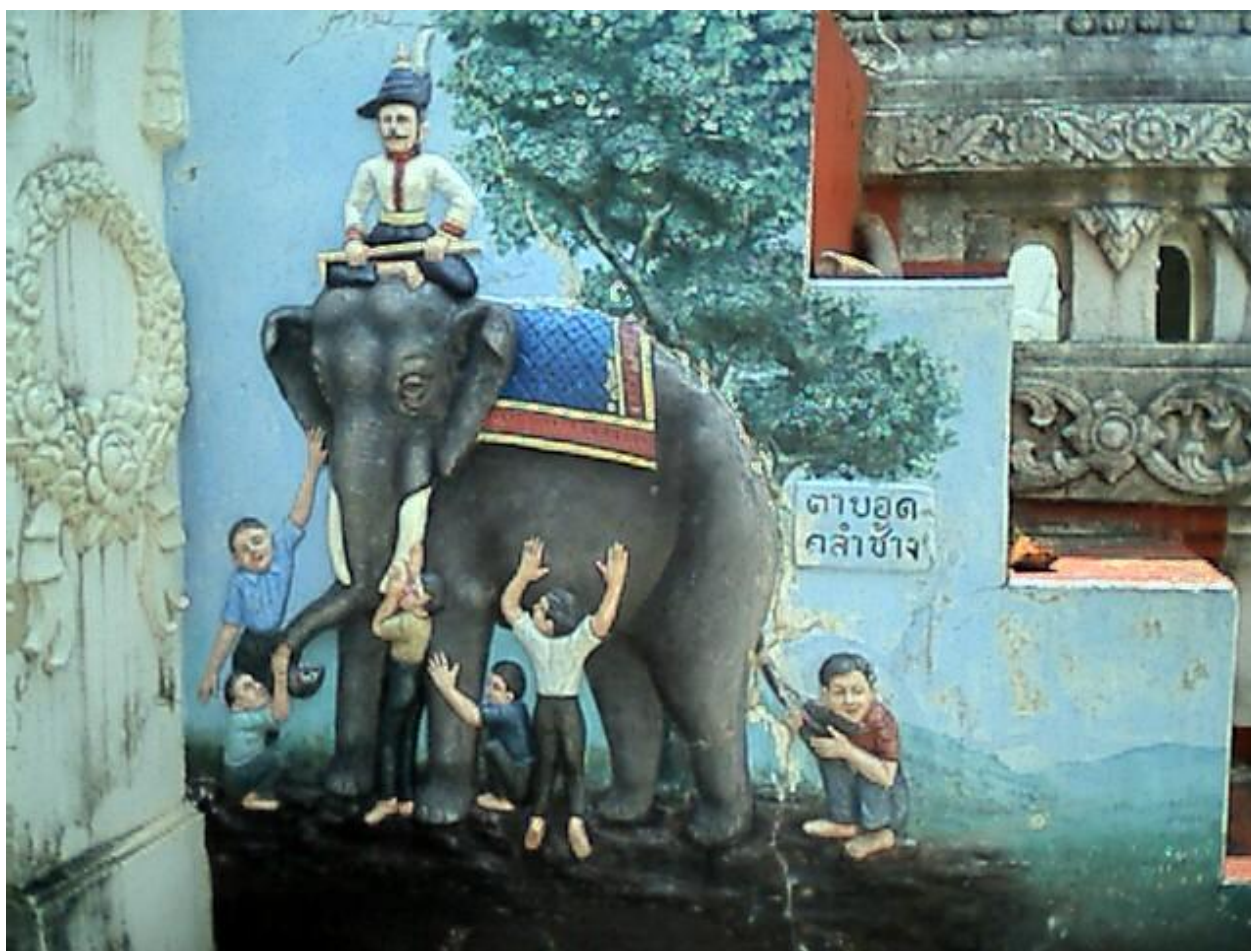
Эссенциализм – представление о сущностях, лежащих в основе и даже трансцендентным явлениям. Для пифагорейцев и платоников феноменальный мир есть лишь явление ноуменального (мыслимого) мира идей.

Эссенциализм вызывает определенный скепсис. *Феноменализм* утверждает, что любые сущности сомнительны, а феномены – единственная реальность. Так, в феминизме подвергается критике представление об априорной и неизменной «женской сущности» как жестко закрепляющее и ограничивающее способы женщины быть.

Таким образом, явление – сущность в ее существовании. Сущность и явление существуют в единстве: явление – существенно, а сущность проявляется, порождает все новые и новые явления.

Для феноменологии наиболее важным Э. Гуссерль считал *сущностной закон*: «Существование вещи не требуется данностью с необходимостью, –

оно в известном отношении всегда случайно. Этим подразумевается следующее: всегда может быть так, что дальнейшее протекание опыта вынудит отказаться от того, что было положено по праву опыта. Тогда приходится задним числом говорить: это была только иллюзия, галлюцинация, связный сон, и только. Затем сюда привходит еще и то, что в таком кругу данностей в качестве постоянно открытой возможности имеется еще и такое – изменчивость постигнутости, обращение явления в иное, какое не совместить единогласно с первым, а вместе с тем и влияние, какое оказывают позднейшие опытные полагания на более ранние, в силу чего интенциональные предметы этих более поздних полаганий задним числом так сказать перестраиваются – вот сплошь происшествия, какие сущностно исключены в сфере переживания».

Явление обычно фиксируется в частных проявлениях. В известной индийской басне (в пер. С. Маршака «Ученый спор») говорилось:

Слепцы, числом их было пять,
В Бомбей явились изучать
Индийского слона.

Исследовав слоновий бок,
Один сказал, что слон высок
И прочен, как стена.

Другой по хоботу слона
Провел рукой своей
И заявил, что слон – одна
Из безопасных змей.

Ощупал третий два клыка,
И утверждает он:
– На два отточенных штыка
Похож индийский слон!

Слепец четвертый, почесав
Колено у слона,
Установил, что слон шершав,
Как старая сосна.

А пятый, подойдя к слону
Со стороны хвоста,
Определил, что слон в длину
Не больше чем глиста.

Возникли распри у слепцов
И длились целый год.
Потом слепцы в конце концов
Пустили руки в ход.

А так как пятый был силен, -
Он всем зажал уста.
И состоит отныне слон
Из одного хвоста!

Манифестация – это явное, характерное проявление сущности. *Симптом* (от др.-греч. σύμπτωμα – случай, совпадение, признак) – проявление, которое значимо в сосуществовании с другими проявлениями. Симптомы часто появляются вместе – в *симптомокомплексе*, так что наличие одного симптома позволяет предполагать присутствие остальных. *Синдром* (др.-греч. σύνδρομή – стечение, скопление) – совокупность распознаваемых симптомов с общим генезом. Например, при *стокгольмском синдроме* жертва при длительном общении может симпатизировать насильнику (палачу, террористу, похитителю, деспотичному руководителю и др.) Поведенческими признаками синдрома являются сочувствие насильнику, добровольное стремление жертв им содействовать, противодействие освобождению. В основе стокгольмского синдрома находится механизм психологической защиты, получивший название «идентификация с агрессором». Слабый, демонстрируя послушание, присоединяется к сильному, рассчитывая на его снисхождение.

Оккам со студентом

ально бесконечна. Поэтому выдвигалось требование ограничить познание сущностей («бритва Оккама»). Из двух высказываний английского философа Уильяма Оккама (1285–1349): «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего» и «Без необходимости не следует утверждать многое», – современниками был выведен принцип: «Сущности не следует умножать без необходимости». Следуя этому принципу, предпочитали наиболее простые объяснения.

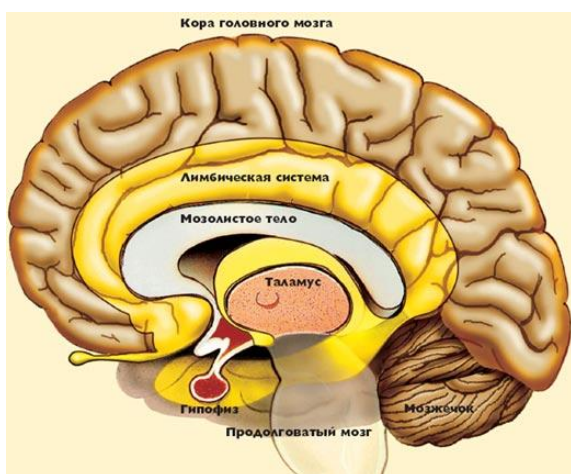
6.3. Закон достаточного основания

Фундаментализм утверждает оснований у всего сущего. Гегель рассуждал: «Поскольку всякое непосредственное наличное бытие рассматривается как всего лишь положенное, то от него обращаются к сущности или же к основанию. Наличное бытие является здесь чем-то первым, тем, из чего исходят. Но, обращаясь к основанию, собственно говоря, отказываются от первичности наличного бытия и признают первым и существенным основание» («Философская пропедевтика», 1811).

Характеризуя развитие человеческого познания, основатель советского государства В.И. Ленин в «Философских тетрадах» писал «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца» («Философские тетради», 1914–1915).

Лестница сущностей потенци-

В философии формулируется *закон достаточного основания*. Еще Демокрит утверждал, что «ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости». Гегель писал: «Закон основания гласит: “Все имеет свое достаточное основание”, т. е. истинная сущность нечто не состоит ни в определении нечто как тождественного с собой, ни в его определении как различного, ни в его определении как только положительного или только отрицательного, а состоит в том, что нечто имеет свое бытие в некоем другом, которое как его тождественное-с-

собой есть его сущность. Последняя есть также не абстрактная рефлексия *в самое себя*, а рефлексия *в другое*. Основание есть в самой себе сущая сущность, сущность есть существенным образом основание, и она есть основание лишь постольку, поскольку она есть основание нечто, основание некоего дру-

гого» («Энциклопедия философских наук»).

Процесс становления сущего проходит ряд этапов и вовлекает в себя множество предпосылок, снятых в явлении. Поэтому говорят о многоосновности сущего и смене оснований в развитии.

Отношение основания и обоснованного описывается отношение базиса и надстройки¹, в котором: а) базис генетически первичен; б) базис функционально определяет надстройку как собственное, относительно обособившееся опосредование; в) надстроечный процесс автономен, так как имеет собственные внутренние опосредования, определяющие его развитие; г) надстройка активна и оказывает обратное действие на базисный процесс, ускоряя или сдерживая его динамику. Генетически поздняя структура может стать ведущей и функционально определяющей. Тогда она подчиняет и сохраняет в се-

¹ Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 57–58.

бе базисный процесс, который функционирует в том режиме, какой необходим для ведущей структуры. Но базис остается необходимой предпосылкой надстройки и определяет ее исходные возможности.

Так, позитивное право первоначально развивается в форме обычного права. Затем в позитивном праве преобладающее влияние получает законодательство, которое легализует обычное право, в том числе в форме юридического обычая. Но обычное право сохраняет де-факто базисное значение, например, в отрасли семейного права.

6.4. Учение о вещи в себе

Вещь в себе (нем. Ding an sich selbst – вещь к себе) – категория философии Канта, означающая вещи, как они существуют сами по себе (или «в себе»), в отличие от того, какими они являются «для нас».

По утверждению Локка философия природы есть «познание начал, свойств и действий вещей, каковы они сами по себе» («Мысли о воспитании», 1690). Этому положению Беркли противопоставил отрицание «объектов в себе (objects in themselves) или вне ума» («Трактат о принципах человеческого знания», 1710). Юм полагал, что существует «какое-то неизвестное, необходимое нечто в качестве причины наших восприятий» («Исследование о человеческом познании», 1748).

Кант счел необходимым решить вопрос о независимом существовании мира вещей в себе: «Нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас (от которых мы ведь получаем весь материал знания даже для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-то вздумал подвергнуть его сомнению» («Критика чистого разума», 1787).

Кант полагал, что каковы вещи сами по себе, мы не знаем, а знаем только их явления. Допуская явления, мы необходимо признаем и то, что является. Явление не существует без того, что является, и эта вещь сама по себе может мыслиться. Как нечто гипотетическое вещь в себе является только *ноуменом* (νοούμενον – мысленное, умопостигаемое).

Одной из трудностей учения о вещи в себе является вопрос о том, как могла возникнуть идея ее о существовании, если они нам не дана. Эта идея возникает как интеллектуальное требование, основанное на внутреннем чувстве. Сам человек есть и явление и вещь в себе.

Природа – это мир явлений. Но человек чувствует, что есть нечто, что должно быть – свобода, бессмертие, бог и др., – существование чего не доказуемо. Так, бог есть непознаваемая «вещь в себе». Ни доказательство, ни опровержение его существования невозможны.

Высказываясь в отношении обсуждения проблемы вещи в себе Энгельс писал: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой “вещи в себе” приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались такими “вещи в себе”, пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым “вещь в себе” превращалась в вещь для нас, как например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дёгтя. Солнечная система Коперника в течение трёхсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но всё-таки гипотезой. Когда же Лавуазье на основании данных этой

системы не только доказал, что должна существовать ещё одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашёл эту планету, система Коперника была доказана» («Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»).

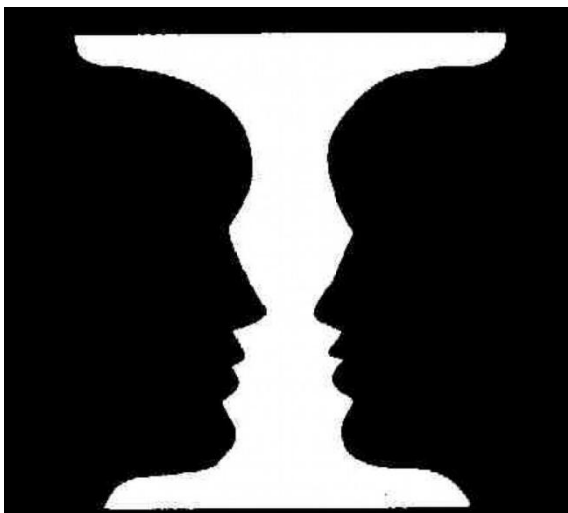
В принципе возможность такой ситуации оговаривал Кант «Итак, предметы опыта никогда не даны сами по себе: они даны только в опыте и помимо него вовсе не существуют, – писал он. – Что могут быть жители на Луне, хотя ни один человек никогда не видел их, без сомнения, можно допустить, но это означает лишь, что в возможном продвижении опыта мы могли бы натолкнуться на них; ибо действительно все то, что находится в контексте с восприятием по законам эмпирического продвижения. Следовательно, жители Луны действительны в том случае, если они находятся в эмпирической связи с моим действительным сознанием, хотя они от этого не становятся еще действительными сами по себе, т.е. вне этого эмпирического продвижения» («Критика чистого разума»).

Вещи в себе Кант понимал как вещи, существующие *на самом деле*. Видимо, от дела и только от дела зависит обнаружение того, что аффицирует (от лат. *afficere* – наделять, возбуждать, влиять) явления. Вещь не существует вне дела, а только – в деле, и, следовательно, это вещь не в-себе, а от нас и к нам.

6.5. «Феноменология духа» Гегеля

«Феноменология духа» (1807) – первая из крупных работ Гегеля. Феноменология духа понимается как «наука об опыте сознания» или как «наука о являющемся знании».

Мир являет себя человеку, который постепенно и последовательно

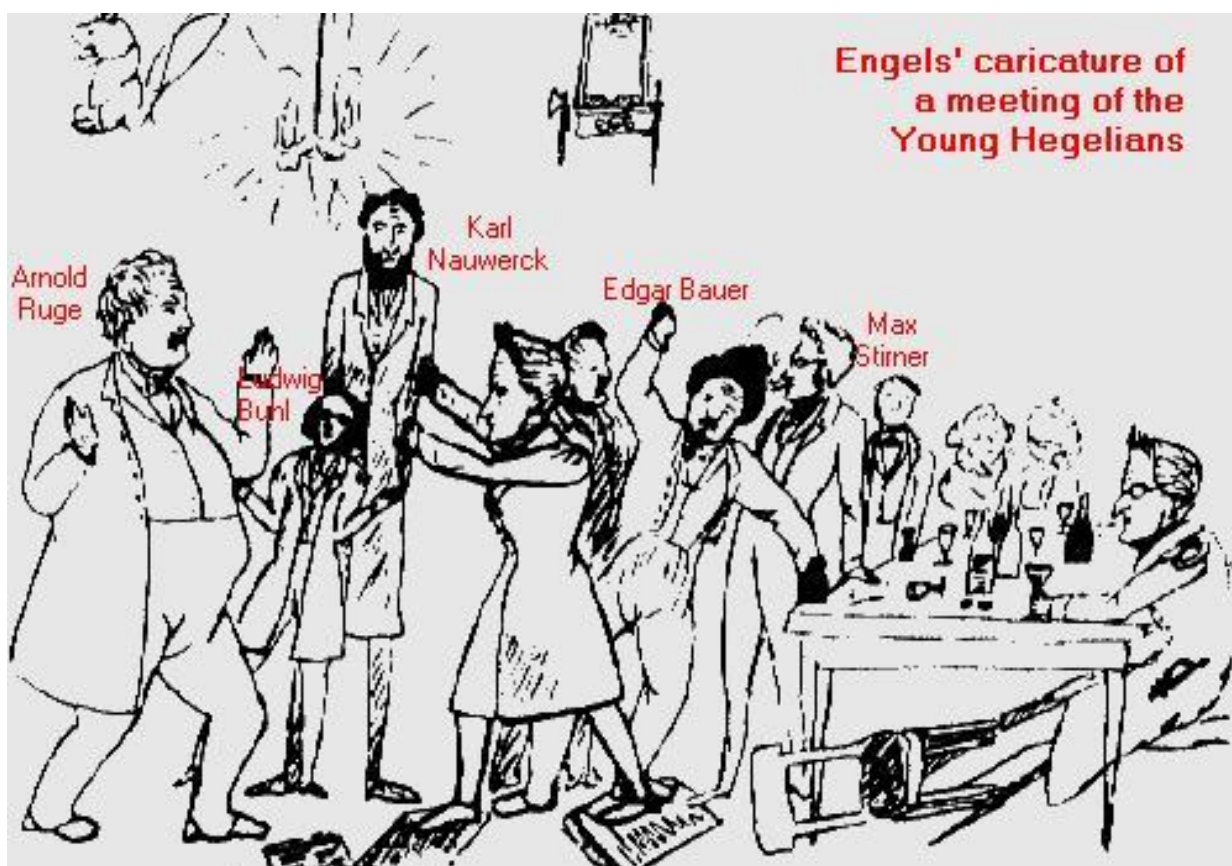
принимает и воспринимает его в различных формах-гештальтах. Процессуальность восприятия являющегося означает и процессуальность познания. Поэтому выявление явления стадияльно, а его описание может быть репрезентировано как изображение являющегося знания. Встречаясь с явлением, человек яв-

ляется самому себе и этому явлению. Феноменология духа изображает, как человек посредством самого себя и явления является самому себе.

В феноменологическом опыте явление гештальтируется, т.е. воплощается в образах. Последовательность гештальтов запечатлена Гегелем в рубриках «Феноменологии духа»:

(А) Сознание: I. Чувственная достоверность или «это» и мнение. II. Восприятие или вещь и иллюзия. III. Сила и рассудок, явление и сверхчувственный мир. (В) Самосознание: IV. Истина достоверности себя самого: А. Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; господство и рабство В. Свобода самосознания; стоицизм, скептицизм и несчастное сознание. С. [Абсолютный субъект]: V. Достоверность и истина разума: А. Наблюдающий разум: а) Наблюдение природы. Описание вообще; При- знаки; Законы. Наблюдение органического а) Отношение его к неорганиче- скому; в) Наблюдение самосознания в его чистоте и в его отношении к внешней действительности; логические и психологические законы; с) Наблюдение самосознания в его отношении к своей непосредственной действительности; физиогномика и френология. В. Претворение разумного самосознания в действительность им самим: а) Удовольствие и необходи- мость; в) Закон сердца и безумие самомнения; с) Добродетель и общий ход вещей. С. Индивидуальность, которая видит себя реальной в себе самой и для себя самой: а) Духовное животное царство и обман или сама суть дела; в) Ра-

зум, предписывающий законы; с) Разум, проверяющий законы. VI. Дух:
 А. Истинный дух, нравственность: а) Нравственный мир, человеческий и божественный закон, мужчина и женщина; в) Нравственное действие, человеческое и божественное знание, вина и судьба; с) Правовое состояние. В. Отчужденный от себя дух; Образованность: I. Мир отчужденного от себя духа: а) Образованность и ее царство действительности; в) Вера и чистое здравомыслие. II. Просвещение: а) Борьба просвещения с суеверием; в) Истина просвещения. III. Абсолютная свобода и ужас С. Дух, обладающий достоверностью себя самого. Моральность: а) Моральное мировоззрение; в) Перестановка; с) Совесть, прекрасная душа, зло и его прощение. VII. Религия:
 А. Естественная религия: а) Светлое существо. в) Растение и животное.

с) Мастер. В. Художественная религия: а) Абстрактное произведение искусства в) Живое произведение искусства с) Духовное произведение искусства. С. Религия откровения. VIII. Абсолютное знание».

Дух проходит все указанные ступени: а) при первой встрече с явлением, б) в истории человечества, в) в духовном развитии индивида. Как бы ни

был опытен и развит индивид, первоначально его дух определяется с чувственной достоверностью явления и самого себя. Завершается феноменологический опыт обзором пройденного пути и пониманием того, что в явлении дух являет себя через само явление и через человека, представляющего его.

Глубина гештальтирования, мощностъ множества гештальтов, в которых последовательно воспроизводится явление, определяется предысторией духа, образованностью и опытом индивидуума. Из пройденного пути черпаются способы фиксации явления. Так, Гегель писал: «Царство духов, образовавшееся таким образом в наличном бытии, составляет последовательный ряд, в котором один дух сменялся другим и каждый перенимал царство мира от предыдущего. Цель последовательного ряда – откровение глубины, а последнее есть *абсолютное понятие*; это откровение есть, следовательно, снятие глубины понятия или его *протяжение*, негативность этого внутри себя сущего “я”, которая есть его отрешение или субстанция, – и его *время*, что это отрешение в самом себе есть отрешение от себя и есть для самости как в своем протяжении, так и в своей глубине. *Цель*, абсолютное знание, или дух, знающий себя в качестве духа, должен пройти путь воспоминания о духах, как они существуют в нем самом и как они осуществляют организацию своего царства. Сохранение их в памяти, если рассматривать со стороны их свободного наличного бытия, являющегося в форме случайности, есть история, со стороны же их организации, постигнутой в понятии, – *наука о являющемся знании*; обе стороны вместе – история, постигнутая в понятии, – и составляют воспоминание абсолютного духа и его Голгофу, действительность, истину и достоверность его престола, без которого он был бы безжизненным и одиноким; лишь –

Из чаши этого царства духов
Пенится для него его бесконечность».

6.6. Учение о горизонте

Когда феномен выделяется в поле зрения, то возникает диспозиция между феноменом, его окружением и той точкой зрения, с которой они охватываются.

По определению Канта, данному в «Критике чистого разума», «всякое понятие можно рассматривать как точку, которая, как точка зрения наблюдателя, имеет свой горизонт, т.е. определенное множество вещей, которые можно представить и как бы обозреть из этой точки». Кроме того, с точки зрения данного понятия открываются другие коррелятивные понятия – родовые и видовые – каждое из которых имеет свой собственный горизонт.

Понятие *горизонта* выражает ограниченность восприятия. Лейбниц писал, что «в поле науки всякий разум имеет горизонт, ограниченный своими настоящими, но не будущими, способностями». Немецкий философ XVIII века Александр Баумгартен (1714–1762) определял горизонт как «конечное число предметов из бесконечного универсума вещей, которые доступны познанию среднего человеческого ума» («Эстетика»), различая при этом философский и эстетический горизонты. Кант определяет горизонт знаний как со-размерность величины совокупности знаний со способностями и целями субъекта. Горизонт касается оценки и определения того, что «человек вообще *может* знать, что ему *дано* знать и что он *должен* знать». Каждый класс, «сообразно специфике своих познавательных возможностей, целей и точек зрения, имеет свой особый горизонт; а каждый ум, соответственно своим индивидуальным способностям и точке зрения – свой собственный горизонт» («Логика»).

Горизонт классового сознания определяется по значимым для него пределам восприятия. О горизонте буржуазного сознания В.И. Ленин писал: «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: “каждый по способностям, каждому по потребностям”, т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и

когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям. “Узкий горизонт буржуазного права”, заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, – этот узкий горизонт будет тогда перейден» («Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции», 1917). В.И. Ленин полагал, что буржуазная ограниченность сознания может сохраняться у трудящихся и при социализме.

В учении Гуссерля горизонт – это потенциальность восприятий феномена в его актуальности и с полнотой возможных свойств, симптомов и предзнаменований. *Внутренним горизонтом* включает скрытые моменты содержания феномена. *Внешний горизонт* феномена со-

ставляет окружающая его действительность. Наряду с феноменом всегда есть *со-полагаемое*, с точки зрения которого открывается *коррелятивный горизонт*.

Горизонтность выражает явленность универсума в опыте конечного и в то же время открытого бытия. Мышление связано своей локализацией, но кинезис, подвижность ведет к смещению горизонтов и действию закона постепенного расширения поля зрения. Основатель философской герменевтики немецкий философ Ганс-Георг Гадамер (1900–2002) замечал: «Горизонт – поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта. В применении к мыслящему сознанию мы говорим, далее, об узости горизонта, о возможности расширения горизонта, об открытии новых горизонтов и т. д.» («Истина и метод», 1960).

Учет горизонтов деятельности позволяет избежать субъективизма. «Соотношения значимости, определяющие структуру мира, суть поэтому не сетка форм, набрасываемая безмирным субъектом на некий материал. Скорее фактическое присутствие, экстатично понимая себя и свой мир в единстве вот, возвращается из этих горизонтов к встречающему в них сущему», – пояснял Хайдеггер в труде «Бытие и время» (1927).

Край ойкумены очерчивает окружность мира субъекта деятельности, ограничивает и возвращает его устремленность в себя, превращая его в данного миру субъекта. Такого рода горизонтная интенциональность лежит в основании всех областей мышления. Французский экзистенциалист Морис Мерло-Понти (1908–1961) подчеркивал: «Мыслить, не значит обладать объектами мысли, это значит: очерчивать ими область мысли, которую мы еще не мыслим». Обрести горизонт – видеть дальше, за пределы близкого и ближайшего, – не затем, чтобы потерять его из виду, но затем, чтобы в рамках более значительного целого и в более верных пропорциях видеть его лучше.

6.7. Перспективизм

Перспективизм (от лат. *perspectiva* – искусство видеть находящееся впереди), суф. производного от *perspicere* «видеть насквозь, проникать взором») – учение о зависимости восприятия явления от личной позиции, нахождения «здесь и теперь».

Лейбниц приводил следующую аналогию: подобно тому как один и тот же город, наблюдаемый с разных сторон, предстает перед нами перспективно очень разным, так и в силу наличия бесконечного множества монад, каждая из которых видит мир в своей перспективе, имеется столь же много различных миров, которые являются, однако, не чем иным, как перспективно разными представлениями об одном-единственном мире. В монадологии Лейбница мир предстает в качестве театральной картины, мирового театра (*theatrum mundi*).

Точка зрения – место, где находится наблюдатель и от которого зависит видимая им перспектива. Каждое тело есть некая, возможно, еще не проявленная точка зрения на мир. Точка зрения предсуществует, следовательно, весь мир – это совокупность точек зрения¹.

Сад камней Рёандзи: с любой точки зрения можно видеть только 14 камней из 15.

Если в наличии одна перспектива, то рядом с ней и в ней самой существуют множество других перспектив, т. е. потенциальных точек зрения. Каждая перспектива включает в себе и другие. Например: разумению чего-либо сопутствуют подразумевание, соподразумевание и предподразумевание.

Перспективность обусловлена интенциональностью, самой направленностью на что-то. Согласно перспективе организуются явления, которые приобретают определенную конфигурацию. Экспликатами направленности видения являются: поле зрения, угол зрения и фокус внимания, определяющие соответственно этапы перспективирования: тематизацию, аспектуализацию и акцентуализацию.

Поле зрения – все наблюдаемое с определенной точки зрения. Выделение и фиксация феномена позволяет определить *тему*, т.е. *тематизировать*

¹ Яркий пример описания феномена любви с различных точек зрения – «Пир» Платона.

мир через данный феномен. В поле зрения дифференцируются *тематический объект* внимания (фигура) и *перцептивный фон*. При переключении внимания тематический объект становится элементом фона, а элемент фона, на котором фокусируется внимание становится тематическим. В рамках тематизации осуществляется разработка темы путем ее вариации и выделения контрапункта

Угол зрения зависит от дистанции, в зависимости от которой более или менее детально осуществляется *аспектуализация*, т. е. выделение аспектов. Аспект (от лат. *aspectus* – вид, облик) – одна из сторон рассматриваемого феномена, то, как он видится с определённой точки зрения. При аспектуализации фиксируются признаки явления в его своеобразии. Эти признаки подразделяются на первостепенные и второстепенные, основные и факультативные, главные и вспомогательные и т.п.

Х. Ортега-и-Гассет в курсе лекций «Что такое философия?» (1929) описывал аспектуализацию на примере осмотра апельсина: «Апельсин провоцировал нас на то, чтобы мы осмотрели его со всех сторон, накладывая при этом один на другой различные аспекты его шарообразного тела. ... На каждом этапе образ апельсина оказывается иным, хотя и стыкующимся с тем, который был только что и уже исчез. Таким образом, мы никогда не видим апельсин целиком и вынуждены удовлетвориться его последовательными образами. В данном примере сам предмет требует, чтобы его увидели целиком, и заставляет нас буквально крутиться вокруг него. ... Если бы мы были вездесущи и могли видеть апельсин со всех точек сразу, то он уже не представлял бы перед нами в иных аспектах. Мы бы видели его сразу целиком». И далее он обобщает: «Всякая вещь предстает перед нами сначала в некоем первом аспекте, который ведет нас ко второму, тот к следующему и т. д. ... Не отбрасывали уже виденные аспекты, а сохраняли их, постоянно держали их в уме; интегрировали их в достаточно «полный» образ в соответствии с темой, которая нас занимала».

Поле зрения неоднородно. В нем осуществляется *акцентуализация*, т.е. расставляются *акценты* путем дифференциации *фокуса* (центр) *внимания* и его *периферии*. *Фокализация* обеспечивает отчетливость видения путем выделения различных его планов: центр – периферия, дальний – близкий, фигура – фон и т. п.

В живописи существует несколько систем перспективы (прямая и обратная, линейная и сферическая и пр.), каждая из которых содержит свои неизбежные ошибки изображения. Действует *закон сохранения искажений*: суммарная ошибка при передаче изображения для любой системы перспективы оказывается практически одной и той же. На основании данного закона ошибки намеренно вводят в изображение.

6.8. Интерсубъективность

Иногда недоумевают: «Неужели ты не понимаешь таких простых вещей!». Но удивительно то, что нас все-таки могут понимать. У каждого свой жизненный путь, с какого он видит реальность, а потому каждому вещи являются по-разному. Парадоксально, как раз благодаря этому мы можем одинаково видеть предметы. Когда мы смотрим на апельсин, то видим его только с одной стороны, а вторую сторону достраиваем, мысленно занимая другую точку зрения. Поэтому восприятие с необходимостью интерсубъективно.

Интерсубъективность – сопринадлежность субъектов, возникающая посредством взаимо(со)отнесенности и ведущая к общности. Интерсубъективность проявляется в самоидентификациях: «Я – женщина», «Я – военный» и др. Самоидентификация требует соотнесения с другими и противопоставления им, и среди малознакомых людей может вызывать серьезные затруднения при выборе идентифицирующего признака.

Убеждение в возможности отождествления с другими обосновывалось принадлежностью к носителям всеобщего разума. Подобие внешних реакций позволяло по аналогии предполагать внутреннее тождество: мы узнаем себя в

другом и другого – в себе. Указывалось на вчувствование – возможность поставить себя в воображении на место другого, представить самого себя в качестве другого.

Эти аргументы исходят из опыта кинестезы и опираются на положения о:

☞ взаимозаменяемости точек зрения: мы думаем, что, действительно поменявшись местами, мы увидим предметы такими же;

☞ слитности идентичностей: мы думаем, что именно мы вместе так думаем, или каждый думает, что это именно его собственная точка зрения, не заимствованная у других;

☞ совпадении систем релевантностей: мы думаем, что другой так же интерпретирует реальность, как и мы;

Восемь бессмертных – герои даосизма

☞ тождестве реальностей: мы думаем, что мы живем в одной и той же реальности.

Таким образом, наивная интерсубъективность выражается в Мы-сознании, когда другой дан как *альтер Эго*: «Ты – это Я, а Я – это Ты». Другой присутствует во мне, а я присутствую в другом. Поэтому я существую не только в-себе и для-себя, но и для-другого. Мое бытие есть бытие-с-другим и бытие-вместе с другими.

Но другой является тем, чем я не являюсь. Отношение с другим включает отношения к другим именно как другим, а не только как к самим себе. Поэтому нельзя требовать, чтобы другой вел себя по отношению к вам также, как вы ведете себя по отношению к другому. Соответственно, мы можем требовать от себя то, что не следует требовать от другого.

Поскольку другой присутствует во мне, то я отчасти сам не свой и другой. Другие конституируют мир и меня. Они присутствуют во мне, и я есть мир других. Поэтому я не одинок, а интерсубъективность интрасубъектна. И я присутствую в других, вместе со всеми, возможно, сам этого не замечая.

Феномен интерсубъективности Гегель анализировал в «Феноменологии духа» на примере отношения господина и раба. В общем виде он указывал на отношение самостоятельного и несамостоятельного, что применимо к отношениям старших и младших, учителя и ученика, врача и больного и др. Что любопытно в анализе Гегеля?

∀ Отношения начинаются с борьбы за взаимное признание: только через другого можно удостовериться в себе. Каждый ставит под сомнение другого и готов поставить под вопрос себя, подтверждая самостоятельность.

∀ Наиболее самостоятелен самосущий, способный обойтись без другого, который нуждается в нем, так как тот обладает некоторой вещью – предметом вожделения: «Господин относится в рабу через посредство самостоятельного бытия, ибо оно-то и держит раба...».

∀ Господин соотносится с вещью через посредство раба, который ее обрабатывает. Что делает раб – есть делание господина. Поэтому истина господина – в его рабе.

∀ А истина раба – в его господине. Господское проникает в раба через вожделение к вещи и трепет. Рабское «все затрепетало внутри себя самого, и все незыблемое в нем содрогнулось».

∀ Служащее сознание утверждается в вещи для-себя-сущим. В труде, в котором, казалось, заключался только чужой смысл, раб обретает себя.

Другие разнятся друг от друга, и я в них разный. Они раскрывают и обогащают меня, присутствуя во мне. Но для того, чтобы остаться собой, необходимо оставаться другим, становясь другим и по отношению к самому себе.

Интерсубъективность в международном частном праве представлена коллизионными нормами. *Интерлокальное* право разрешает коллизии между локальными правовыми системами субъектов федераций. *Интертемпоральное* право возникает вследствие сосуществования в государстве одновременно изданных законов, регулирующих одни и те же частноправовые отношения. *Интерперсональное* право применяется в отношении лиц, включенных в различные системы права (этнические, религиозные и др.).

7. Гносеология

Понятие гносеологии. – Рационализм. – Сенсуализм. – Античный скептицизм. – Эмпиризм. – Спор об универсалиях. – Истина и заблуждение. – Прагматизм.

1. Понятие гносеологии

Гносеология (от греч. γνῶσις – знание, logos – слово, понятие) – учение о познании, его природе, источниках и предпосылках, условиях истинности.

О познании удачно сказано в Библии: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел». Если бы Ева не вожделела знать, человечества бы не было.

Познание – опережающее отражение действительности. Оно возникает в качестве реакции в устойчивых, повторяющихся взаимодействиях. Познанию присущи:

- ✓ избирательность (селективность) – ориентация на восприятие значимых, «чувствительных» предметов;
- ✓ образность – воспроизведение предмета отражения в образах;
- ✓ операциональность – свертывание в образе схемы взаимодействия с познаваемым предметом-оригиналом;
- ✓ репрезентация – опосредованность отображения и образов символами, знаками и пр.;
- ✓ конструктивность – оперирование образами в воображении, их перекодирование и конструирование новых образов, не имеющих оригиналов в действительности.

Характеризуя познание, В.И. Ленин в «Философских тетрадах» писал: «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксио-

матический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения».

Основной вопрос гносеологии: познаваем ли мир?

Положительный ответ на этот вопрос дает гносеологический энтузиазм (*когнитивный оптимизм*). Так, античные гностики (I–III в. до н.э.) считали, что *гнозис* – открываемое спасителем высшее знание – может дать ответ на извечные человеческие вопросы: «Кто мы? Кем стали? Где мы? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся? Что такое рождение и что возрождение?». Условиями гнозиса являются катарсис (очищение чувств), добродетель и главенство разума в душе человека.

Агностики не уверены в познаваемости мира. Софист Горгий (480 до н.э. – 380 до н.э.) в сочинении «О том, чего нет; или О природе» доказывал следующее:

Тезисы Горгия:

Ничего нет

Если бы даже нечто и было, то оно было бы непознаваемо

Даже если бы оно было познаваемо, его невозможно было бы высказать в слове и истолковать другому

Аргументы Горгия:

Если бы нечто было, оно было бы либо возникшим, либо невозникшим. Возникшим оно быть не может, иначе возникло бы из ничего; невозникшее же должно быть бесконечным, бесконечное не может находиться ни в самом себе, ни в другом, а то, что нигде не находится – ничто.

Если реальное («то, что есть») мыслимо, то нереальное («то, чего нет») должно быть немыслимо. Но Сцилла и Харибда мыслимы. Следовательно, реальное немыслимо.

Словесное общение невозможно, так как никто не вкладывает в слова тот же смысл, что другой.

Английский зоолог Томас Гексли (1825–1895), называя себя агностиком, полагал, что если бог не обнаруживается сенсительно (чувственно воспринимаемо), то сомнительно, что он может быть обнаружен интеллигибельно. Непознаваемо то, что не может быть обнаружено непосредственно. Границы знания расширяются, но в отношении бога, метафизических реалий и многого другого надежных свидетельств опыта нет.

Знание – это содержание сознания, присутствующее на всех его уровнях, в т. ч. и в бессознательном подсознательном. Познание есть изменение

содержание сознания, состоящее в движении от исходного знания (и незнания) к новому знанию (и незнанию). Расширение круга знания увеличивает его окружность – знание незнания.

Аристотель указывал на многообразие типов знания – умение, мнение, опыт, наитие и др. К различным формообразованиям знания относятся оценки и рецепты, формулировки проблем, аксиомы и гипотезы, нормы права и морали, художественный образ, религиозный символ, так как они имеют познавательное содержание, связанное с адаптацией, ориентацией и самореализацией во внешнем и внутреннем мире.

Первично представление о знании как умении. Знать нечто (ремесло, язык, обряд) означает знать дело – уметь практиковать, пользоваться, воспроизводить. Соответственно, незнание – это неумение. Практическое знание, как правило, неявно, невербально.

Познавательная деятельность развивается из практического познания путем обобщения и систематизации рецептов, накопленного опыта в специализированную духовную деятельность, которая на основе знаний-описаний вырабатывает знания-предписания (правила, программы и проекты), используемые для регуляции практической деятельности.

Исторически ведущими являются различные типы духовной деятельности. Французский философ Огюст Конт (1798–1857) формулировал *закон*

Auguste Comte: The Law of Human Progress (or The Law of Three Stages)

Stage	Time Period	Ruled or Dominated	Dominate Social Unit
Theological --Fictitious	From the dawn of man	Priest Military	Family
Metaphysical --Abstract	Middle Ages	Churchmen	State
Scientific --Positive	Renaissance	Lawyers	
	Industrialization	Industrial Administrators	Entire Human Race
		Scientific Moral Guides	

трех стадий как закон интеллектуальной эволюции человечества. «Согласно моей основной доктрине, – писал он, – все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно через три различные теоретические

стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями: теологическая, метафизическая и научная...» («Дух позитивной философии»). Интеграция духовной деятельности в практику преоб-

разует последнюю, и совершается духовно-практическая революция, примером которой является научно-техническая революция, развернувшаяся во второй половине XX века.

7.2. Сенсуализм

В стихотворении П.А. Вяземского «Первый снег» (1817) есть такие строки, которые описывают доминирующую в молодости познавательную установку:

По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!

Сенсуализм (от лат. *sensus* – восприятие, чувство, ощущение) – направление в гносеологии, считающее ощущения единственным источником и основанием знания. Формула сенсуализма: *nihil est in intellectu quod non sit us in sensu*.

В античности сенсуализм репрезентировался метафорой *tabula rasa* (лат. – гладкая, чистая доска). Душа человека сравнивалась с чистой восковой дощечкой, заполняемой образами и понятиями.

Приведем пример из диалога «Теэтет» Платона:

«*Сократ*. Так вот, чтобы понять меня, вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка; у кого-то она побольше, у кого-то поменьше, у одного из более чистого воска, у другого – из более грязного или у некоторых он более жесткий, а у других помягче, но есть у кого и в меру.

Теэтет. Вообразил.

Сократ. Скажем теперь, что это дар матери Муз Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли мы делаем в нем оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного,

как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем... И вот что, как говорят, происходит отсюда. Если в чьей-то душе воск глубок, обилен, гладок и достаточно размят, то проникающее сюда через ощущения отпечатывается в этом, как говорил Гомер, сердце души, а “сердце” не случайно звучит почти так же, как воск, и возникающие у таких людей знаки бывают чистыми, довольно глубокими и тем самым долговечными. Как раз эти люди лучше всего поддаются обучению, и у них же наилучшая память, они не смешивают знаки ощущений и всегда имеют истинное мнение... Когда же это сердце, которое воспел наш премудрый поэт, космато или когда оно грязно и не из чистого воска и либо слишком рыхло, либо твердо, то у кого оно рыхлое, те хоть и понятливы, но оказываются забывчивыми, те же, у кого твердое, – наоборот; у кого же воск негладкий, шершаво-каменистый, смешанный с землей и навозом, у тех получают неясные отпечатки. Неясны они и у тех, у кого жесткие восковые дощечки, ибо в них нет глубины, и у тех, у кого они чересчур мягки, ибо отпечатки, растекаясь, становятся неразборчивыми. Если же ко всему тому у кого-то еще и маленькая душонка, то, тесно наползая один на другой, они становятся еще того неразборчивее»¹.

Высказываясь в пользу сенсуализма, Гоббс утверждал: «Нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущений» («Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского).

¹ Попробуйте, закрыв глаза, представить свою восковую дощечку, внимательно ее рассмотреть и сравнить ее образ с особенностями вашего мышления.

Non est potestas Super Terram que Comparetur ei.—Job xli 24

Французский философ Клод Адриан Гельвеций (1715–1771) считал, что мыслить – это чувствовать. «...Знания человека никогда не достигают большего, чем дают его чувства, – писал он в трактате «Об уме». – Все, что недоступно чувствам, не достижимо и для ума». Французский философ Этьен Бонно де Кондильяк (1715–1780) в «Трактате об ощущениях» рассматривал все мыслительные процессы как метаморфозы ощущений: «Суждение, размышление, желание, страсти и т. д. представляют собой не что иное, как само ощущение в различных его превращениях».

Для иллюстрации роли ощущений в пробуждении сознания Кондильяк придумал мысленный эксперимент, в котором «бесчувственная мраморная статуя» последовательно наделяется ощущениями. Запах розы рождает способность испытывать удовольствия и страдания, а также способность обращать внимание. Память о приятных и неприятных ощущениях порождает желание, сравнение и суждение. Конечная стадия развития ощущения – это размышление. Благодаря осязанию – учителю всех чувств – статуя отличает себя от других тел. Осязательный опыт ориентирует статую в мире.

Сенсуализм все же вызывал серьезные сомнения в силу того, сенсорные данные дают основание судить не столько о внешних объектах, сколько о состояниях субъекта.

В юриспруденции правовой сенсуализм представлен *психологической школой права* – учением Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) о правовых переживаниях как источнике и основе правовых отношений. Чувства права и долга, вины, страдания и страха, различные аффекты побуждают человека к притязаниям и исполнению чужой воли. Петражицкий обратил внимание на феномен правовой психики и его определяющую роль в правосознании. Это позволило объяснить правомерное поведение людей, слабо знакомых с нормами права. С другой стороны, не каждое переживание ведет к возникновению правоотношения, так как может быть фантазмом.

7.3. Эмпиризм

У П.А. Вяземского в стихотворении «Первый снег» мы далее читаем:

Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.

Эмпиризм (от др.-греч. ἐμπειρία – опыт) – направление в гносеологии, полагающее опыт единственным источником и основанием всех знаний. Наибольшее развитие эмпиризм получил в Великобритании, где принято выделять традицию английского эмпиризма.

«Вождь эмпиризма», английский философ Фрэнсис Бэкон, провозгласил, что вопрос о том, можно ли что-либо познать, разрешается не спором, а опытом. Кредо эмпиризма сформулировал Локк: «Давайте предположим, что душа представляет собой, так сказать белый лист, без единой буквы, без всяких идей. Каким образом появится на ней что-нибудь? Откуда происходит это разностороннее содержимое, которое с почти бесконечной изобретательностью начертала трудолюбивая и неограниченная фантазия человека? Откуда добывается весь материал разума и познания? Ответу одним словом: из ОПЫТА. Именно на нем основано все наше познание и из него же оно берет начало» («Опыт о человеческом разумении»).

Опыт – это познание единичного. В опыте фиксируют факты, которые затем систематизируются и обобщаются под тем или иным углом зрения. Первоначально факты фиксируют в повседневной жизни и на основе их анализа принимают практические решения. Накопление фактов может стать самостоятельной формой познания – *эмпирическим познанием*, опосредствующим религиозную, научную, художественную, утопическую и другие виды духовной деятельности. К формам эмпирического познания относят *наблю-*

дение – целенаправленное систематическое созерцание и эксперимент – наблюдение в искусственно созданных условиях.

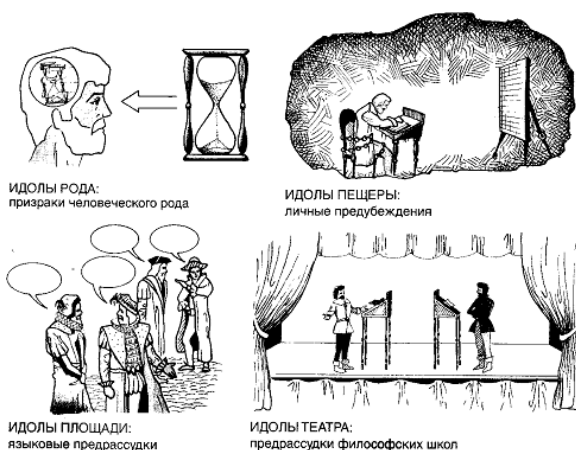
Эмпириков более всего беспокоил вопрос о возможности полного (исчерпывающего) опыта, необремененного познавательными случайностями¹. Английский философ Роджер Бэкон (1214–1294) выделял четыре препятствия к постижению истины:

- пример жалкого и недостойного авторитета (довод: «это передано нам от предков»);
- постоянство привычки (довод: «это привычно»);
- мнение несведущей толпы (довод: «это общепринято»);
- показная мудрость, прикрывающая незнание.

Говоря о «препятствиях» Р. Бэкон указывал на частичный, ограниченный и относительный опыт. Незавершенность опыта требует дальнейшего эмпирического познания, которое должно объяснять предшествующий опыт и согласовываться с ним.

Эмпириков беспокоил и вопрос о чистоте опыта. Ф. Бэкон в трактате «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы» выделил четыре идола, пленивших человеческий ум. *Идолы рода* – это пристрастность и суетность. *Идолы пещеры* – особенности индивидуального восприятия, обусловленные воспитанием, личными привычками и убеждениями.

Идолы площади возникают из трудностей общения: «Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и

¹ Впрочем, систематическое эмпирическое познание начинается с описания курьезов. Ф. Бэкон писал о «весьма разумной практике юристов, у которых издавна существует обычай записывать все более или менее интересные случаи и новые решения для того, чтобы быть лучше подготовленными на будущее» («Великое восстановление наук»).

толкованиям». *Идолы театра* – основоположения и аксиомы наук, некритически принятые вследствие предания, веры и беззаботности.

Обсуждение проблемы опыта в истории философии показало, что чистого опыта, фактов самих по себе не существует. Любой опыт опирается на внеопытные компоненты – врожденные эталоны восприятия и приобретенные когнитивные схемы, языковую картину мира, категории культуры. Любой опыт теоретически нагружен, а факты фиксируются в рамках конкретной теоретической интерпретации.

7.4. Рационализм

Рационализм (от лат. *ratio* – разум) – учение о разуме как основе бытия и мышления.

Разум – это познавательная деятельность, осуществляемая умом на ос-

Декарт на мозаичном панно в Главном читальном зале Философской библиотеки имени Джеймса Хармона Хуза (Р.К. Флюэллинг, 1929, Лос-Анджелес, Университет Южной Калифорнии, Маддхолл).

нове развития и применения идей и принципов. По Фалесу, бог – это ум космоса. Гераклит Эфесский говорил, что Логос правит миром. Парменид Элейский утверждал тождество бытия и мышления. Анаксагор выдвинул положения, что Ум (Нус) правит миром. Платон обобщил мысль Пифагора о числах как основе вещей в учении об идеях как подлинном бытии. У Аристотеля космос оформляется деятельностью Ума.

Гераклит Эфесский полагал, что люди обманываются относительно достаточности чувственного восприятия. Он говорил: «Плохие свидетели глаза и уши у людей,

которые имеют грубые души». А мышление – одно и общее для всех людей.

Все «желающие говорить разумно должны опираться на это всеобщее, подобно тому, как государство зиждется на законе, и даже еще крепче». Этим всеобщим является Логос, правящий миром и присутствующий в душе человека.

Разумность сущего допускает его познание разумом человека. Кредо рационализма: порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей (*ordo et connectio idearum est ac ordo et connectio rerum*). Считается возможным достижение общезначимых знаний. Рациональное познание организуется дедукцией из несомненных и очевидных оснований.

Указывая на эти основания, Платон развил *нативизм* – учение о врожденности знания. Познание он понимал как узнавание и припоминание в вещах идей, созерцавшихся душой в мире идей перед воплощением в человеке¹.

Можно заметить, что врожденность идей относительна, так как они запечатлеваются в душе во время ее посмертного путешествия в мире идей. Запечатлеваются они путем *умо-зрения*, или созерцания. Таким образом, человеческое знание возникает все же в чувственной деятельности, на чем и настаивает сенсуализм.

Локк выступил с критикой нативизма, представленного у кембриджских платоников и их оксфордских сторонников, которые настаивали на врожденности моральных принципов, идеи бога и его заповедей, а общее согласие использовали как главный довод. Контраргументы Локка таковы: 1) Многие, казалось бы, очевидные положения совсем неизвестны большому количеству людей, среди которых дети, умственно отсталые и неграмотные люди и т. д. Поэтому принцип общеизвестности не подтверждает существования врожденных идей. 2) Иногда говорят, что врожденность идей может

¹ Из «Первого снега» П.А. Вяземского:
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.

быть доказана посредством существования нравственности. Но существуют народы, у которых нравственными являются отнюдь не приветствуемые другими народами нормы. 3) Врожденной, говорят, является идея Бога. Но есть и атеисты и разные религии, т.е. люди верят в разных богов. Причиной уверенности во врожденности идей Локк называет леность нашего мышления. Человеку лень отыскивать действительные источники познания, поэтому он и утверждает, что знание врождено человеку. Себя Локк ленивым не считает и начинает поиски действительных источников нашего знания: Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно неврожденно.

«Сон разума рождает чудовищ» (1797), Франсиско Гойя: «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений»

Лейбниц все же продолжал отстаивать концепцию врожденных идей: «Я предпочел бы поэтому сравнение с глыбой мрамора с прожилками сравнению с гладким куском мрамора или с чистой доской – тем, что философы называют *tabula rasa*. В самом деле, если бы душа походила на такую чистую доску, то и истины заключались бы в нас так, как фигура Геркулеса заключается в глыбе мрамора, когда она абсолютно безразлична к тому, чтобы принять форму данной фигуры или какой-нибудь иной. Но если бы в этой глыбе имелись прожилки, которые намечали бы фигуру Геркулеса предпочтительно перед другими фигурами, то она была бы более predetermined к этому и Геркулес был бы некоторым образом как бы врожден ей, хотя потребовался бы труд, чтобы открыть эти прожилки и отполировать их, удалив все то, что мешает им выступить наружу. Таким же образом идеи и истины врождены нам подобно склонностям, предрасположениям, привычкам или естественным по-

тенциям, а не подобно действиям, хотя эти потенции всегда сопровождаются соответствующими, часто незаметными действиями».

По Лейбницу, врожденным является не актуальное, а потенциальное знание. Современная эволюционная психология признает наличие врожденных архетипов восприятия. Простейший архетип бинарен, что обусловлено асимметрией человека (левое – правое, верх – низ, перед – зад и пр.). Архетипы задают последовательность образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности.

Рационализм играл важную роль в эпоху Просвещения, которое понималось как рационализация мира путем распространения «естественного света разума».

«Фестиваль Разума», Собор Парижской Богоматери, 20 брюмера 1793

Якобинский террор, мировые войны и глобальные проблемы современности были восприняты как проявления кризиса рационализма. Как следствие, возник *иррационализм* (от лат. *irrationalis* – неразумный), отрицающий возможность разумного познания действительности из-за ее алогизма и вы-

двигающий на первый план инстинкт, интуицию, чувства и страсти, волю, бессознательное и т.п.

В цикле работ «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения» Кант подверг разум критике за притязание на абсолютное знание. По его мнению, разум имеет систему иллюзий и фикций, а потому нуждается в дисциплине. Согласно Канту, «всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме» («Критика чистого разума»). Поэтому разум ограничен данными опыта.

Карл Поппер (1902–1994) предложил стратегию *критического рационализма*, признающего гипотетичность, предположительность знания и допускающего возможность опровержения: «Я могу ошибаться, а вы можете быть правы; сделаем усилие, и мы, возможно, приблизимся к истине». Претензиям разума и глобальным идеологическим планам он противопоставил стратегию конкретных рациональных проектов, улучшающих качество жизни и исправляющих социальные дефекты.

7.5. Скептицизм

Скептик (от σκέπτομαι – рассматривающий) – осмотнительный человек, который считается со всеми мнениями, не делая окончательного выбора. Скептики, предпочитающие критический разбор и доазательства) противопоставляют себя *догматикам* (δῶγμα – правило, общая истина), которые считают, что следует твердо держаться абсолютно истинных взглядов и правил.

Пиррон из Элиды (365–275 гг. до н.э.) говорил: «Все вещи безразличны, неопределенны и неподсудны, так что наше восприятие их и наше мнение о них не истинно и не ложно. Значит, мы не можем им доверять, но должны воздерживаться от мнений, склонностей и сохранять невозмутимость, обо всем утверждая в равной мере, что оно есть, что его нет, и что оно

и есть и нет одновременно. Поступая так, мы сначала приходим к бессловесности, а затем к невозмутимости».

Так, мед, когда мы его пробовали, оказывался сладким, но сладок ли он на самом деле, мы не знаем. И также мы не знаем, в природе ли меда быть сладким и сладок ли он на другие языки. «На всякое слово есть и обратное», – провозглашал Пиррон.

Petrarcameister (16 в.):
Пиррон пирует во время шторма

Утверждают, что Пиррона ничего не остерегался, ничего не избегал. Пиррон шел прямо на колесницу, в пропасть, на костер и дикого зверя. Он сохранял хладнокровие при самых опасных обстоятельствах, и часто своим спасением был обязан сопровождающим его друзьям.

Греческий философ Энесидем (1 в. до н.э.), глава Александрийской школы скептиков, в «Пирроновых рассуждениях» привел десять аргументов («десять тропов») в пользу тезиса о невозможности истинного знания:

- (1) разные животные чувствуют по-разному, и не понять, кто чувствует «правильно»;
- (2) чувства людей и их отношение к одним и тем же вещам настолько различны, что нет смысла доверять ни своему, ни чужому суждению;
- (3) человек имеет разные органы чувств, свидетельства которых различны, и непонятно, какое предпочтительно;
- (4) состояние человека постоянно меняется, и в зависимости от этого он выносит разные суждения;
- (5) суждение зависит от обычаев того народа, к которому человек принадлежит;

(6) ни одна вещь не является в чистом виде, но всегда воспринимается в смешении с другими вещами (поэтому ни о чем нельзя сказать, что оно есть на самом деле);

(7) вещи представляются различными в зависимости от занимаемого места;

(8) вещи различны в зависимости от их количества и качества;

(9) восприятие вещей зависит от того, как часто они встречаются;

(10) суждения о вещи выражают не ее саму, а ее отношение к другим вещам и к воспринимающему.

Скептики полагали, что нет ничего достоверного и доказуемого. Понимая слабость человеческого разума, мудрый воздерживается от суждения и руководствуется в жизни вероятностью.

Согласно древнеримскому философу Сексту Эмпирику (200–250), целью скептика является *атараксия* – невозмутимость (или безмятежность). Догматики, твердо различающие добро и зло, мучаются, чтобы достичь того, что, по их мнению, является подлинным благом. Их «раздирают тысячи тайных тревог: тревога за то, что перестав действовать в соответствии с разумом, они возвысились чрезмерно; тревога за то, что туман их страстей унес их далеко за границы их долга; и, наконец, страх, испытываемый ими перед каждым изменением, заставляет их изводиться в бесплодных усилиях удерживать блага, ускользающие от них. Они не воображают, как стоики, что избавлены от несчастий, приносимых ударами и действиями внешних объектов; но они считают, что в результате своих сомнений относительно того, что есть добро и зло, они страдают значительно меньше, чем все остальные люди, испытывающие двойное страдание – страдание от дурного и страдание от убеждения, что они страдают от подлинно дурного». Скептик не имеет определенного мнения, ни от чего не бежит и ничего не ищет ревностно, оставаясь невозмутимым

В истории философии скептицизм стал популярным образом мысли, который определял соответствующий образ жизни. Так, Декарт в «Рассужде-

нии о методе...» привел три правила, которыми он руководствовался в жизни:

«Во-первых, повиноваться законам и обычаям моей страны, неотступно придерживаясь религии, в которой, по милости божией, я был воспитан с детства, и руководствуясь во всем остальном наиболее умеренными и чуждыми крайностей мнениями, сообща выработанными самыми благоразумными людьми, в кругу которых мне предстояло жить. ... Моим вторым правилом было оставаться настолько твердым и решительным в своих действиях, насколько это было в моих силах, и с не меньшим постоянством следовать даже самым сомнительным мнениям, если я принял их за вполне правильные. ... Третьим моим правилом было всегда стремиться побеждать скорее себя, чем судьбу, изменять свои желания, а не порядок мира и вообще привыкнуть к мысли, что в полной нашей власти находятся только наши мысли и что после того, как мы сделали все возможное с окружающими нас предметами, то, что нам не удалось, следует рассматривать как нечто абсолютно невозможное».

Ф. Бэкон подметил, что юристы обречены на догматизм: «Юристы же, подчиняясь требованиям законов своей страны, а также римского или канонического права, не могут высказать независимого, свободного мнения, а говорят так, как будто они закованы в кандалы» («О достоинстве и приумножении наук», 1623).

Бертран Рассел хорошим лекарством от догматизма считал общение с людьми из других социальных слоев и путешествия. «Если вы не можете путешествовать – писал он, – ищите людей, с которыми вы не согласны, и читайте газету, издаваемую не вашей партией» («Непопулярные эссе», 1951).

7.6. Проблема универсалий

Универсалии (от лат. *universus* – целый, общий, полный) – всеобщие понятия, отображающие роды и виды вещей. А спор об универсалиях – это

спор о способе их существовании и соотношении с *уникалиями* – единичными вещами.

Древнегреческий философ-киник Антисфен (455–360 до н. э) высказывался в отношении универсалий Платона: «Человека и лошадь я вижу, а человечности и лошадности не вижу». Но стоит ли доверять чувствам и логике? Ведь столь же резонно можно заметить: «Сократа вижу, а человека не вижу».

Гегель для пояснения проблемы реальности всеобщего, предлагает такой пример. Некто хочет купить в лавке фрукты. Он спрашивает фрукты. Ему дают яблоки, груши, дают персики, вишни, виноград. Но покупатель отвергает все это, так как хочет получить именно фрукты. И хотя все предлагавшееся и есть фрукты, тем не менее купить фрукты невозможно. Проблема универсалий в том, как неповторимые индивиды содержат в себе нечто общее, если каждая вещь уникальна?

Итак, очевидно, что единичные вещи реальны, но существуют ли «всеобщие вещи»? Существуют ли роды и виды вещей самостоятельно, или же они присутствуют только в нашем мышлении? Если они обладают самостоятельным бытием, то это тела или самосущие идеи? Если универсалии идеальны, то существуют ли они отдельно от вещей или в самих вещах?

Неоплатоник Порфирий (232, Тир – 304, Рим) так формулировал проблему: «Что касается общих или родовых понятий, то вопрос заключается в том, субстанциальны ли они или лишь интеллектуальны, телесны или же бестелесны, отделены ли от вещей, доступных восприятию, или же они находятся в них и вокруг них».

По Фоме Аквинскому, возможные ответы таковы:

- а) *Universalia ante rem* – универсалии существуют до вещи, т.е. в интеллекте Бога, как данные нам Богом идеи;
- б) *Universalia in re* – в самой вещи, как ее неотъемлемая часть;
- в) *Universalia post rem* – после вещи, как следствие обобщающих операций нашего мышления.

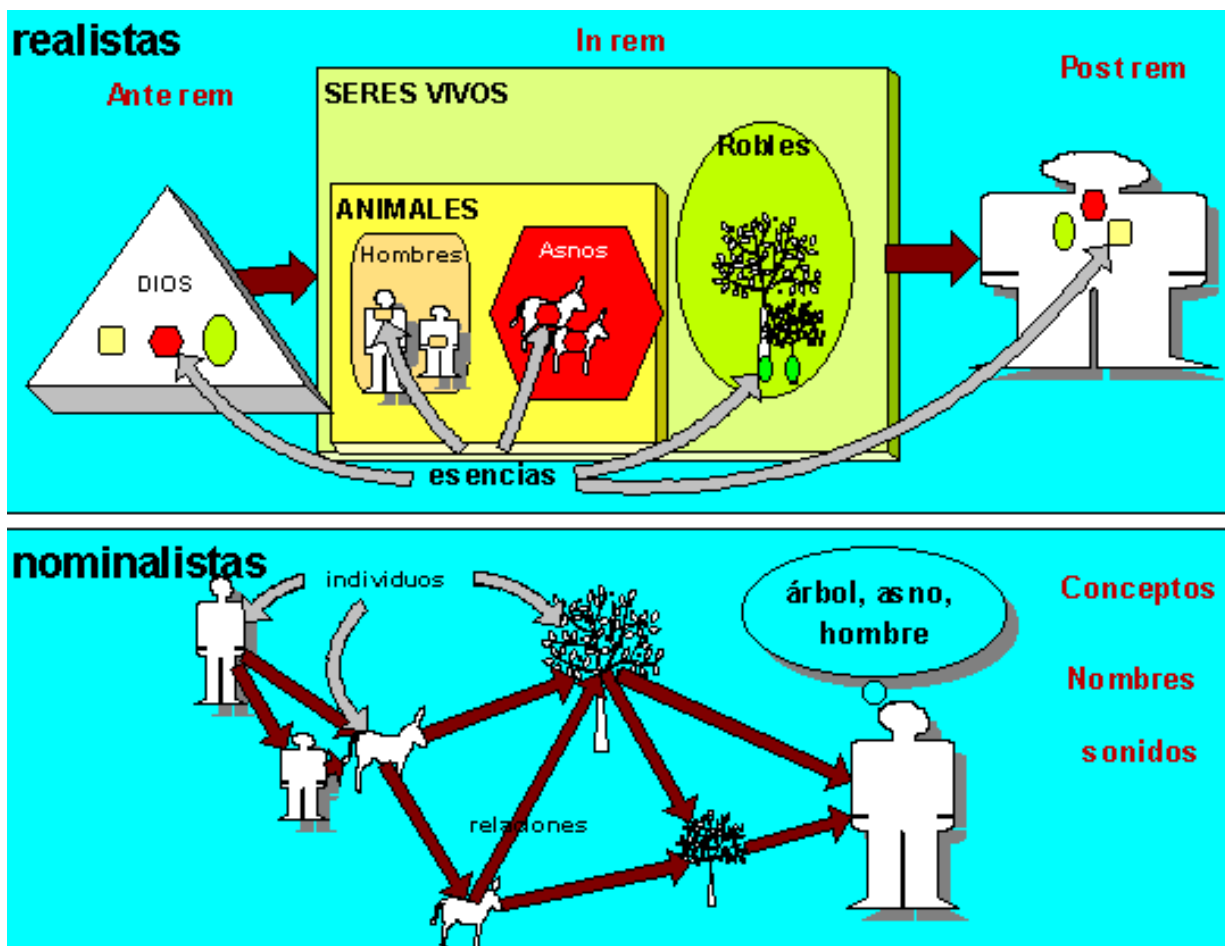

Рис. 7.1 Джованни ди Паоло. Первый хоровод двенадцати учителей мудрости, ведомых Фомой Аквинским: Иллюстрация к Десятой песни «Рая» Данте (между 1442-1450, Лондон, Британская библиотека). В центре вверху – Фома Аквинский (1224/1225-1274). Справа от него – Альберт Великий (ок. 1200-1280). Снизу слева направо: Иоанн Грациан (XII в.), Пётр Ломбардский (ок. 1100 – ок. 1160), Соломон (между 981-979 – между 938-916 до н.э.), Дионисий Ареопагит (I в. н.э.) / Псевдо-Дионисий Ареопагит (V-VI в. н.э.), Павел Орозий (ок. 380 – ок. 420), Боэций (480-524), Исидор Севильский (ок. 560-636), Беда Досточтимый (672/673-735), Ришар Сен-Викторский (ум. 1173), Сигер Брабантский (ок. 1235 – ок. 1282)

Реалисты (например, Фома Аквинский) полагали, что универсалии существуют в Божественном разуме как идеи вещей, в уме человека в качестве понятий и в вещах в виде сущностей, форм. Реалисты приводили такой довод: если в реальности нет ничего, кроме единичных вещей, то мысля «общую идею» (человек, дерево), мы в таком случае не мыслим ничего. А поскольку мы все-таки мыслим, то универсалии существуют «до вещей».

Номиналисты (например, Уильям Оккам) отвергали самостоятельное бытие абстрактных предметов и полагали, что общие понятия возникают в познании и вне человеческого ума не существуют. Точка зрения крайнего номинализма: *universalia sunt nomina* (универсалии – только имена).

Концептуалисты (например, Боэций) утверждали, что общие понятия формулируются и существуют в человеческом уме, но им соответствуют сходные свойства в самих вещах.

Средневековый спор об универсалиях не завершен до настоящего времени, но в целом в Новое время возобладала точка зрения концептуализма. Проблема универсалий стала решаемой благодаря понятию абстрактного объекта. Поскольку действительно нет двух тождественных вещей, абстрагированием мысленно выделяются такие объекты, в которых можно актуально установить тождество. Тождество двух реальных объектов определяется на основании их общего признака, различие двух реальных объектов – исходя из наличия индивидуального признака. В зависимости от признаков на основе одних и тех же объектов может быть выделено множество универсалий.

Интерес номиналистов к единичному нашел политико-правовое выражение в идее народного суверенитета и соборном движении XIV – XV вв. «XIV век был временем великого подъема номинализма, причины которого следует искать в области политики, – писал Ч.С. Пирс. – Номиналисты тогда в общей массе противостояли чрезмерной власти папы и выступали за гражданское правительство, в связи с чем число последователей данного фило-

софского учения искусственным образом увеличилось. Несмотря на это последователи Дунса Скота, занимавшие реалистическую позицию, были в большинстве мест доминирующей партией и занимали ведущие позиции в университетах» («Принципы философии»).

Оккам считал, что по природе все люди рождаются свободными и равными и образуют естественную мирскую общину. Государство учреждается при помощи общественного договора для обеспечения реализации индивидуальных интересов. «...Законодательная власть и человеческое право в первичном и основном значении, – писал Оккам – имеют своим источником народ, в силу чего народ же возложил законодательную власть на императора». Институт папства предлагалось заменить верховной властью Вселенских соборов.

В международном частном праве действует принцип номинализма денежных обязательств. Он состоит в том, что при девальвации валюты должник выплачивает то количество денег, которое номинально равно сумме долга. Таким образом, изменения в покупательной способности денег не изменяют суммы долга, определяемой «по номиналу».

7.7. Истина и заблуждение

Истина – достигаемое в практике совпадение знания и предмета. Онтологический принцип тождества мышления и бытия подразумевает, что как мышление становится адекватным бытию, так и бытие адекватно воплощает мысль. Совпадение бытия и мышления есть процесс духовно-практической деятельности, в котором преобразуются и мышление, и действительность, и познающий и действующий человек. Поэтому человеку для истинного познания и правильного действия важно самому быть истинным.

Гегель так резюмировал представления об истине: «Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем

при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое. Впрочем, более глубокое (философское) значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об истинном произведении искусства.

Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответствующее самому себе. В этом смысле плохое государство есть неистинное государство, и плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением или понятием и существованием предмета. О таком плохом предмете мы можем себе составить правильное представление, но содержание этого представления есть в себе неистинное. Мы можем иметь в своей голове много правильного, что вместе с тем неистинно. Только бог есть истинное соот-

Н.Н. Ге: «Что есть истина?»
Христос и Пилат, (1890)

ветствие понятия и реальности. Но все конечные вещи имеют в себе неистинность, их существование не соответствует их понятию. Поэтому они должны пойти ко дну, и эта их гибель служит проявлением несоответствия между их понятием и их существованием» («Энциклопедия философских наук»).

Корреспондентская теория истины – трактовка истины как соответствия (тождества) мысли и вещи – не объясняет, как установить указанную корреспонденцию, особенно в отношении знаний-предписаний (на-

пример, приказа «Руки вверх!»). Практическое понимание истины снимает данное затруднение

Заблуждение – состояние расхождения между знанием и практикой. Заблуждение показывает ограниченность, незавершенность и противоречивость знания, направляющего нашу деятельность. Поэтому косвенным признаком истинности считается когеренция, внутренняя согласованность знания. Но действительно ли оно согласованно, определяется консенсусом.

Непроизвольность и объективная обусловленность заблуждения отличают его от случайной ошибки, преднамеренной лжи и неосведомленности (отсутствия знания). *Фаллибилизм* полагает, что познание не может быть безошибочным и его универсальный способ развития – метод проб и ошибок.

В правовой деятельности часто встречаются правотворческие и судебные ошибки. Ложными могут быть нормы права – знания-предписания. К ложным нормам права относят¹:

- нормы с отрицательной эффективностью, т.е. при реализации приводящие к противоположным конечным результатам;
- фиктивные нормы – практически нереализуемые в силу различных причин;
- дефектные нормы – не имеющие гипотезы или санкции, чрезмерные или недостаточные, с множеством исключений.

Заблуждение – тоже знание, но относительно истинное. В каждом заблуждении содержится доля истины, а то знание, которое оценивается как истинное, несомненно, в чем-то является заблуждением.

Преодоление заблуждения – момент истины – это открытие того, что раньше не знали. Древнегреческие философы понимали истину как *алетейю* – несокрытость, обнаженность. Гераклит говорил: «Природа любит скрываться». Истина имела смысл чрезвычайно скрытого, потаенного, находящегося в основе всего и того, на чем все держится и стоит.

¹ Кузнецова О.А. Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение // Журнал российского права. 2005. № 3.

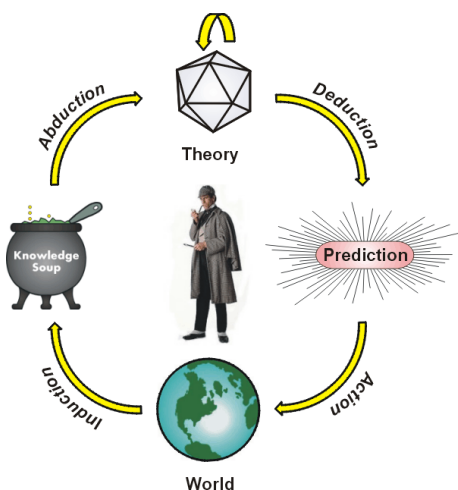
Истина – то, что есть на деле. Она обнаруживается в более высокой степени бытия. Так, по Гегелю, истиной родителей являются дети. Поэтому возвышающее и многообещающее представляется более истинным. А.С. Пушкин подметил: «Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман...» («Герой»). В действительности, истина должна выражать возвышающее, утверждающее и содействующее развитию, переходу того, что уже есть, на новую ступень бытия.

Поэтому и неверна известная максима «Платон мне друг, но истина дороже». Если Платон – действительно настоящий друг, то моя истина будет дорога и ему, и этим он дорог мне, дороже любой истины, коих много, тогда как Платон – один и бесценен.

7.8. Прагматизм

Прагматизм (от греч. *pragma* – дело, действие) – учение, которое оценивает знание по его действенности, успешности применения. Действительно, в основе познания лежит действие, так как желание и проявления воли вызывают ощущения, требующие действия. А любое описание есть имплицитное предписание. Поэтому прагматик выстраивает свою жизнь и взгляды в перспективе получения практически полезных результатов.

Прагматизм считается оригинальной и самобытной американской философией – философией делового человека. Рождение прагматизма традиционно связывается с деятельностью «Метафизического клуба» – сотрудников Кембриджа (штат Массачусетс) в 1870-х годах. Его член Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) сформулировал *прагматическую максиму*: «Примем во внимание, какой практический эффект может быть связан с данным объектом, и наше понимание этого объекта будет состоять в совокупности наших знаний о его практических приложениях». Если использование, например, понятия «материя» не имеет осязаемых практических последствий, то это понятие лишено смысла.

Приближение к истине, по Пирсу – это процесс беспрестанного устранения ошибок, совершенствования гипотез, обновления результатов. *Закон роста разума* состоит в его тенденции к обобщению. Чувство стремится распространиться; связи между чувствами пробуждают другие чувства, которые соподчиняют друг друга. Повторяющееся и усиливающееся возбуждение

формирует привычку, а сознание такой привычки конституирует общее понятие. Идеи распространяются непрерывно и влияют на другие идеи. При этом они утрачивают интенсивность и влияние, но сливаются с другими идеями и обобщаются. Доминирующие идеи подчиняют себе наше поведение и восприятие.

«То, во что для нас лучше верить – истинно», – утверждал Уильям Джеймс (1842–1910). Он полагал, что споры могут быть разрешены сопоставлением практических следствий, вытекающих из той или иной теории. Нужно уяснить, какая разница для вас и меня, если именно эта, а не другая модель является истинной. Истинно то, во что лучше верить: гипотеза о Боге истинна, если она служит удовлетворительно.

По мнению Джона Дьюи (1859–1952), организатора Чикагского философского клуба, интеллект должен дать человеку возможность нормально жить в неустойчивом и полном опасностей мире. «Мир случаен и рискован», – писал он. Схватить его «истину» невозможно, но идеи – это «ключи к ситуации».

С его точки зрения, проблема заключается не в практическом применении незыблемых истин. Все проекты следует рассматривать как гипотезы, и потому требуется наблюдать последствия их реализации. Соответственно, они должны подвергаться незамедлительной коррекции, учитывающей эти последствия. Поэтому перед массовой реализацией инициатив требуется их всеерная апробация.

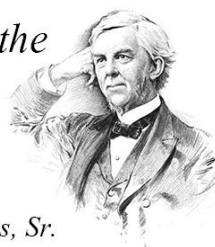

Кроме того, исследование гипотез следует продолжить в процессе их популяризации экспертами, в дебатах, обсуждении возникающих вопросов и убеждении сограждан в общении *лицом к лицу*. Это позволяет оценить приемлемость и реалистичность инициатив, учесть массовый опыт и специфику локальных условий. Тем самым снимается проблема различного толкования практических последствий. Практики, оправдавшие себя, стандартизируются и закрепляются.

Успех воспринимается как открытие возможности для другого опыта. Успеху сопутствует неудовлетворенность, так как в перспективе возможного будущего – это относительная неудача. Все неудачи более или менее «всхожие». В неудаче и посредством неудачи личность встает на ноги, и раскрывается многообразная и новая действительность. Прагматика успеха, следовательно, есть дисциплина неудачи предвиденной, признанной, понятой.

*The young man knows the
rules, but the old man
knows the exceptions.*

~Oliver Wendell Holmes, Sr.

Одним из членов «Метафизического клуба» был адвокат Оливер Уэнделл Холмс – младший (1841–1935), впоследствии один из наиболее часто цитируемых судей Верхов-

ного суда США. Он скептически относился к философии естественного права и полагал, что юристам нужно «взять жизнь в свои руки», сформировать право, эффективно регулирующее общественные отношения. Не только жизнь, но и законодательство Холмс рассматривал как эксперимент, истинность которого выявляется в решениях суда. Смысл закона определяется результатами суда, и задача юриста состоит в том, чтобы информировать клиента о фактических последствиях отступления от закона или следования ему. Учение Холмса определило прагматический характер американской юриспруденции XX века.

8. Праксеология

Понятие праксеологии. – Аскетика. – Недеяние. – Утешение философией. – Йога. – Хитрость разума. – Великое делание. – Делание добра.

8.1. Понятие праксеологии

Праксеология – учение о практике. Практика философа – это благой поступок. Познав благо, философ выстраивает благое бытие.

Так, по Конфуцию, «благородный муж думает о девяти вещах: о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы слышать четко; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости спрашивать других, когда появляются сомнения; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу».

Life and Works of Confucius by Prospero Intorcetta, 1687.

Армянский философ Давид Анахт (V–VI вв.) говорил, что совершенный философ должен украсить себя не только теорией, но и практикой. «Целью теории, – писал он, – является истина, целью же практики является добро, так как с помощью практики философия украшает нравы, творя добро путем отвержения страстей. ... А добро превышает истину, как наиболее общее и всеобъемлющее, так как все, что истинно, то добро, но все доброе истинно; ведь бывает же иногда, что и ложь оказывается добром» («Определения философии»).

Исторически философия разделялась на две части – на теоретическую философию и практическую философию. Теоретический разум занят вопросом «Что я могу знать?», практический разум ставит перед собой вопрос «Что я должен делать?». Теоретическая (или умозрительная, фундаментальная) философия описывает мир. Практическая (или прикладная) философия предписывает правила и наставления поступать и жить, основанные на истинах, открытых в теоретической философии.

Поэтому следует учиться. Иначе благие принципы, как утверждал Конфуций, обернутся пороками: «Вот шесть пороков в шести фазах: любить человеколюбие и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тупости. Любить мудрость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тому, что человек разбрасывается. Любить правдивость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к нанесению ущерба самому себе. Любить прямоту и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к грубости. Любить мужество и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к смутьянству. Любить твердость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к сумасбродству».

Посредством разума философ достигал, по меньшей мере, самообладания. Образ такого человека рисовал Шопенгауэр: «Наконец, в качестве практического разум, прежде всего, проявляется в людях, действительно разумных по своим характерам, которых поэтому называют в обычной жизни практическими философами и которые отличаются необыкновенной уравновешенностью как при неприятных, так и при радостных событиях, невозму-

тимостью и неуклонным выполнением принятых решений. Действительно, преобладание в них разума, т. е. более абстрактного, чем интуитивного познания, позволяющего обозревать жизнь с помощью понятий в ее общности, целостности и полноте, раз и навсегда познакомило их с обманом мгновенного впечатления, с преходящностью всех вещей, с краткостью жизни, с пустотой наслаждений, с недолговечностью счастья, с большим и мелким коварством случая. Для этих людей ничто не оказывается неожиданным, то, что они знают *in abstracto*, не удивляет их и не выводит из себя, когда оно возникает перед ними в действительности и в единичном, что происходит с менее разумными людьми, на которых настоящее, созерцаемое и действительное, оказывает такое воздействие, что холодные, бесцветные понятия совершенно отступают на задний план их сознания и они, забывая все свои планы и максимы, полностью подпадают под власть аффектов и страстей» («Мир как воля и представление»).

Предмет практической деятельности философа – он сам. Философ не только устанавливает для себя определенные правила поведения, но и стремится преобразовать себя, измениться и сделать свою жизнь собственным произведением. Философ преобразуется в состояние, сообразное с ранее открытой истиной. Это состояние конституирует субъекта, придает ему завершенность и позволяет сбыться. Он становится истинным собой. Познавая само себя, необходимо еще становиться самым собой, и только став истинно собой, можно познать истину себя и другого, а затем вновь изменить себя и других.

Практика – это сознательное изменение действительности. Практика опосредована практическим сознанием, отображающим значимые параметры ситуации и разрабатывающим регулятивы (рецепты) ее преобразования. Изменение ситуации является предпосылкой изменения сознания. Это изменение, в свою очередь, также может быть сознательным, т.е. основываться на наблюдении различных ситуаций и пробном, экспериментальном их преобразовании. Духовная деятельность – это практически опосредованное, созна-

тельное изменение сознания. Опираясь на наблюдательно-экспериментальную практику, субъекты духовной деятельности описывают действительность и разрабатывают теоретически обосновываемые проекты ее преобразования, транслируемые в практическое сознание.

Философская деятельность также включает в себя философскую практику. Французский философ Мишель Фуко (1926–1984) в курсе лекций «Герменевтика субъекта», прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году, перечисляет следующие практики философа:

- «досмотр души», регулярный оценивающий обзор всех своих поступков и мыслей;
- концентрация души, ее самособирание и самососредоточение;
- отрешенность, позволяющая, не замечать происходящего вокруг;
- испытание себя искушениями и страданиями;
- душевная открытость, требующая чистосердечно высказывать Всё и всю Правду;
- признание как способность держать речь, выговаривая всю истину о себе.

Например, пифагореец не вставал с постели до тех пор, пока не вспоминал все случившееся накануне (или позавчера). Он припоминал, что сказал, или услышал, и что было вслед за этим, а что – позже.

Примером испытаний является упражнение по борьбе с гневом. Стоик Эпиктет (50–138), раб и вольноотпущенник, предлагает взять обязательство перед самим собой – не гневаться в течение дня. Затем заключить с собой договор на два дня, на четыре, и наконец, когда ты договорился с собой не гневаться тридцать дней и на самом деле сумел не впасть в гнев в течение этого срока, принести жертву богам. Так, вся жизнь должна стать испытанием, в котором человек узнает, кто он есть и на что способен.

8.2. Аскетика

Аскетами (от греч. *askesis* – искусно и старательно обрабатывать грубые материалы, украшать и во всем этом упражняться) – в Древней Греции первоначально называли атлетов, занимавшихся закаливанием и тренировкой) тела путем упражнений и воздержного образа жизни. В философии аскестикой стали называть различные практики преобразования себя.

Аскетические упражнения учили:

- Δ разрывать связи с привычной с обстановкой и узнавать, разнообразие, всеобщность или относительность тех или иных общественных установлений;
- Δ демонстрировать преображающую власть разума над плотскими побуждениями, эмоциями и страстями;
- Δ отделять дух от тела, т. е. учить умирать;
- Δ формировать добродетель;
- Δ пребывать в постоянной бдительности.

Аскетизм осуществляется в формах отшельничества, безбрачия, добровольной бедности, воздержания от пищи и чувственных наслаждений, соблюдения молчания, ограничения в передвижении, намеренного переживания неприятных эмоций, самоистязания и др.

В Древней Греции ярко выраженными философами-аскетами были киники, которые уподобляли себя собакам, отказывались от излишеств и условностей. Знаменитый Диоген, живший в глиняной бочке, увидев однажды мальчишку, который пил воду из ладони, он выбросил из своей котомки кружку и сказал: «Мальчик превзошел меня в скромности жизни». Он выбросил и тарелку, когда

увидел, как мальчик, разбив случайно миску, ел свою чечевичную похлебку из углубления, сделанного в хлебном мякише.

Кратет, желая излечить будущего основателя стоицизма Зенона от стыдливости, дал ему однажды понести через площадь горшок чечевичной похлебки. А когда увидел, что Зенон смущается и пытается нести его незаметно, то разбил горшок ударом своего посоха. Похлебка облила Зенону ноги, он побежал, а Кратет крикнул: «Что ж ты бежишь, финикийчик? Ничего ужасного с тобой не случилось!»

Стоик Зенон был вынослив и неприхотлив, ел сырую пищу и зимой носил тонкий плащ. Древнегреческий комедиограф Филемон «Философах» говорил о Зеноне: «Сухая смоква, да глоток воды – Вот философия его новейшая; И мчат ученики учиться голоду».

Эпикурейцы полагали, что для блаженной жизни, при которой не имеют ни боли, ни тревоги необходимо ограничить себя только удовлетворением естественных и необходимых желаний (пить, есть, спать). Побуждения к не-необходимым желаниям (например, роскошный стол, половое влечение) и праздные желания славы, богатства и т.п. легко рассеять, представив предмет желания трудно достижимым или вредоносным. А блаженная Природа устроила все так, что необходимые вещи получить легко, а вещи, которые трудно достичь, не являются необходимыми.

В отношении традиционного понимания аскетизма В.С. Соловьев в трактате «Оправдание добра» (1897) заметил, что тогда дьявол – образцовый аскет, так как не спит, не ест и не пьет, пребывая в безбрачии. На его взгляд, именно счастливый брак является высшей формой аскетизма («супружество как подвиг и мученичество»), так как восстанавливает единство духа и плоти, преображая и украшая действительность. Таким образом, соловьевская философия всеединства возрождает первоначальное позитивное понимание аскетизма как конструктивной деятельности.

Позитивная интерпретация аскетизма развита в книге «Эрос и цивилизация» (1955), написанной известным неомарксистом Гербертом Маркузе

(1898–1979). Он полагал, что человек постепенно учится отказываться от моментального, неверного и чреватого опасностью удовольствия ради отсроченного, сдерживаемого, но гарантированного удовлетворения. Дисциплина моногамной репродукции, а также дисциплина потребления и труда, законодательство и моральные кодексы являются фундаментом прогресса цивилизованного общества. Культурными героями, воплощающими в себе эти многочисленные «отказы» являются Прометей, Гермес и Геракл.

Маркузе считал возможным Великий Отказ – протест против ненужного подавления, борьбу за жизнь без страха, стремление к воссоединению с утраченным. По его мнению, следует опираться на орфический и нарциссический опыт самобытия, бытия здесь и сейчас, объединяющий человека и природу так, что в осуществлении человека осуществляет себя и природа. Тогда даже смерть может стать безболезненной, и люди могут умирать без тревоги и терзаний, если будут знать, что все ими любимое защищено от бедствий и забвения.

Девиз Великого Отказа: «В защиту жизни». Это подразумевает протест против военной службы («Занимайся любовью, а не войной!»), борьбу за гражданские права, отказ от изобилия, освобождение чувственности через эстетическую деятельность, воображение и фантазию, игру и искусство.

8.3. Недеяние

Диоген хвалил тех, кто собирался жениться и не женился, кто хотел отправиться в путешествие и не отправлялся, кто собирался посвятить себя государственной деятельности и не посвящал, кто намеревался воспитывать детей и не делал этого, а также тех, кто был готов пойти в услужение к вельможам, но избегал даже общения с ними.

По учению даосизма, настоящий человек предается *недеянию* (у вэй). Это не бездействие, а спонтанное, самопроизвольное действие без желания,

цели и расчета. Иначе говоря, это следование природе и потоку перемен, «течение вместе с мгновением».

Важно понимать, что цель не есть самоцель, а всего лишь ориентир, благодаря которому начинается движение. Лаоцзы учил: «Помня о своей цели, будь терпелив. Ведь изменения – это то, что приходит не сразу, но как бы само собой».

Недеяние разнообразно. В одной даосской притче говорится: «Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюаньвана. Через десять дней царь спросил: – Готов ли петух к бою? – Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится. Через десять дней царь снова задал тот же вопрос. – Пока нет. Еще бросается на каждую тень, откликается на каждый звук. Через десять дней царь снова задал тот же вопрос. – Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край. Через десять дней царь снова задал тот же вопрос. – Почти готов. Не встревожится, пусть даже услышит другого петуха. Взгляни на него – будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух – повернется и сбежит».

Недеяние может состоять в подметании прутиком двора или плаца ломом, а также в делании *ничего*.

«– Это все я тоже люблю, – сказал Кристофер Робин, – но что больше всего я люблю делать – это... – Ну, ну? – Ничего. – А как ты это делаешь? – спросил Пух после очень продолжительного размышления. – Ну вот, спросят, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: “Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?”, а ты говоришь: “Да ничего”, а потом идешь и делаешь. – А-а, понятно, – сказал Пух. – Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничего. – А-а, понятно, – повторил Пух. Например, когда

просто гуляешь, слушаешь то, чего никто не слышит, и ни о чем не заботишься».

Когда люди вообще ничего не делают, тогда они просто живут – идут, спят, дышат, смотрят и т.п., т. е. все-таки действуют. Справедливо об этом говорится в «Бхагавад-Гите»: «Никто, даже на один миг, не может остаться истинно бездействующим, ибо все беспомощно влекутся к действию свойствами, от природы исходящими».

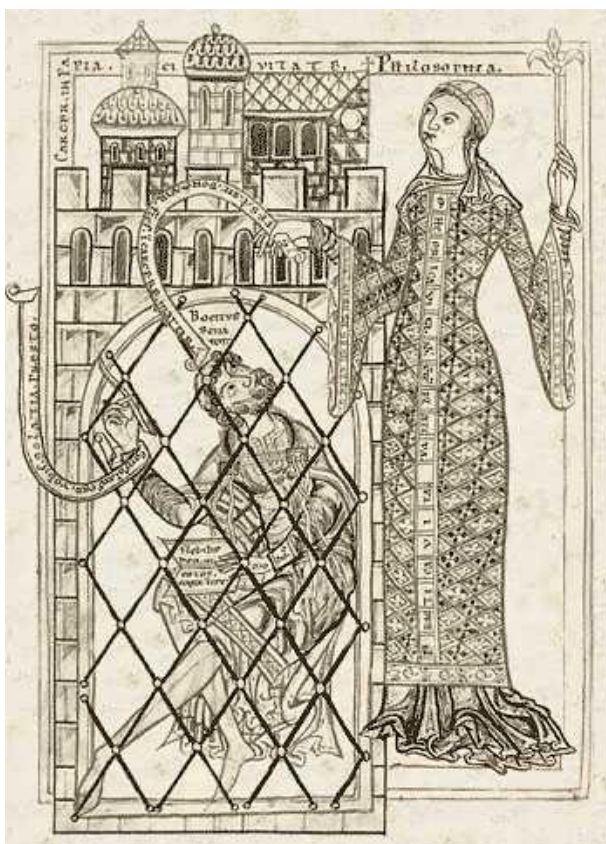
Согласно Бхагавад-Гите, мудрость состоит в том, чтобы видеть недеяние в действии и действие в недеянии. Принимая неизбежность действия, можно практиковать бескорыстную работу. Это означает делать свою работу самозабвенно и с полной отдачей.

Л.Н. Толстой высказывался в статье «Неделание» (1893) за трезвую оценку совершаемых действий «Пусть каждый усердно работает. Но что? – спрашивал он. – Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работал; полковник с обучения людей убийству, фабрикант – из своего заведения, где тысячи людей губят свои жизни над работой зеркал, табаку, водки. Все эти люди работают, но неужели можно поощрять их работу?». Толстой соглашается с Лаоцзы в том, что многие беды людей происходят не столько от того, что они не сделали того, что нужно, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать. И потому люди избавились бы от многих бед, если бы они соблюдали неделание.

8.4. Утешение философией

«Утешение философией» (*Consolatio philosophiae*) – сочинение Боэция (480–524), первого министра короля остготов Теодориха Великого. Сочинение написано в тюрьме, в ожидании казни по ложному обвинению в связях с византийским императором Юстином и заговоре против короля.

Отчаявшемуся Боэцию в темницу приходит Философия в виде цветущей женщины, одетой в плащ, на котором были начертаны буквы π – практика и θ – теория. Философия увещевает Боэция, напоминая о переменчивости фортуны и всемогуществе провидения. Философия, подбирая различные «лекарства» и последовательно предлагая их Боэцию, постепенно убеждает его в том, что все есть счастье.

Философия прибегает сначала к самому слабому лекарству, говоря: «У меня есть средства, которые исцелят тебя, – это прежде всего твое правильное суждение об управлении мира, которое, как ты считаешь, подчинено не слепой случайности, но божественному разуму. Не бойся ничего. Из этой маленькой искры возгорится пламя жизни». Апеллируя к разуму, она объясняет Боэцию, что утешать уже должно то, что в превратностях судьбы не пострадала его семья.

Подобным образом рассуждал Сенека, называвший философию лекарством для души. В отношении увечья он писал: «Сам посуди, до какой степени довольствуется сам собой тот, кто порой довольствуется и частью самого себя. Если болезнь или враг лишат его руки, если случай отнимет у него глаз, мудрецу хватает того, что ему осталось». В несчастье разумно сохранять спокойствие и не возмущаться, поскольку не ясны хорошая и плохая стороны происшедшего, а скорбь будет мешать разобраться в случившемся.

С литературными произведениями в жанре утешения античные философы обращались к родным или друзьям, потерявшим близких, помогая им справиться со своей скорбью. Эпикуру предлагал помнить формулу «тетрафармакона» («четверолекарствия»): «Бог не внушает страха; смерть не вну-

шает опасения; благо легко достижимо; зло легко претерпеваемо». Благодаря тетрафармакону возможно достижение состояния атараксии, т.е. бестревожности и невозмутимости.

Согласно Эпикуру, не стоит беспокоиться о смерти. Пока мы живы, смерти ещё нет, когда она приходит, то нас уже нет. Душа распадается на атомы, как и тело. Если считать душу бессмертной, то ее ждет перерождение и новая интересная жизнь.

Стоики практиковали упражнения в смерти. Эпиктет советовал: «Думай, что твой ребенок смертен, и ты не будешь огорчен его смертью. В отношении себя он замечал: «Если вы хотите отрубить мне голову сейчас, так пойдемте, я готов. Если же вы казните меня часа через два-три, так я пока пообедаю, потому что я проголодался; а там, в свое время, я и умру». Кроме того, он говорил: «Пусть смерть будет перед твоими глазами каждый день, и у тебя никогда не будет никакой низкой мысли, и никакого чрезмерного желания».

Максима римского императора-стоика Марка Аврелия гласила: «Поступать во всем, говорить и думать как человек, готовый уже уйти из жизни». Он писал, что каждое действие необходимо выполнять, как если бы оно было последним; или каждый день нужно проводить так, как если бы это был последний день. Тогда каждое новое мгновение, каждый новый день воспринимаются как нечаянная, неожиданная удача, новый шанс.

Исторически философия притязала на врачевание страстей, потому что беспорядочные желания, необоснованные страхи, беспокойство и озабоченность — главная причина страдания, мешающая человеку жить по настоящему. Философ стремится к апатии (бесстрастию) и призывает, как например, Спиноза: «Не плакать, не смеяться, но понимать».

По Платону, тирания желания дает о себе знать, прежде всего, во сне, когда дремлет главное, разумное и кроткое, начало души, а «начало дикое, звероподобное под влиянием сытости и хмеля вздымается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы это удовлетворить свой норов» («Государство»).

Чтобы предаться отдыху, необходимо укротить не только вожделеющее, но и яростное начало души – чтобы не отходить ко сну взволнованным и разгневанным. Платон советует соблюдать себя в здоровой воздержности, отходя ко сну, пробуждать свое разумное начало, потчевать его прекрасными доводами и рассуждениями, стремиться к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее. При таких условиях и проявлении пытливости человек «соприкоснется с истиной и меньше всего будут ему мерещиться во сне всякие незаконные видения» («Государство»).

А если страхи, безумства и незаконные видения все же тревожат во сне, то просыпаясь, следует в деталях припоминать беспокоящие фрагменты сна и тщательно рассудить, возможны ли были такие ситуации. Невозможное не существует, следовательно, это наваждения, которые после проделанной рефлексии должны исчезнуть. Контроль и критический анализ сновидений приводит разум в порядок и умеряет беспокойство.

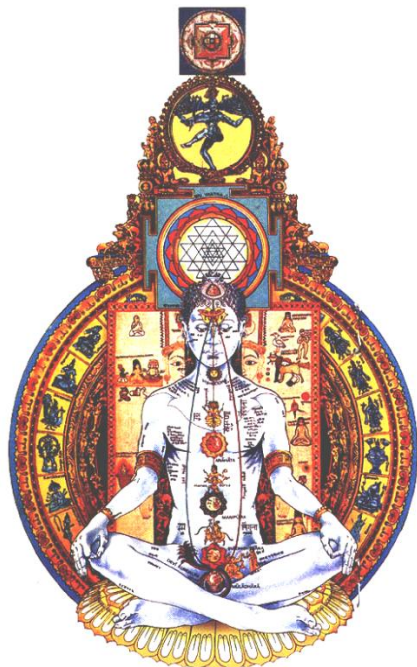
8.5. Йога

Йога (санскр. «соединение», «союз», «связь», «связывание») – практика единения человека с миром.

В «Упанишадах» говорится: «Вот правило для достижения этого: сдерживание дыхания, прекращение деятельности чувств, размышление, сосредоточенность, созерцательное исследование и полное слияние - это называется шестичастной йогой. Когда видя благодаря ей, просвещенный видит златоцветного творца, владыку, пурушу, источник Брахмана, то, освобождаясь от добра и зла он соединяет все в высшем неразрушимом».

Основы йоги изложены в «Йога-сутре» Патанджали (II в. до н.э.). Обычное состояние человека, согласно Патанджали, характеризуется рассеянностью сознания и чувством отделенности от мира, что становится корнем различных желаний и страстей, а их неудовлетворенность – источником

страданий. Йогой добиваются твердого владения чувствами. Когда прекращаются все желания, обитающие в сердце, то смертный достигает брахмана и становится бессмертным.

Избавление от страданий достижимо концентрацией всего нашего существа и сосредоточением сознания. Патанджали выделяет следующие *ступени сосредоточения сознания*: блуждающее, тупое, произвольно направленное, собранное в точку, остановленное. Только сознание, собранное в точку, высвечивает объект как он есть в реальности, уничтожает аффекты и ослабляет путы кармы.

Классическая йога основывается на последовательной реализации всех этапов *восьмеричного пути*: яма (обуздание и воздержание), нияма (соблюдение этических правил), асана (дисциплина тела), пранаяма (контроль дыхания), пратьяхара (контроль над чувствами), дхарана (созерцание или внимание), дхьяна (размышление или фиксированное внимание), самадхи (сосредоточение или полное самоуглубление, ведущие к озарению).

Патанджали советует: «Итак, пусть йоги культивируют дружелюбие по отношению ко всем живым существам, наслаждающимся счастьем, сострадание к тем, кто испытывает страдание, радость по отношению к добродетельным, беспристрастность к обладающим порочными склонностями. У того, кто возвращает свои чувства подобным образом, возникает “светлое” качество, а отсюда и происходит очищение сознания. Будучи очищенным, оно становится устремленным к одной точке и достигает стабильности».

Простейшей разновидностью йоги является мантра-йога, состоящая в рецитации (повторении) мантр. Рецитация чистого звука «Ом», сопровождаемая вибрацией, сбрасывает с человека путы сансары и позволяет пред-

принять действия, необходимые для воссоединения его с миром. Чистый звук Ом произносится 9-10 раз и направляется по телу человека.

Дыхательные упражнения йоги расширяют сознание человека, его понимание мира, что позволяет предпринять понимающие действия. Простейшим упражнением является практика непрерывного дыхания, сглаживающая различие между вдохом и выдохом. Для формирования непрерывного дыхания постепенно (на счет) и до предела удлиняются фазы вдоха и выдоха, а также промежутки между ними.

8.6. Хитрость разума

По определению Гегеля, данному в «Энциклопедии философских наук», хитрость состоит в опосредствующей деятельности субъекта, который, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет свою собственную цель. Так, бог предоставляет людям возможность действовать, как им угодно, не стесняя игру их страстей и интересов, но через эту игру добивается своей цели, отличной от целей тех, кем он пользуется.

По Гегелю, любое орудие и есть собственно хитрость. Первым орудием философа является канон – правило, применяемое к разнообразным обстоятельствам жизни. Сформулированные в кратких изречениях, эти правила усваиваются, медитируются и постоянно держатся под рукой. Философ пребывает в непрестанной бдительности, постоянном напряжении ума и в каждое мгновение применяет свое фундаментальное правило в обычных жизненных ситуациях жизни. Кроме того, исходя из этого правила, утром заранее определяется, что и как необходимо сделать в течение дня; вечером обдумываются допущенные ошибки или достижения; и, на следующий день, утром исследуются сны.

Естественно, применяемые средства должны варьироваться в зависимости от ситуации. Пифагор, разговаривая с детьми, применялся к детской речи, беседа с женщинами, приспособлялся к ним, общаясь с властями, приноравливался к ним, обращаясь к юношам, – к юношам. Мудрец для каждого находит свой род мудрости, тогда как глупец к разным людям обращается одинаково.

Хитрость находила свое применение как в деятельности софистов, так и в военном искусстве при реализации стратагем. «Для хитрости дело чести, – писал Гегель – так ухватить слепую силу, с одной стороны, чтобы повернуть последнюю против себя самой, напасть на нее, схватить ее как определенность, действовать против нее или принудить ее как движение возвратиться к самой себе, снять себя». Таким способом хитрость малым усилием управляет целым.

Кант во время Семилетней войны читает лекцию российским офицерам

Например, стратагема № 7 из знаменитых древнекитайских 36 стратагем гласит: «Извлечь нечто из ничего». Применением данной стратагемы противник мистифицируется и провоцируется на неадекватные действия.

Древнекитайские стратагемы во многом основываются на учении даосизма, на его стратегии непрямого действия. Так, в «Дао дэцзин» говорится: «Лишь уступая и отказываясь, можно измениться. Лишь проявляя мягкость и податливость, можно добиться успеха». Особое значение имеет даосская концепция недеяния. Она представлена, например, в стратагеме № 4 «В покое ожидать утомленного врага», – и в стратагеме № 9: «Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров».

Стратагема № 11 «Сливовое дерево засыхает вместо персикового» предписывает пожертвовать малым, чтобы выиграть нечто большее. Согласно Гегелю, так поступает в своей хитрости мировой разум, который заставляет действовать для себя страсти, причем индивидуумы приносятся в жертву, но всемирная история достигает тех результатов, которые никто из участников не предвидел и не хотел.

Любопытно, что хитрость гегелевского мирового разума выявляет подлинное лицо участников событий. На свет сознания вынужденно выносятся то, каковы все есть в себе и для себя. Поэтому хитрость есть великое умение, во все полноте доступное только мудрости.

Скептически в отношении хитрости высказывался Локк, называвший ее обезьяньим подобием мудрости. «Хитрость, – писал он – есть только отсутствие разума: не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямо, она пытается добиться их плутовскими и окольными путями; и беда заключается в том, что хитрость помогает только раз, а потом всегда лишь мешает. ... Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество. И после того как хитрец разоблачен, всякий его боится, никто ему не доверяет, и все охотно объединяются против него, чтобы нанести ему поражение. Между тем человеку открытому, честному и мудрому никто не ставит препятствий, и он идет к своей цели прямым путем» («Мысли о воспитании»).

Против данного довода Локка можно выдвинуть ряд возражений. Так, хитрость может быть настолько эффективной, что породит долгосрочные не-

обратимые последствия, и объединяться будет уже некому и незачем. Кроме того, после применения одной хитрости ничто не мешает применить другую. Поэтому обучение искусству хитрости представляется необходимым. В заключение приведем наизидание из «Дао дэцзин»: «Управление ненавязчивое и скрытое делает людей безыскусно простыми. Управление явное и дотошное портит и калечит людей».

8.7. Великое делание

Наряду с практиками аскезы и недеяния некоторые философы занимались «великим деланием» - изготовлением из первоматерии универсального инструмента философии – философского камня. Философский камень (лат. lapis philosophorum) – порошок, превращающий неблагородные металлы

в золото. Поскольку процесс превращения несовершенных металлов в совершенный подобен излечению металлов, то философский камень в растворенном состоянии (эликсир жизни) должен бы исцелять все болезни и давать бессмертие.

Представление о цели философии как поиске философского камня было широко распространенным. Так, предваряя свой труд «Основы философии», Т. Гоббс предупреждал: «О философии, основы которой я здесь собираюсь изложить, ты, любезный читатель, не должен думать как о чем-то, при помощи чего можно раздобыть философский камень, или как об искусстве, которое представлено в трактатах по метафизике. Философия есть скорее естественный человеческий разум, усердно изучающий все дела творца, чтобы найти и сообщить бесхитростную правду об их порядке, их причинах и следствиях. Философия есть дочь твоего мышления и всей Вселенной, и

живет в тебе самом, правда, в еще не ясной форме подобно матери Вселенной в период ее бесформенного начала».

Важно отметить, что великое делание осуществлялось в практиках алхимии¹. Основное кредо алхимика: «Освободить дух посредством материи и освободить материю посредством духа». Как агенты, участники и процедуры великого делания рассматривались *prima materia*, философская ртуть (душа первоматерии) и философская сера (дух первоматерии), азот, киноварь и масло философов, философский сосуд, философское яйцо, философский брак, философский андрогин и пр.

Даосская внешняя алхимия заключалась в приготовлении эликсиров бессмертия в основном из золота и киновари. Даосы как бы создавали в своих сосудах модель взаимодействия стихий космоса – микрокосм, а затем трансформировали его. Предполагалось, что в макрокосме для образования эликсира бессмертия требуется 4320 лет, то в реторте этот процесс протекает за один год.

По мере развития даосизма минералы стали пониматься как символы внутренних процессов в организме, и развитие получила внутренняя алхимия, включавшая в себя элементы йоги, медитации, дыхательной гимнастики, визуализации и ритуала (*цигун*). Даосы считали, что тело человека изоморфно макрокосмосу, что позволяет психофизическими упражнениями из соков и энергий собственного тела даоса создать эликсир бессмертия и зародыш нового бессмертного тела.

Тигль человеческого тела может воспламеняться, например, следующим дыхательным упражнением: сделав вдох через нос, дальше следует делать выдох как бы через отверстия ушей, в действительности выдыхая через нос практически незаметно, т.е. так, чтобы не потревожить даже лебяжий пух у ноздрей. После 7–8 вдохов-выдохов в тигле тела начнет воспламеняться

¹ Наиболее основательный обзор философского содержания алхимии см.: Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998.

огонь. Для его устойчивого поддержания данное упражнение выполняется вечером на протяжении четырех дней.

В александрийской философии представление о *lapis philosophorum* как предмете философии соединялось с представлением о философском яйце (семени, эмбрионе), который взращивает в себе алхимик, добывая философский камень. «Посвященный сам должен превратиться в Философский Камень».

Масоны символически интерпретировали становящуюся личность как «дикий камень», подлежащий обработке. Из черной храмины относительного небытия, хаоса элементов (*ordo ab chao*) рождается философский камень. Добывая философский камень, алхимик, очищает и возвышает себя, проходит путь инициации – «путь от мрака к свету, от свинца к чистому золоту, от невежества к мудрости».

Базовой практикой великого делания является приведения себя в состояние хаотичности, когда человек не может определиться среди огромного количества возможностей: «Совершенствуйся, в хаос привычки смешав, так умеряя блеск ... Ясность и мрак восстают из непостижимого для человека» (Чжан Бо-дуань «Главы о прозрении истины»). Требуется научиться решать, что нужно, а что не нужно. Необходимо выстроить свое отношение и занять определенную позицию, которая могла бы быть удержана, усилена и сохранить устойчивость в последовательности действий. Насколько ответственно человек подойдет к началу, настолько и проявятся возможности продолжения.

8.8. Делание добра

Одним из прозрений мудрости был образ мира, в котором человек – это былинка на Земле, затерянной во Вселенной. Действия людей в таком мире кажутся суетными и ничтожными, но грозящими уничтожением уникальной

природы родной планеты. «Так в американском темпе жизни миллионы людей в Америке и Европе суетятся, делают дела, стараются обогатиться и в итоге все сообща неутомимым трудом создают – пустыню, в которой изнемогают от зноя и погибают от духовной жажды», – писал Семен Людвигович Франк (1877–1950) в работе «Смысл жизни» (1925). Очевидно, что в таких условиях есть такое единое великое *общее дело*, которое спасет мир человека.

Алармизм, тревога за будущее Земли демонстрирует творческий потенциал человечества, его готовность существовать и развиваться вместе с родной планетой. Каждый в своей жизни решает вопрос «Что я должен делать?» Решает он его постоянно, в конкретных жизненных обстоятельствах и в определенные моменты времени. При этом для человека важно чтобы ближайшие и отдаленные последствия его деятельности не обернулись против других и опосредованно – против него. «Совершая добро – не умножай зло», – таков закон добра.

Для этого требуется чувство общности с окружающим миром, которое достигается самоуглублением личности. Это углубление открывает основания личностной идентичности, утверждает ее тождество себе и другим. Таким образом становится понятным и свое поведение и поведение окружающих, что расширяет возможности общения и конструктивного, доброго действия. Люди разобщены между собою только на поверхности, но связаны в своей глубине; поэтому всякое углубление ведет к расширению, преодоление перегородок, отделяющих людей друг от друга. Франк формирует закон постоянного соотношения между глубиной личности и широтой ее влияния: «...чем глубже человек уходит во внутрь, тем более он расширяется и, обретает естественную и необходимую связь со всеми остальными людьми, со всей мировой жизнью в целом». Гений, личность, углубленная в себя и идущая своим путем, понятен позднейшим поколениям и отдаленным народам, потому что из своих глубин он извлекает общее для всех. По Франку, наибольшая общность и солидарность достигается в глубине.

Французский философ Эмманюэль Мунье (1905–1950) обращал внимание, что, добывая себя в глубинах, личность возрастает и выносит себя во вне («Что такое персонализм?», 1946). Утверждать себя – значит отдавать себя миру. Личность есть существование, способное к самоотдаче и коммуникации: Я существую в той мере, в какой существую для другого, существую в общности с другим, существую в другом для него и для себя. «Я – это Ты», – говорит суфийская мудрость.

Мунье (в центре) с Лакруа и Доменаком, коллегами по журналу «L'Esprit» («Дух»)

По Франку, благодаря самоуглублению тихо и незаметно, в стороне от шума, суеты и борьбы общественной жизни личность добывает, взращивает и накапливает в себе силы добра, без которых все остальные дела становятся бессмысленными или вредными. Но добывает и накапливает добро только подвижник, совершающий будничный, повседневный подвиг. «Сегодня, сейчас, – писал Франк, – трудно побороть и уничтожить свою слабость, трудно уделить нищему и больному минуту внимания, помочь ему и немногим, трудно заставить себя выполнить и небольшое нравственное дело. Но именно это небольшое дело, это преодоление себя, хотя и в мелочи, это хотя бы ничтожное проявление действенной любви к людям есть моя обязанность...».

Гегель был скептичен по отношению к прекрасным порывам: «Что же касается поучения, каким мир должен быть, то к сказанному выше можно добавить, что для этого философия всегда приходит слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь после того, как действитель-

9. Герменевтика

Понятие герменевтики. – Смысл. – Экзегеза. – Герметизм. – Герменевтический круг. – Импликация и экспликация. – Интерпретация. – Объяснение.

9.1. Понятие герменевтики

Герменевтика – учение о понимании. Термин происходит от имени древнегреческого бога Гермеса – вестника богов, возвещавший волю богов Олимпа людям, а также передававшего просьбы людей богам. Гермес был покровителем глашатаев, послов, пастухов и путников. Он также хитрый бог купцов, воров и обманщиков. Считалось, что Гермес создает у людей сны, которые могут быть истолкованы.

В истории герменевтики наибольшее развитие получили библейская, филологическая, художественная и юридическая отрасли герменевтики. Герменевтика применяется в медицине при интерпретации анамнеза, в археологии – памятников и материалов раскопок, в социологии – данных опросов, в психоанализе – историй пациентов и т.п.

Юридическая герменевтика развивалась в средневековых итальянских школах глоссаторов и постглоссаторов, а также во французской историко-филологической школе права. Голландский юрист Гуго Гроций (1583-1645) в главе «О толковании» своего произведения «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» (1625) рекомендует:

- ☞ пользоваться обычным народным употреблением слов;
- ☞ из слов, имеющих большой спектр значений, выбирать слово с более широким и основным значением, так как к нему будет отнесено и искомое;
- ☞ использовать термины, объясненные самим законом (т. е. в прямом значении), и избегать переносных значений;

☞ допускать фигуральные выражения при простых обстоятельствах.

Немецкий философ Фридрих Шлейермахер (1768–1834) наряду со специальными герменевтиками предложил выделить общую герменевтику как искусство понимания. Он сформулировал 7 правил герменевтики:

- 1) необходимо уловить общий смысл и композицию произведения;
- 2) увидеть связь целого и частей;
- 3) понять особенности стиля автора;
- 4) учитывать, что это понимание не может быть абсолютным и исчерпывающим;
- 5) приблизиться к индивидуальному миру автора, составить представление о его личности и жизни;
- 6) сочетать интуитивный и аналитический подходы;
- 7) учитывать как содержание текста, так и кому он был адресован.

Шлейермахер выдвинул *принцип «лучшего понимания»*. По его мнению, герменевт может понять текст и его автора лучше, чем тот сам понимал себя и свое творение. Герменевт лучше самого автора знает его текст и его мир, бессознательные мотивы и факторы его творчества.

Итальянский юрист и философ Эмилио Бетти (1890–1968) сформулировал четыре фундаментальных герменевтических канона:

- 1) *Канон автономии смыслового содержания*: его нужно постичь во всей инаковости, независимо от нашего отношения и без подмены собственными значениями.
- 2) *Канон смыслового контекста, или принцип целостности*: соотнесенность частей текста друг с другом и с целым.
- 3) *Канон актуальности понимания*: учитывать зависимость смысла от субъективности интерпретатора.
- 4) *Канон смыслового соответствия*: готовность отказаться от собственных предрассудков и мыслить конгениально автору.

Толкование – формирование понимания. Оно имеет свое предвзятие, свое предусмотрение и свое предрешение. Поэтому в герменевтической ситуации важны толки. Но важнее толкование делом. Итальянский юрист и философ Джамбаттиста Вико (1668–1744) в труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) писал: «Но в этой густой ночной тьме, покрывающей первую, наиболее удаленную от нас Древность, появляется вечный, незаходящий свет, свет той Истины, которую нельзя подвергнуть какому бы то ни было сомнению, а именно, что первый Мир Гражданственности был, несомненно, сделан людьми. Поэтому соответствующие Основания могут быть найдены (так как они должны быть найдены) в модификациях нашего собственного ума. Всякого, кто об этом подумает, должно удивить, как все Философы совершенно серьезно пытались изучать Науку о Мире Природы, который был сделан Богом, и который поэтому он один может познать, и пренебрегали размышлением о Мире Наций, т. е. о Мире Гражданственности, который был сделан людьми и Наука о котором поэтому может быть доступна людям». Это высказывание содержит так называемую *аксиому Вико*, согласно которой мы, понимаем лишь то, что в состоянии сами сделать.

9.2. Смысл

Понимание означает выявление и фиксацию смысла. Смысл имеют не только выражения, которые что-то означают и выражают, но и сама действительность. Любое событие есть следствие и представляет причину. Поэтому событие – это след. Как репрезентант причины след содержит представление, запечатленную информацию о свершившемся и происходящем. События – это знаки, которые могут быть истолкованы с помощью подходящего словаря.

В древности возник образ «Книги природы» – представление о мире как тексте. Античная астрология уподобляла звёздное небо письмам, содержащим некоторое сообщение. Представитель александрийской школы

патристики Афанасий Александрийский (298-373) писал: «Ведение о Боге можно заимствовать от видимого; потому что тварь порядком и стройностью, как бы письменами, дает уразуметь и возвещает своего Владыку и Творца».

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков!

Итальянский физик и философ Галилео Галилей (1564-1642) полагал, что великая книга природы написана на языке математики. Предположение Галилея не исключает и того, что книга природы написана на разных языках. Поэтому мир не имеет какого-нибудь одного смысла, но содержит бесчисленные смыслы. Ф. Ницше замечал: «Множественность объяснений

есть признак силы. Не стремиться оспаривать у мира его беспокойный, загадочный характер!»

Смысл есть соединение мыслей, представлений. В результате возникает общность мысли – сознание как совместное знание. Эффект общности смысла и осмысленного выражается концептом здравого смысла. В философии к осмыслению предъявляется требование здравости. *Здравый смысл* (*sensus communis*, *bon sens*, *good sense*, *common sense*) – чувство общности; общее чувство истины и права; единство общего разума; способность исходить в своем суждении как бы из всеобщего человеческого разума.

Гуманист Салмазий определял здравый смысл так: «Умеренный, общепринятый и надлежащий человеческий разум, который всячески печется об общественных делах, а не обращает все к своей пользе, и также имеет уважение от тех, с кем общается; о себе полагает скромно и мягко». Здравый смысл признает осмысленными только то, что может получить общее признание и, следовательно, объяснимо на естественном языке (или построенном на его

основе искусственном языке), оправдывает сложившиеся предрассудки, укоренено в традиции и не противоречит авторитетам.

Богатство языка, разнообразие предрассудков и традиций создает смысловое поле, работа в котором требует соблюдения определенных правил. Кант в «Критике способности суждения» (1790) сформулировал три максимы здравого смысла: 1) свободный от предрассудков образ мыслей (иметь собственное суждение); 2) широкий образ мыслей; 3) последовательный образ мыслей (всегда мыслить в согласии с собой).

При решении вопросов смысла жизни, истории, любви и труда и т.п. важно следовать этим требованиям. Это означает, смысл в любом случае есть. Он проявлен в текстуре феноменов. Данный смысл был принят и оправдан самим существованием. Этот смысл не завершен и подлежит дальнейшему раскрытию. А здравомыслящая личность становится его репрезентацией.

9.3. Экзегеза

В Древней Греции *экзегет* – толкователь священного права, прорицаний, старинных установлений и обычаев. В Спарте был экзегет для истолкования законов Ликурга. В Афинах было два экзегета: один избирался пожизненно народным собранием, другой назначался по указанию Дельфийского оракула. Позднее должность экзегета стала наследуемой.

Предметом толкования были изречения оракулов, традиции прошлого, смысл которых постепенно утрачивался, а также законодательные нормы, которые в силу несовершенства языка, лаконизму стиля и неопределенности требовали разъяснений. Кроме этого, экзегет решали вопросы ритуальных очищений, например, очищения убийц. Экзегетами также называли проводников, показывавших городские достопримечательности и толковавших надписи на стенах старинных храмов.

В речи Демосфена «Против Эверга и Мнесибула по обвинению в лжесвидетельстве» приводится следующий пример обращения пострадавшего к экзегетам: «Когда она скончалась, я пошел к экзегетам, чтобы узнать, как поступать в этих обстоятельствах. Я рассказал им обо всем, что произошло – и о приходе этих людей, и о преданности этой женщины, и как она жила у меня в доме, и как она погибла из-за чашки, которую не хотела выпускать из рук. Услышав от меня все это, экзегеты спросили, изъяснить ли им только нормы права или дать мне также и совет. На мою просьбу сделать и то, и другое, они сказали: “Мы изъясним тебе священные установления и посоветуем то, что будет полезным. Первым делом, если у этой женщины есть какой-либо родственник, пусть он шествует в погребальной процессии с копьем, а у могилы сделает торжественное заявление. Затем нужно охранять могилу в течение трех дней. А тебе мы советуем следующее: так как ты сам не присутствовал при избиении, а были при этом только твои жена и дети, других же свидетелей у тебя нет, не называй в своем заявлении никого по имени, а называй их “совершившие убийство”. Далее, не вчиняй иск у архонта-царя. По закону ты не имеешь на это права. Ведь судя по тому, что ты говоришь, эта женщина не состоит с тобой в родстве, и она не рабыня тебе. А законы предписывают возбуждать преследование только в этих случаях. Если ты принесешь клятву у Палладия, ты сам, твоя жена и твои дети, призвав проклятье на себя и на свой дом в случае ее лживости, то многие посмотрят на тебя с осуждением. Если же после этого убийца не будет осужден, будет считаться, что ты клятвопреступник. Если же ты одержишь верх, то вызовешь раздражение. Итак, совершив очищение самого себя и дома, тебе следует сносить постигшую тебя беду как можно терпеливее, а возмездие ищи, если ты этого все-таки хочешь, другим способом”. Услышав это от экзегетов и изучив начертанные на стеле законы Драконта, я стал советоваться с друзьями о том, что делать. Так как они говорили мне то же самое, я совершил все, что следовало по разъяснению экзегетов сделать в моем доме, а в том, что согласно законам не касалось меня, воздерживался от каких-либо действий».

Позже экзегетикой стали называть мастерство толкования смысла литературных текстов. По экзегетике понимание достигается исследованием языка текста, изучением исторических реалий, вскрытием аллюзий, намёков и реминисценций, психологической аналитикой и учетом закономерностей формы произведения.

Ранняя экзегетика ограничивалась этимологическим анализом. В «Этимологиях» Исидория из Севильи (VII в.) содержатся следующие определения: «Право – это общее наименование, закон же – это частный случай права. Слово же «право» (ius) говорится от того, что оно является справедливым (iustum). Все же право состоит из законов и обычаев. Закон – это писанное постановление. Обычай (mos) – это испытанное долгим временем обыкновение, т. е. неписанный закон. Ведь закон (lex) зовется так от необходимости его чтения (a legendo), т. к. он записан».

Сформировавшаяся у отцов христианской церкви зрелая экзегетика исходила из того, что один и тот же текст имеет несколько смыслов, которые наслаиваются друг на друга. Климент Александрийский (150–215) полагал, что существует пять смыслов в Писании: исторический, вероучительный, пророческий, философский и мистический.

В средние века считалось, что каждый библейский отрывок имеет четыре смысловых уровня, что нашло отражение в популярном четверостишии:

Нам буква говорит, что делал Бог и праотцы,
А аллегория – где веры нашей спрятаны концы.
Мораль дает устав на каждый день,
Аналогия освещает смерти тень.

Например, буквально Иерусалим – это город; аллегорически он обозначает Церковь Христову; в нравственном плане он представляет человеческую душу; аналогически – указывает на небесный Иерусалим.

В целом истории экзегетики поляризовались себя две школы толкования:

1) александрийская – исторического толкования путем введение контекста изображаемой эпохи;

2) антиохийская – символически-аллегорического толкования путем приписывание знаку нового значения, корнящегося не в системе представлений, данных в тексте, а в мире представлений воспринимающего текст истолкователя.

Следуя библейскому положению «Буква убивает, а дух животворит», св. Августин предпочитал аллегорическое толкование Писания. Поздняя (или спекулятивная) экзегетика допускала настолько вольное толкование текста, что фактически создавала новый оригинальный текст. В результате *экзегеза* («вычитывание» смысла из текста) переходит в *эйзегезу* («вчитывание» смысла в текст)

В цивилистике школа экзегезы сложилась в первой половине XIX в. во Франции. Согласно учению французских экзегетов, комментировавших Кодекса Наполеона, все право содержится в законе, а юрист должен извлечь его оттуда, следуя за волей законодателя. Для этого достаточно провести грамматический анализ текста закона и проследить историю его создания. Результатом деятельности экзегетов стали многотомные постатейные комментарии к Гражданскому кодексу: А. Дюрантон написал «Курс французского права в последовательности статей Гражданского кодекса» в 19 томах, Ш. Демолемб – «Курс Кодекса Наполеона» в 31 томе.

9.4. Герметизм

Герметизм (герметическая философия) – философское учение, восходящее к египетскому мудрецу Гермесу Трисмегисту (т. е. «Трижды величайшему»), воплощению древнеегипетского бога мудрости и знаний Тота. Герметизм стал основой неоплатонизма, гностицизма, естественнонаучного материализма и учений религиозно-мистических обществ тамплиеров, розенкрейцеров, масонов, иллюминатов, теософов и пр.

Герметизм был особенно популярен в эпоху Возрождения. Энтузиазм вызывали слова Гермеса Трисмегиста «Человек есть великое чудо – живое существо, достойное нашего поклонения и уважения... Ему доступно все и даже само небо более не кажется ему слишком высоким, ибо проницательность его

ума словно бы сближает их; его мыслящее око не помрачается замутненностью воздуха, тяжесть земли не препятствует его работе, пучина вод не останавливает его взор. Он становится всем и при этом остается самим собой» («Асклепий»).

Сторонники герметизма были убеждены, что все наиболее разумные люди всех времен согласны между собой в большинстве главных вопросов: «Истина истине противоречить не может». Поэтому царит вселенское согласие.

Согласно учению герметизма, мир един. В мире все взаимосвязано. Поэтому звезды и планеты воздействуют как на мир (макрокосм), так и на человека (микрокосм). Бог присутствует в вещах и в уме человека. Познавая себя, человек познает и Бога. Слово человека пронизано энергией Божественного Слова, что делает возможным воздействие человеческого слова на мир.

Семь принципов герметизма включают:

Принцип ментализма. Все есть ум и имеет смысл.

Принцип соответствия (анalogии). То, что находится внизу, аналогично тому, что находится наверху

Принцип вибрации. Ничто не находится в покое. Все сущее подвижно, только небытие неподвижно. Всё движется, всё вибрирует с различной интенсивностью.

Принцип полярности. Всё двойственно и полярно, всё имеет нечто противоположное себе. Но полярные состояния различны лишь в степени и связаны промежуточными состояниями, вследствие чего крайности сходятся и превращаются друг в друга.

Принцип ритма (периодичности). Всё вытекает и втекает; всё имеет свои приливы и отливы; все вещи возникают и приходят в упадок; мера размаха направо есть также и мера размаха налево; в силу ритма одно компенсируется другим.

Принцип причинности. Всякая причина имеет своё последствие; всякое последствие имеет свою причину; всё совершается сообразно закону; случай есть лишь название, даваемое нами законам, ещё не познанным нами; есть много плоскостей причинности, но ничто не ускользает от закона.

Принцип двойственности активного и пассивного начал. Во всём есть активное (мужское) и пассивное (женское) начала.

Указывая на изменчивость вещей, Гермес Трисмегист, задавался вопросом: «Эти вещи, которые не истинны даже по отношению к себе самим, как они могут быть истинными вообще? Ведь всякая изменяющаяся вещь есть обман, поскольку она не остается в своем существовании, но переходит из одной формы в иную, все время представляя нам новые формы». Так как истинное состоит только из самого себя и сохраняется таким, какое оно есть, то даже человек не вечен и не истинен. Поэтому все обманчиво, и его постигнуть трудно.

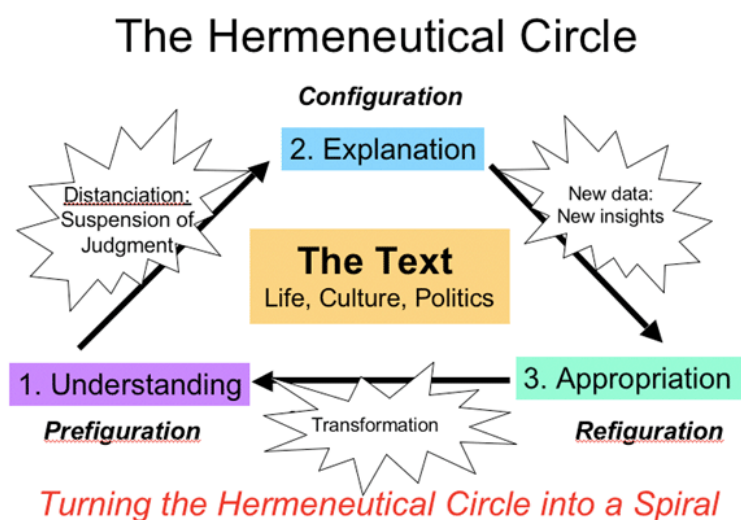
Обманчивость мира постигается. Движение мысли, совершающееся предельно интенсивно, достигает состояния постоянного пребывания в сливающихся друг с другом мгновениях смысла.

9.5. Герменевтический круг

Герменевтический круг – круг понимания, возникающий из-за предвзятости любого толкования. «Толкование – никогда не беспредпосылочное

схватывание предданного», – писал Хайдеггер в «Бытии и времени». Первоначальное толкование подтверждает исходное *предмнение*, совершая тем самым логический круг.

Понимание рассматривают как циклическое, возвратно-поступательное движение. Ф. Шлейермахер говорил о двойственности, напоминающей круг:

целое понимается только из единичного, а единичное – только из целого. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя понимание целого постоянному развитию.

Циркулярной герменевтической деятельности присущи:

- скрупулезность в толковании единичного и обзорность в представлении о целом;
- наличие предварительное понимания – *предпонимания*, которое берется из общего знания языка;
- иерархичность понимания: слова – предложение – текст – творческое наследие автора – духовная жизнь автора – духовная жизнь эпохи – историчность эпохи;
- векторность понимания: понимающее движение, например, от текста – к жанру;
- обусловленность понимания самопониманием;
- относительная завершенность понимания;
- движение по расширяющимся или сужающимся концентрическим кругам, образующим герменевтическую спираль.

Критерием правильности понимания является согласованность в понимании целого и его частей. Эта согласованность должна уточняться и укрепляться, расширяя смысловое поле, углубляя понимание всего, что включается в герменевтическую спираль.

Исходная проблема герменевта состоит в том, как правильно войти в герменевтический круг. По мнению Гадамера, необходимой предпосылкой и

Гадамер и Хайдеггер

условием понимания являются «законные предрассудки», отражающие историческую традицию, формирующие исходную направленность понимания и включающие нас в «свершение традиций». Об ориентирующей роли тради-

ции писал немецкий физик В. Гейзенберг: «...нам нужны понятия, при помощи которых мы могли бы ближе подойти к интересующим нас явлениям. Обычно эти понятия берутся из истории науки; они подсказывают нам возможную картину явлений. Но если мы намерены вступить в новую область явлений, эти понятия могут превратиться в набор предрассудков, скорее тормозящих прогресс, чем способствующих ему. Однако и в этом случае мы вынуждены использовать их и не можем преуспеть, отказавшись от понятий, переданных нам традицией».

Этимологически понятие предрассудка (*praejudicio*) означает предрешение», т.е. решение принятое до начала суда на основании предыдущих судебных решений. Предрассудок – это древняя Правда, о чем писал Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844):

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его, потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменной,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

1842

Требование придерживаться модели герменевтического круга содержит статья 431 «Толкование договора» Гражданского кодекса Российской Федерации. В ней говорится: «При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон».

9.6. Импликация и экспликация

Как говорил персонаж кинофильма «Двенадцать мгновений весны» Генрих Мюллер: «Ясность – одна из форм полного тумана». Привычные нам понятия включают так много подразумеваемого, что их адекватное понимание требует дополнительных пояснений.

Импликация (лат. – спутанность, переплетение) – конвергенция, сращение смыслов, состоящее в том, что один смысл предполагает или соплагает другой. Например, понятие отца имплицитно предполагает понятия матери, детей и др.

Сократ, витающий в облаках
(Аристофан «Облака»)

Имплицитность вызвана тем, что все не скажешь, да и не следует говорить, и в то же время одним словом можно выразить все. А то, что и так ясно, не требует вербализации. Поэтому импликация применяется в психотерапии, пропаганде, рекламе, искусстве и пр.

В импликате информация сжата, но для ее восприятия необходима распаковка с учетом всех составляющих

коммуникативной ситуации. При общности познавательного опыта это не трудно сделать. А при конфликте интерпретаций и наличии сбоя в коммуникации необходима экспликация.

Экспликация (лат. – развертывать, распутывать, раскрывать) – дивергенция смыслов в виде раскрытия содержания, пояснения. Это может быть расшифровка символов и условных знаков, этимологическая справка, определение, описание и т.п. В киноискусстве экспликация оператора-постановщика представляет собой серию рисунков, экспликация звукорежиссёра графически изображает фонограмму, экспликация режиссёра-постановщика является замыслом работы с будущим фильмом.

В философии под экспликацией понимается замещение неточного понятия более точным понятием. Кант в работе «Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали» (1764) писал, что дело философии – расчленять понятия, данные в смутном виде, делать их развитыми и определенными. Впрочем, Кант констатировал, что философы до сих пор не смогли объяснить простые и всем известные понятия времени и свободы.

Гадамер окончательное определение философских понятий считал неразрешимой проблемой – проблемой окказиональности. *Окказиональность* – это зависимость от конкретного случая, в котором использовано понятие. Смысл многих, если не всех выражений (например: «здесь») не содержится в

них полностью, так как его значение определяется конкретным случаем, *occasio*, в связи с которым оно высказано. Поскольку не все еще случилось, то и осмысление не закончено.

Имплицитность высказываний, по Гадамеру, играет важную роль в юридической практике. Вопросы свидетелю задаются таким образом, что он не знает, почему они заданы. «Ведь показания свидетеля только потому и ценны, – пишет немецкий философ, – что он не имеет целью ни осудить, ни оправдать обвиняемого и не подозревает о хитросплетениях дела» («Язык и понимание»). Благодаря таким вопросам, мучительным для опрашиваемого, включается фикция чистого констатирования фактов в свидетельских показаниях.

Трудности экспликации ведут к сосуществованию в коммуникации имплицитного и эксплицитного уровней знания. Имплицитность неустранима и только в случае необходимости дополняется экспликациями.

Так, в праве принято различать классический контракт и имплицитный контракт. В классическом контракте (например, контракт о продаже) четко и исчерпывающе определены все условия взаимодействия. В отношениях найма и брачных отношениях большое значение имеет имплицитный (не оговоренный до конца) контракт, который исключает четкое определение условий взаимодействия, а стороны контракта рассчитывают на их спецификацию в самом ходе реализации контракта. Сторонами молчаливое признают взаимные обязательства, которые не обеспечены юридической защитой, рассчитывая на накопленный опыт взаимодействия и заинтересованность в продолжении отношений.

9.7. Интерпретация

Интерпретация – конституирование смысла. Казалось бы бессмысленное, не имеющее смысла, обретает его в результате интерпретационной деятельности. Интерпретируются факты и события, формулы и символы, сновиде-

дения, нормативные акты и художественные произведения, памятники культуры и др.

В исполнительских видах искусства (музыка, литературное чтение, театр и т.д.) исполнители вариативно актуализируют возможный смысл произведения. Сергей Рахманинов писал: «Главное вот что: содержание каждого музыкального произведения настолько обширно и многогранно, в нем заложено столько разнообразных возможностей, что каждый исполнитель играет его по-своему. Он может подчеркнуть грацию или мечтательность, сыграть строже или свободнее, выделить исполнением основную мелодию или окружить ее мельчайшими мотивами-подголосками аккомпанемента... Может по-своему расставить смысловые акценты, что-то выделить динамически, где-то немножко ускорить или замедлить темп, и музыка зазвучит совсем иначе».

Без исполнительской интерпретации произведение искусства имеет неопределенный смысл. Интерпретатор ограничивает и выделяет этот смысл, конституирует его. Он выступает посредником в длинной цепочке интерпретаторов, которая включает автора, переводчика, продюсера, режиссера-постановщика, дирижера, оператора, собственно исполнителя, критика, а также публику. В результате интерпретативной деятельности образуется множество смыслов, интерферирующих друг с другом. Заключительная интерпретация оказывается интерпретацией интерпретаций.

Конституируя смысл, интерпретация способна изменить предмет. При презентации, в зависимости от условий показа, произведение может оказаться совсем «другим». В реставрационной деятельности интерпретация завершается прямым вмешательством в предмет, его дополнением и реконструкцией. Благодаря изменению произведение сохраняется и продолжает жить в свершившейся интерпретации.

Возвращение в Филадельфию из посольства во Францию Бенджамена Франклина, философа и одного из авторов Конституции США (1785, by Jean Leon Gerome Ferris).

Так, в истории Верховного суда США при осуществлении конституционного контроля традиционно проводилась политика «оригинализма» – выяснения первоначального (оригинального) намерения отцов-основателей при осуществлении толкования тех или иных положений Конституции для принятия решения по делу. Предполагалось, что Конституцию можно постичь разумом, что ее положения достаточно конкретны, определены и ясны при хорошем прочтении.

С другой стороны, в отдельные периоды своей деятельности Верховного суд США проводил политику «активизма» – творческой интерпретации статей Конституции с учетом конъюнктуры и личных предпочтений. Например, в деле *Olmstead et al. v. United States* (1928) толкование Четвертой Поправки, гарантирующей право на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов (изъятий), было распространено на подслушивание телефонных переговоров как акт изъятия устной речи.

Интерпретация вписывает событие в смысловое поле, в котором это событие и приобретает какой-то смысл. Ожидая обнаружить в событии определенный смысл, интерпретатор подбирает подходящую интерпретативную схему («набросок смысла»), которая затем заменяется или уточняется. Интерпретативная схема апплицируется, факты приобретают внутреннюю связь и концептуально нагруженное содержание.

Теоретические конструкты интерпретируются при помощи операциональных определений, т.е. указанием ситуаций, в которых можно эмпирически зафиксировать теоретически значимые различия.

Теоретические конструкты могут быть интерпретированы в терминах другой теории, благодаря чему они становятся понятными. Допустимость взаимной интерпретируемости различных теорий открывает общее смысловое поле.

Интерпретация неразрывно связана с самоинтерпретацией. На допросе свидетели могут быть не удовлетворены смыслом письменно зафиксированного ответа. Не отрицая сказанного, свидетель стремится сам интерпретировать свой ответ, дополняя его пояснениями.

В психотерапевтической интерпретации пациент может подтвердить ее правильность своей реакцией на нее, припоминанием. Это способствует принятию новых интерпретаций, собственной интерпретационной работе пациента по переосмыслению себя. Вследствие этого интерпретация становится взаимной, приобретает итеративный, пошаговый характер.

Принципиальной незавершенности любой интерпретации сопутствует ее открытость, возможность расширения и продолжения. «Плох тот герменевтик, который воображает, что он может или должен был бы сохранить за собой последнее слово», – писал Гадамер («Истина и метод»). Интерпретация расширяется, становится более глубокой и обоснованной, стимулирующей реинтерпретацию.

Накапливающийся опыт правоприменения направляет интерпретационный процесс, который продолжается пересмотром ранее принятых интер-

претаций. Так, Международная федерация баскетбола (ФИБА) наряду с внесением изменений в «Правила баскетбола ФИБА» регулярно издает интерпретационный акт «Официальные интерпретации ФИБА Правил баскетбола ФИБА».

9.8. Объяснение

Объяснение – процедура взаимопонимания, снимающая неопределенность толкования. Правильность объяснения проверяется правильностью основанного на нем предсказания (предвидения).

Выделяют следующие способы объяснения явления:

- каузальное объяснение указывает причины, вызывающие объясняемое как следствие;
- генетически-эволюционное объяснение исходит из предшествующего состояния;
- структурное объяснение описывает связи между элементами;
- функциональное объяснение фиксирует предназначение явления;
- материальное объяснение опирается на характеристику лежащей в основании системы меньшей сложности;
- номологическое объяснение подводит под действие уже известного закона;
- типологическое объяснение относит явление к определенному классификационному типу.

Характер объяснения зависит от того, кто и кому что-то непонятное объясняет. В «Метафизике» Аристотель пояснял: «Усвоение преподанного зависит от привычек слушателя; какие у нас сложились привычки, такого изложения мы и требуем, и то, что говорят против обыкновения, кажется неподходящим, а из-за непривычности – более непонятным и чуждым, ибо привычное более понятно. А какую силу имеет привычное, показывают зако-

ны, в которых то, что выражено в форме мифов и по-детски просто, благодаря привычке имеет большую силу, нежели знание самих законов. Одни не воспринимают преподанного, если излагают математически, другие – если не приводят примеров, третьи требуют, чтобы приводилось свидетельство поэта. И одни хотят, чтобы все излагалось точно, а других точность тяготит или потому, что они не в состоянии связать [одно с другим], или потому, что считают точность мелочностью. В самом деле, есть у точности что-то такое, из-за чего она как в делах, так и в рассуждениях некоторым кажется низкой».

Не всегда можно объяснить что-то до конца, поскольку индивид неизрекаем («Individuum est ineffabile»). Для достижения взаимопонимания в объяснении нужна добрая воля. Участники коммуникации пытаются сообщить то, что они подразумевают, предполагая друг у друга определенный горизонт понимания. Важно объяснение принять во внимание, воспринимая его не буквально, а как основание для расширения личного смыслового поля.

Так, объяснение работника, предоставляемое работодателю по поводу дисциплинарного проступка, кроме описания фактов может содержать указания на причины и мотивы проступка, излагать намерения в отношении дальнейшего поведения. Анализ содержания объяснения может позволить оценить все обстоятельства и выработать соответствующее ситуации управленческое решение.

10. Экзистенциализм

Понятие экзистенциализма. – Абсурд. – Бытие-в-мире. – Пограничная ситуация. – Ориентация на историчность. – Осевое время. – Коммуникация. – Экзистенциальная терапия.

10.1. Понятие экзистенциализма

Экзистенциализм – философия существования¹, или, точнее, «выступления». Это философия действия без гарантии на успех.

Основоположники экзистенциализма – Карл Ясперс (1883–1969) и Мартин Хайдеггер (1889–1976). Популяризовали экзистенциализм в своем литературно-философском творчестве Жан Поль Сартр (1905–1980) и Альбер Камю (1913–1960). Предтечами экзистенциализма считаются Августин Аврелий (354–430), Блез Паскаль (1623–1662) и Сёрен Кьеркегор (1813–1855).

Для экзистенциализма характерны темы бессмысленности жизни, абсурдности окружающего, невозможности вырваться из обстоятельств и ничтожности усилий. Б. Паскаль в своих «Мыслях» писал: «...Пусть человек сравнит свое существо со всем сущим; пусть почувствует, как он затерян в этом глухом углу Вселенной, и, выглядывая из тесной тюремной камеры, отведенной ему под жилье, – я имею в виду весь зримый мир, – пусть уразумеет, чего стоит вся наша Земля с ее державами и городами и, наконец, чего стоит он сам. Человек в бесконечности – что он значит?».

Экзистенциализм близок к дзен-буддизму. Буддизм оценивает сущее как беспокойство и страдание, обусловленные пустыми привязанностями и малозначимыми различениями. Буддизм обещает освобождение от страданий, вызываемых иллюзиями, а дзен-буддизм и это освобождение признает иллюзией. Только прямое действие, любое действие, лучше даже бессмысленное действие разрешает беспокоящую ситуацию.

¹ Подробнее об экзистенциализме см.: Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма: Философия существования. СПб., 1999.

Стоят: Жак Лакан¹, Цецилия Элюар, Пьер Реверди, Луи Лериш, Пабло Пикассо, Фани де Кампан, Валентина Гюго, Симона де Бовуар, Брассаи. Сидят: Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Мишель Лериш, Жан Абье (Париж, 1944). В этом году в статье «Республика молчания» Сартр писал: «Никогда мы не были так свободны, как под немецкой оккупацией».

Противоречивое переживание бренности мира и привязанности к его грязи и низости, метания между возвышенным и уродством сущего порождают безнадежность и непреходящее отчаяние, поток самообвинений. Умонастроение экзистенциализма отражают названия произведений Августина «Исповедь», С. Кьеркегора «Страх и трепет» и «Болезнь к смерти», Ж.П. Сартра «Тошнота» и «Стена», А. Камю «Посторонний» и «Миф о Сизифе», К. Ясперса «Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии».

¹ Жак Лакан (1901–1981) – судебный психиатр и философ, создатель Парижской школы фрейдизма.

Изобразительной параллелью к философии экзистенциализма стало творчество мизерабилистов. *Мизерабили́зм* (от фр. *miserable* – несчастный) – направление изобразительного искусства, зародившееся во Франции в конце 1940-х годов. Он выразил настроения неудовлетворённости и разочарования, трагической обреченности, «покинутости» человека в мире. Для живописи мизерабилизма типичны одинокие фигуры, истощенные,

удрученно поникшие, освещенные холодным сумеречным светом и затерявшиеся в пустом пространстве.

Трагическая нотка в экзистенциализме вызвана тем, что существование лично, исторично, конечно, неповторимо и необратимо. Экзистенция (от лат. *exsisto* – выступать, выходить, обнаруживать себя, возникать, показываться) – это не просто существование, а выступление, манифестация. Это «выход из себя», «бытие-впереди-самого себя», имеющее перспективу. Поэтому экзистенция не завершена, Всегда есть шанс, выбор и доопределение.

Экзистенция структурируется в *экзистенциалах* – способах вступления в мир. Согласно Станиславу Грофу (род. 1931), человек при рождении вступает в конкретное отношение к миру, определяемое базовой перинатальной матрицей. БПМ-I – матрица наивности и чувства единства с миром. БПМ-II – матрица жертвы, проявляющаяся в чувствах безысходности, вины, нехватки терпения. БПМ-III – матрица борьбы, героического отношения к жизни. БПМ-IV – матрица свободы, энтузиазма и восторга. Кроме того, дополни-

тельно могут быть выделены: БПМ-I' – матрица ненужности, тошноты и отворачивания к миру, БПМ-III' – матрица брошенности в беде и ожесточенного отчаяния. Эти матрицы обнаруживаются в типичных сюжетах сновидений, предпочитаемых произведениях искусства, вновь переживаются в актах социального рождения.

Экзистенция – это один из аспектов сущего. Герменевтика сущего позволяет выделить и другие его аспекты, сопутствующие экзистенции. Сущее – это и *систенция*, предстоящее (от лат. *sisto* – предстать перед судом). Первоначально сущее – это *проссистенция* (от лат. *prosisto*), еле выдающаяся, проступающая и выступающая наружу. Выступая, оно является *инсистенцией* (от лат. *insisto*), так как ступает и становится на что-то, а также наступает на кого-то и теснит его. Тогда сущее – *консистенция* (от лат. *consisto*), располагающаяся и твердо остающаяся в этом состоянии. Оно есть *обсистенция* (от лат. *obsisto*), становящаяся перед, заступающая дорогу кому-нибудь. Тем самым и *субсистенция* (от лат. *subsisto*), заставляющая стоять, останавливающая и удерживающая. Сущее как *персистенция* (от лат. *persisto*) продолжает стоять и упорствовать. Противостоя и сопротивляясь, оно также есть *рессистенция* (от лат. *resisto*). И как *контрассистенция* (от лат. *contrasisto*) – противиться. Впрочем, даже экзистирова, т.е. выступая, сущее тем самым является *абсистенцией* (от лат. *absisto*), так отстает от чего-то, удаляется и уходит. Поэтому оно может быть и *десистенцией* (от лат. *desisto*), отставать от чего-то, оставляя и переставать его сдерживать. Оно оказывается *интерсистенцией* (от лат. *intersisto*), находящейся посреди. В любом случае сущее есть *ассистенция* (от лат. *assisto*), присутствующая рядом и поддерживающая окружающий мир.

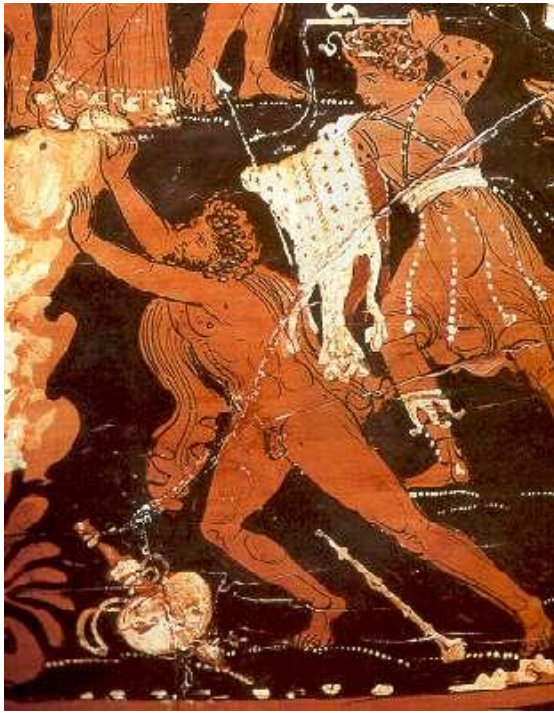
10.2. Абсурд

Абсурд – нелепость, противоречие, бессмысленность. Проблема абсурда возникла при разграничении истинных и ложных выражений (например, «круглый квадрат»), что было важно в судебной практике. Прием сведения к абсурду использовался в доказательстве от противного, где допущение несостоятельного мнения вело к невозможному, абсурдному следствию.

Между тем абсурд принимался в мифе, изображавшем химер, в религии (Тертуллиан: «Верую, ибо абсурдно») и искусстве с его художественной фантазией. Абсурдизм позволял взглянуть на предмет с необычной стороны и предложить неожиданные решения. «Ваша идея, конечно, безумна, – сказал Н. Бор после доклада В. Паули. – Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться верной».

Как и современной физике, в судопроизводстве встречается схема: «Сначала приговор, потом доказательства». Ее описывал Л. Кэрролл в «Приключениях Алисы в стране чудес» при рассмотрении дела об украденных баранках: «– Пусть присяжные решают, виновен он или нет, – произнес Король в двадцатый раз за этот день. – Нет! – сказала Королева. – Пусть выносят приговор! А виновен он или нет – потом разберемся! – Чепуха! – сказала громко Алиса. – Как только такое в голову может прийти!». Интуитивно найденное решение, часто не воспринимается как убедительное, но в дальнейшем получает достаточное обоснование.

Жизнь полна абсурда, но, тем не менее, такова она есть. Камю описал абсурдное жизнечувствие в эссе «Миф о Сизифе» (1942). Он говорит, что жизнь полна нелепиц повседневной суеты, ненужных страданий, перемежаемых смертью из-за несбыточных иллюзий и идей. «Но однажды вдруг возникает вопросительное “зачем?”, – замечает Камю, – и все начинается с усталости, подсвеченной удивлением». Стоит ли жизнь труда быть прожитой?

Знаки абсурда – это усталость от машинальной жизни, думы о «ни о чем», чувство тошноты от себя и от всего окружающего. Абсурд пробуждает разум, и мир предстает непонятным, безумным, чужим и безразличным. Абсурд – это разлад между человеком и миром.

Человек, осознавший абсурд, навсегда к нему привязан. Человек абсурда понимает, что любые суждения о мире – это всего лишь человеческие суждения, к которым мир равнодушен. Нельзя быть уверенным даже в собственном Я. Можно доверять только тому пониманию, которое открылось в переживании абсурда и благодаря разуму. Поэтому единственный метод человека абсурда: упорно стоять на своем. А это – бунт, отчаянное противостояние человека всему.

По Камю, человек абсурда – это бунтарь («Бунтующий человек», 1951). Для него все бессмысленно, кроме собственного протеста. Бунтующий человек обнаруживает в себе нечто такое, с чем он может отождествить себя хотя бы на время. Это единственно ценное, что он утверждает и на что он опирается, бунтуя. Слепой мятежный порыв – это действие, движение, легитимизирующее себя.

А. Камю во время Нобелевского банкета (1957)

Бунт направляет на новые поиски. Бунт выводит индивида из его одиночества и вовлекает других в свое движение. Бунт оказывается общей участью. Соучастие и солидарность оправдывают бунт.

Смысл бунта в том, что если перед нами стена, то в ней все равно есть дверь. Но важно ни от чего не уклониться, оставаться верным себе в то короткое время, в которое возможен бунт

Андре Моруа в «Открытом письме молодому человеку о науке жить» (1967) говорит об абсурдности высказывания о том, что мир абсурден. Действительно, мир таков, каков он есть, и едва ли может быть таким, каким его желают видеть.

Моруа советует следующее. Во-первых, нельзя жить для себя. Думая только о себе, человек всегда найдет повод почувствовать себя несчастным. Во-вторых, надо действовать, преображая тот уголок, куда забросила нас судьба. В-третьих, надо верить в силу воли. Будущее не предопределено, и не следует давать себе поблажки. В-четвертых, надо хранить верность – верность слову, обязательствам, другим, себе самому, никогда никого не подводя. По-видимому, только тогда можно убедиться в неабсурдности себя.

10.3. Бытие-в-мире

Знаковой для экзистенциализма стала книга Хайдеггера «Бытие и время» (1927), где он утверждал: бытие сущего всегда мое. И это мое бытие Хайдеггер обозначает термином *Dasein* (здесь-бытие, вот-бытие, присутствие, наличное бытие).

Так как бытие всегда мое и привычно, то оно дано в виде разнообразных средств, с которыми я умело обращаюсь, постоянно находясь в делах и заботах. А постоянная забота, озабоченность и заботливость отсыла-

ют меня через средства к другим людям, благодаря которым или ради которых я что-то делаю.

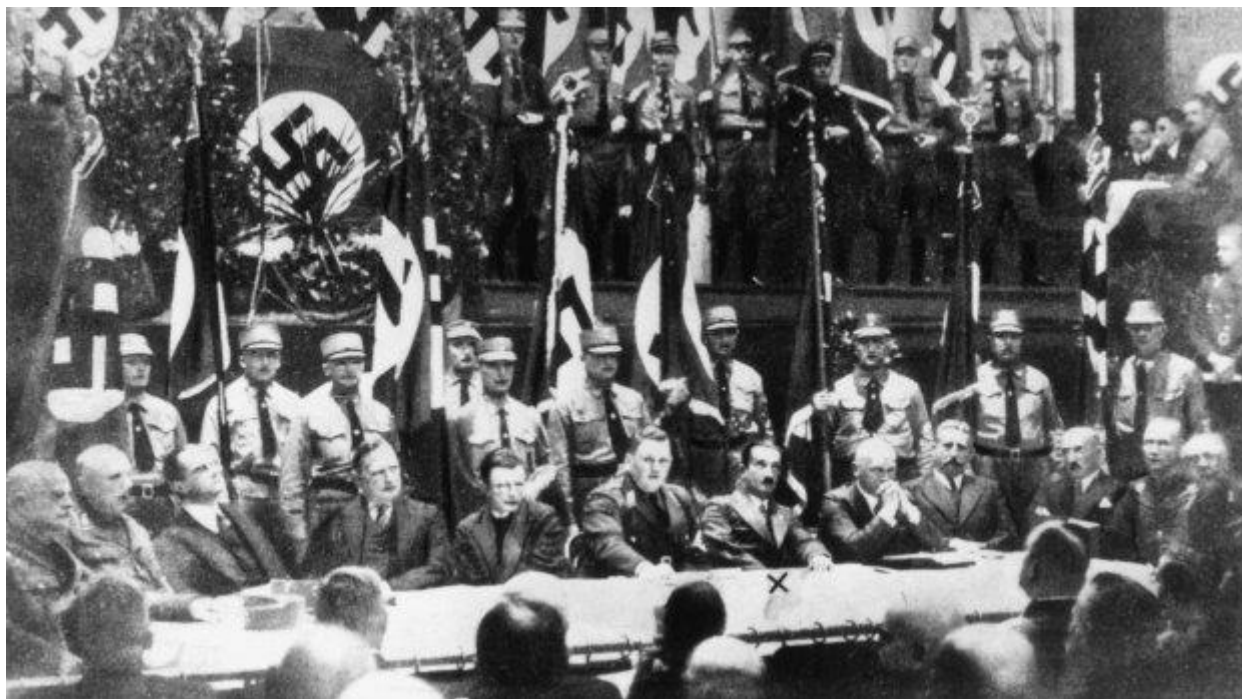
Бытие-в-мире есть забота, состоящая как в тревожной хлопотливости, но также в тщательности и преданности. Здесь Хайдеггер следует родившемуся в немецкой культуре мифу о том, что человек – дитя Заботы. Об ее власти Фауст говорит:

Увы, себе своими же делами
Преграды ставим на пути!
К высокому, прекрасному стремиться
Житейские дела мешают нам,
И если благ земных нам удалось добиться,
То блага высшие относим мы к мечтам.
Увы, теряем мы средь жизненных волнений
И чувства лучшие и цвет своих стремлений.
Едва фантазия отважно свой полет
К высокому и вечному направит, –
Она себе простора не найдет:
Её умолкнуть суета заставит.
Забота тайная тяжелою тоской
Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,
И сокрушает нам и счастье и покой,
Являясь каждый день под новою личиной.

Мир присутствия есть совместный мир. Бытие-в-мире есть со-бытие с другими. Внутримирное само-по-себе-бытие есть соприсутствие. На основе этого совместного бытия-в-мире мир есть всегда уже тот, который я делю с другими. Располагаясь в мире, я раскрыт этому миру, нахожусь в настроенности и сонастроенности с ним. Я понимаю свой мир, поскольку умею в нем быть.

Осмотрительность и присматривание за другими в стремлении и влечении есть бытие-вперед-себя, или, точнее, вперёд-себя-уже-бытие-в-(мире) как бытие-при- (внутримирно встречном существе). В бытии-друг-с-другом люди что-то слышат, следят за другим, как он себя поведет, что на это скажут. Бытие-друг-с-другом в людях есть не безразличное друг-рядом-с-другом, но

напряженное друг-за-другом-слежение. Под маской друг-за-друга разыгрывается друг-против-друга.

М. Хайдеггер на встрече немецких ученых в Лейпциге (1933)

Постоянная незавершенность, постоянная недостача выражают мое бытие виновным. Ближайшим образом – в смысле повинности, когда «за тобой что-то числится». Далее – это быть причиной, инициатором чего или поводом. Кто-то другой может у другого для меня «сделать долги».

Провинность в правонарушении возникает из-за изъяна в бытии другого, из-за неудовлетворения требований, упорядочивающих экзистирующее событие с другими. Экзистенциальная идея виновности состоит в бытии-основанием для нет-бытия. Достаточно просто недостаточно быть, чтобы «заслужить наказание».

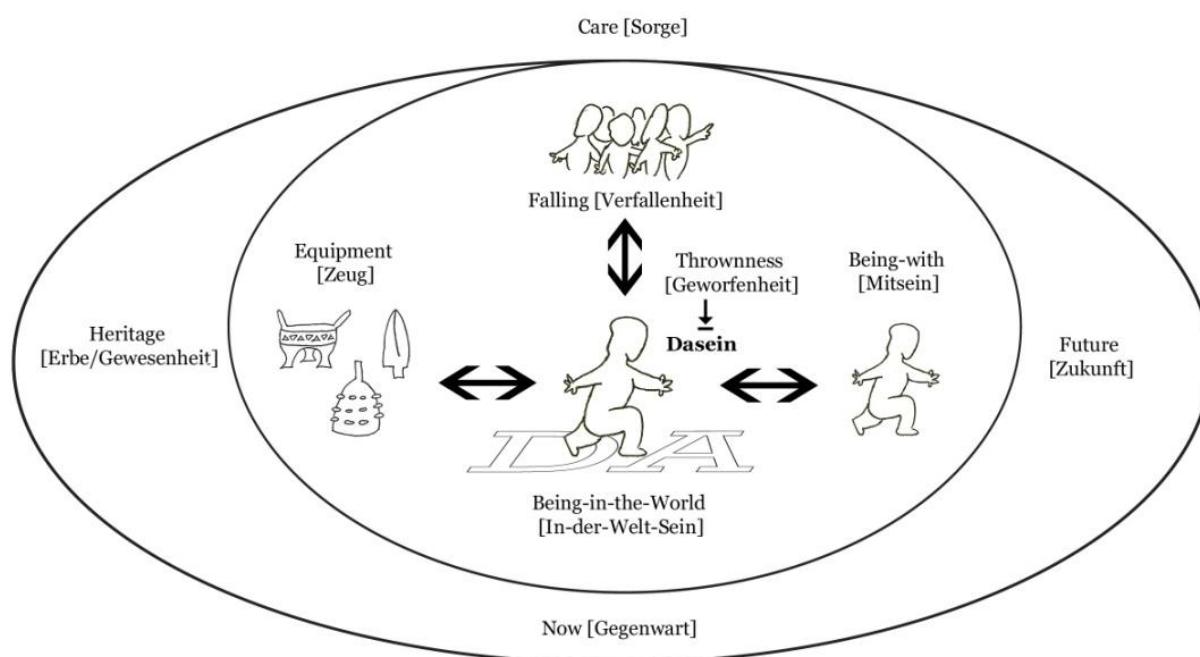
Нехватка бросает меня на доступное, практичное, настоятельное, неременное в делах повседневной занятости. Усматривающе понятливое озабочение основано во временности как озаботившееся просчитывание, планирование, предусмотрение и предостережение: «потом» – это надо исполнить, «прежде того» – другое довести до конца, «теперь» – наверстать, что «тогда» не удалось и ускользнуло. Нужно уметь поджидать и дожидаться до...

Нерешительный пребывает в ожидании новостей и ближайшей новинки, понимает себя из встречных в такой актуализации переменно теснящих ближайших происшествий и выпавших случаев. Хлопотливо теряя себя на озаботившем, нерешительный теряет на нем свое время. Отсюда характерная для него речь: «у меня нет времени». Он постоянно теряет время и никогда такого не «имеет».

Человек может глухо страдать от повседневности, тонуть в ее духоте, уклоняться от нее, ища рассеяния в делах новой рассеянности. Но в решимости экзистенция способна овладеть повседневностью.

Это делается «в-мгновение-ока». Экзистенция постоянно имеет себе время – для того, что от нее требует ситуация.

Я настаю из будущего, принимая себя бывшего и наследие. В решимости человек выражает верность себе, собирается и возвращается из рассеянности к себе.

Озабочивающееся обращение никогда не останавливается на отдельном средстве. Применение определенного средства и орудование им ориентированы на взаимосвязь средств. Отсюда вытекает указание ориентировать экзистирующее бытие при озаботившем сущем именно не на изолированно подручное средство, но на целое средств.

10.4. Пограничная ситуация

Бытие-в-мире есть встреча, в которой человек и мир открывают и ограничивают друг друга. Мир теперь не просто фон, а ситуация – конкретная действительность, воспринимаемая как преимущество или вред, возможность или преграда. Необходимость в каждом стечении обстоятельств и в условиях стесненности миром дать ему ответ пробуждает повышенную активность человека.

Человек включен в ситуацию. И хотя ситуация меняется постоянно, человек никогда не может выйти из одной ситуации, не попав в другую ситуацию. Человек волей-неволей каждый раз оказывается в той или иной ситуации. Эти ситуации связываются в серию посредством самого человека, который и порождает собственные ситуации определенным настроением. Человек буквально связан ситуацией, как бы та не изменялась. Существование есть бытие в ситуациях.

Каждая ситуация самоценна. Она дает преимущество в опыте существования по сравнению с предыдущими ситуациями. Каждая ситуация очерчивает горизонт возможных действий, позволяет пересмотреть прошлое и сориентироваться в отношении неотложных мер в настоящем. Человек не только претерпевает, но и создает, творит ситуации. В конечном счете, в ситуации приходит пониманию того, что она есть всего лишь эпизод в череде эпизодов, из которых состоит жизнь.

Человек не всегда отдает себе отчет, в какой ситуации он находится. Осознание ее приходит тогда, когда он попадает в новую неожиданную ситуацию, которая полностью его захватывает. Поэтому приходится быть настороже в ожидании того, что может случиться там, где, казалось бы, поводов для беспокойства нет.

Ситуация одного всегда есть и ситуация для другого. Настрой на ситуацию иного и выводит человека из заточения в ситуацию. Основным вопросом ситуации является вопрос об ином, т. е. об экзистенциальной встрече.

К. Ясперс (слева) и французские социалисты на конференции интеллектуалов «Европейский дух» (Женева, 1946)

Наряду с обычными ситуациями Ясперс выделил пограничные ситуации – ситуации смерти, страдания, борьбы, вины. Пограничная ситуация характеризуется:

- определенностью, т.е. пониманием того, что она могла быть и иной, но в своей выделенности дана именно такой в своей особенности;
- теснотой, т.е. пребыванием в среде, которая давит и выдавливает, сопротивляется, становится материалом и опорой продвижения;
- глубиной, так как продвижение есть выдвигание, развертывание, в котором каждый обязан тем, кем он становится, самому себе;
- ограниченностью началом, происхождением и истоком, которые приняты моим существованием;
- случайностью, т.е. явлением себя в этой случайности, избранной как своей;

▪ принятием всерьез конкретного существования, неотделимости себя от обстоятельств и выраженности себя в них.

О смерти Ясперс говорит, что в ее ожидании обнаруживается незавершенное в жизни. Поэтому важна спокойная позиция готовности к смерти.

Исследования пограничной ситуации близости к смерти показали, что человек в ней проходит стадии:

- сопротивления – паники, напряженной борьбы с опасностью, безмятежности в момент капитуляции;
- обзора жизни – в виде панорамы воспоминаний, сменяющих друг друга в быстрой последовательности и как бы охватывающих все прошлое индивида;
- трансцендентности – дистанцированного и понимающего отношения к завершенной жизни, которая видится как единое целое, и одновременно в ней различима каждая деталь.

Страдание вызвано моим существованием. И в претерпевании страдания утверждается моя индивидуальность.

Борьба возникает вследствие того, что одно исключает нечто другое. Она показывает, что я не одинок и нужен. Борьба нужна для соразмерения, и задача в том, чтобы найти достойного противника. Жизнь без борьбы – это замаскированная ситуация благоприятной констелляции сил в борьбе. Предваряющим условием этого является борьба с самим собой.

Вступлением в мир я порожаю последствия и в них виновен. Эта вина порождает мою ответственность. Последствия неисчерпаемы. И я несу ответственность, возлагая ее на людей.

Пограничная ситуация – ситуация, в которой, казалось бы, уже ничего сделать нельзя, так как это последняя, конечная ситуация, при которой возникает серьёзная опасность для жизни и после которой другой ситуации уже не будет. На пограничную ситуацию человек реагирует не планами, расчетами и действиями, а становлением возможной экзистенции – становлением самим собой. Неподлинное – условности, внешние нормы, общепринятые

взгляды и т.п., – временно отодвигается на задний план и обнажается подлинность.

Давид, Жак Луи: «Борьба Марса и Минервы» (1771). «Любящая борьба» (по К. Ясперсу), в которой вовлеченные стороны отважились безоглядно, без гарантий, с совершенной открытостью показать себя и поставить под вопрос, рискуя тем, что наиболее сокровенное и уязвимое воспримется не с той же серьезностью.

Именно в этой подлинности обнаруживаются радикальные моменты ограниченности нашего бытия. Граница – это не то, что расположено снаружи и ограничивает человека извне, а то, что определяет его изнутри, в самой глубине его существа. Но фиксация границы возможна с переходом в иное. Поэтому существование не завершено, исторично, в напряжении и беспокойстве порождает себя, не пребывая в согласии с собой. Становясь иным, оно удостоверяется в самом себе.

10.5. Ориентация на историчность

Вопрос о познавательной ценности ориентации и самоориентации поставил Кант («Что значит ориентировать себя в мышлении?»). Ориентировочное знание он описывал как знание непосредственное и прагматичное, составляющее основу применения разума. Ориентация разрешает противоречие, возникающее вследствие множественности ситуаций. В пространственно-временном континууме социального организма единой ситуации не существует: ситуации множественны, сосуществуют и сменяют друг друга. Следовательно, возникает проблема самобытия в единстве и множестве ситуаций.

Ясперс в «Духовной ситуации времени» (1929) характеризует указанную антиномию следующим образом. Во-первых, «фиксация конечной ситуации в своем знании бытия сама по себе замыкает сознание в узости его случайности». Познание ситуации заключает в ситуацию: конечная случайность принимается за абсолют. Во-вторых, «импульс к постижению целого должен потерпеть неудачу из-за неминуемого распада целого на отдельные перспективы и констелляции, из которых затем вновь пытаются построить целое». Удастся ли попытка вновь построить целое? По мнению Ясперса, нет: «Абстрактный образ целого служит успокоением для того, кто стоит как бы в стороне и фактически ни в чем не участвует, разве что сожалея, восхваляя или вдохновенно надеясь – так, будто он говорит о чем-то, его не касающемся». В практическом плане, полагает Ясперс, «полная уверенность особенного» и «абстрактный образ целого» – и то и другое препятствуют проникновению в собственную основу, ведут к инертности, к желанию удовлетвориться собственной деятельностью.

Есть ли альтернатива обоим этим заблуждениям – фиксации в узости случайности и успокоению в абстрактном образе целого? Как полагает Ясперс, «обоим этим заблуждениям противостоит отношение к бытию как к ориентирующемуся самобытию; целью уяснения ситуации является возмож-

ность сознательно с наибольшей решимостью постигнуть собственное становление в особенной ситуации». Необходима выработка ориентации в комплексе ситуаций. И наиболее существенной является ориентация в той особой ситуации, в которой происходит собственное становление.

Человек никогда полностью не сориентирован. Жизненная ориентация состоит в умении жить дальше, а умение жить дальше состоит, в конечном счете, в умении ориентироваться среди своих различных ориентиров и в разных областях жизни.

Именно этот способ ориентации – удерживать одно, пока изменяют другое, – может подхватить дезориентации в одной области, пока в других областях ориентации еще работают. Благодаря ориентировочному знанию человек приобретает достаточную уверенность для действия, не рассчитывая на основательность и однозначность. Процессы ориентации всегда являются процессами переориентации. Только при радикальной временности ориентиров ориентации можно жить. Только тогда становится возможным перестроиться в новых ситуациях жизни, возможным жить в радикальной временности. Таким образом, сам субъект становится временным – собственной историей, удерживающим и в преемственности сохраняющим себя.

Под ориентацией как таковой обычно понимают субъективную локализацию в пространственно-временном континууме по определенным признакам. Континуум неоднороден и пути продвижения в нем нуждаются в тщательной оценке. В прагматическом плане ориентацию представляет собой комбинацию выборов, доступных в конкретной ситуации. Ориентация действия на объекты влечет за собой выбор, а возможно и отбор объектов, которые переживаются как имеющие позитивную или негативную ценность.

Ценностные ориентации всегда конкретны и имеют различные виды. Но самое важное – это историчность, продолжающееся явление моей экзистенции в мире. Я – историческое явление, своеобразное и неповторимое, которое может впоследствии может изучаться так же, как Христос изучается христологией, Пушкин – пушкинистикой, а Маяковский – маяковедением.

Спарта и Афины: различие ориентаций (по Т. Гоббсу)

Человек конечен, незавершен и не может быть завершен. В нем длится исторический процесс с его стадиями, революциями, зигзагами и вариантами развития. Историчность человека укоренена в историчности составляющих его общество людей, природы Земли и космоса.

Верность – решительное утверждение своей историчности, избранного и постоянно избираемого мною существования в изменчивом мире. Верность хранит в себе прошлое как итог и базис развития. Это верность предкам и родителям, своему детству и юности, родному ландшафту, всякому соприкосновению с человеком, вошедшему в вашу историю.

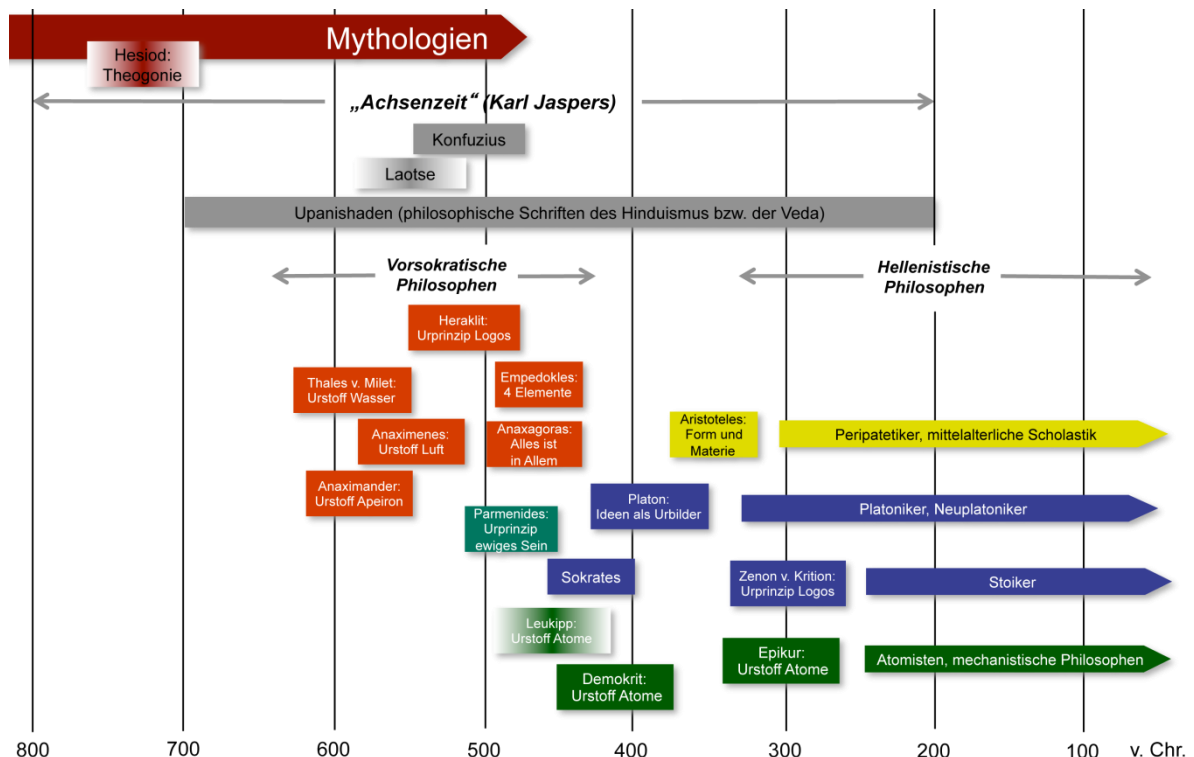
10.6. Осевое время

Во всех современных цивилизациях имеется представление об оси истории, т.е. таком ее поворотном моменте, от которого начинается отсчет динамики цивилизации. Например, христиане ведут летоисчисление от явления Христа. Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» (1949) выделяет ось мировой истории – наиболее резкий поворот, затронувший все цивилизации, который относится ко времени около 500 лет до н.э. или к периоду между 800 и 200 гг. до н.э. В этот период почти одновременно и независимо друг от друга в Индии, Китае и Средиземноморье возникли мировые религии, наука, различные направления философии, великие произведения литературы и искусства. Культурный прорыв осевого времени завершился эпохой региональных империй.

Характеризуя осевое время, Ясперс указывает на такие его черты как:

- образование множества мелких государств и борьбы всех против всех;
- осознание преходящего характера сущего, его бренности и временности;
- открытие историчности сущего;
- возникновение дискуссий, противоборствующих партий;

- открытость человека к коммуникации и возникновение рефлексии;
- способность опереться на себя, стать индивидуальностью и быть готовым к одиночеству и даже к отшельничеству;
- уверенностью в том, что история совершается в постоянном и устойчивом продвижении вперед отдельных людей, за которыми следуют другие;
- социальное реформаторство, разработка проектов по переустройству общества.

Благодаря этим завоеваниям история осевых народов (китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков) стало динамичной и вовлекающей в свое культурное движение другие народы.

Говоря о ценности достижений осевого времени для последующей истории, Ясперс пишет, что «в каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспаляются идеями той эпохи». Иначе гово-

ря, для того чтобы сделать новое, нужно вернуться к осевому времени и найти там ориентир для будущего.

Указываемый Ясперсом исторический период – с VIII по II века до н. э. – таймирует всемирно-исторический процесс, разбивая его на отрезки с различным форматом развития. Подобные переломные моменты в прошлом человечества были не раз. Это и раннее средневековье, и эпоха Возрождения. Судьбоносными в XX веке были 1918 год, 1968 год, рубеж 1980-1990-х годов. Существование больших, средних и малых осевых времен может быть интерпретировано как наличие поворотных пунктов, в которые только и возможны кардинальные перемены. В «неосевое» время формат общественного развития стабилизирован, и радикальные преобразования маловероятны. Поэтому желающим перемен следует ожидать ближайший благоприятный момент осевого времени, расширяющий свободу исторического действия.

Сформированная в осевом времени способность понимать других, вести заинтересованный диалог помогает уяснить себе самого себя, узнать себя как другого. Это позволяет преодолеть замкнутость и узость личной историчности, расширить границы коммуникации.

Выясняется, что пределы исторических возможностей таятся в неизведанной глубине человеческого бытия. Открытие человека едва ли когда-нибудь будет завершено. Поэтому не будет завершена и история человечества.

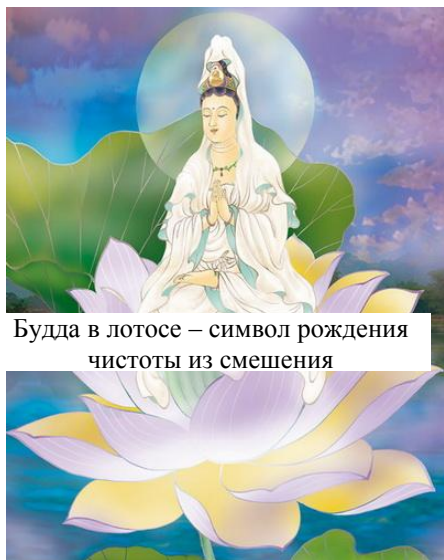
Человек, соответственно, также не может быть завершен. Но то, чем становится единичный человек, косвенным образом изменяет всех людей. И человечество в целом, по Ясперсу, совершает скачок.

10.7. Коммуникация

Коммуникация (от лат. *communicare* – совещаться с кем-либо) – общение, основанное на общности. Основной вопрос коммуникации: «Почему я – это не только я один?».

По мнению Ясперса, только в осевое время появились установка на универсализм и готовность к коммуникации между различными культурами. Коммуникация между Индией и Китаем была обеспечена благодаря распространению буддизма.

Александр Македонский впервые стал сознательно и последовательно проводить политику интеграции различных культур, мечтая о едином народе «персоэллинов». «Он не последовал совету Аристотеля обращаться с греками как предводитель, заботясь о них как о друзьях и близких, а с варварами как господин, относясь к ним как к животным или растениям, что преисполнило бы его царство войнами, бегством и тайно назревающими восстаниями, – за-

Будда в лотосе – символ рождения чистоты из смешения

мечал Плутарх. – Видя в себе поставленного богами всеобщего устроителя и примирителя, он применял силу оружия к тем, на кого не удавалось воздействовать словом, и сводил воедино различные племена, смешивая, как бы в некоем сосуде дружбы, жизненные уклады, обычаи, брачные отношения и, заставляя всех считать родиной вселенную, крепостью – лагерь, единоплеменными – добрых, иноплеменными –

злых; различать между греком и варваром не по щиту, мечу и одежде, а видеть признак грека в доблести и признак варвара – в порочности; считать общими одежду, стол, брачные обычаи, все, получившее смешение в крови и потомстве» («О судьбе и доблести Александра»). Завоевания Александра Македонского распространили эллинистическую культуру и установили связь между Индией и Средиземноморьем.

Исходной действительностью является примитивная общинность: бытие-друг-с-другом, т.е. жизнь с другими. Первично мое существование в общности с другими. В «Мы-сознании» я чувствую, думаю и делаю то, что мы все чувствуем, думаем и делаем. Коммуникация не представляет труда, так как мнения и эмоции переносятся от одного к другому незаметно. Собст-

венно, поэтому и коммуникации как общения индивидов не существует, так как действует и мыслит коллектив как единый социальный организм. Ребенок переживает эту стадию в раннем детстве. До возраста 3 лет его деятельность осуществляется вместе с родителями и неотделима от их жизни. Поэтому «мы кушаем», «мы спим», «мы гуляем»...¹

На второй ступени коммуникации Я («Я-сам») утверждает самобытие, свою независимость и противопоставляет себя другим. Данная ступень коммуникации характеризуется:

- – образом мира как совокупности четко отграниченных вещей;
- – обращением с другим как вещью (направляемым предметом, средством);
- – взаимным использованием
- – отношениями дельной целесообразности;
- – безличностью, взаимозаменяемостью и замещаемостью Я;
- – всеобщезначимым мышлением;
- – убеждением в существовании непреложных правил и закономерности;
- – представлением о наличии объемлющей, объединяющей идеи.

Коммуникация на второй ступени инструментальна и манипулятивна. Она состоит в сообщении содержания своего воления с целью направить другого к достижению своей цели.

Практика инструментальной коммуникации лежит в основе идеи общественного договора, который понимается как контракт, сделка между разобщенными людьми. В современных условиях идея общественного договора реализуется форме конституционного и избирательного процессов, через систему рыночных связей, корпоративные и бюрократические отношения. Экзистенциализм указывает на относительность независимости людей и ак-

¹ О возрастной динамике мировосприятия см.: Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М., 2000.

центрирует их взаимозависимость в мире. Выдвигается требование: «Контакт – вместо контракта».

Экзистенциальная коммуникация не удовлетворяется подчинением и послушанием. Она возможна только с тем, кто не удовлетворяется партикулярностью, частичностью отношений и хочет быть самим собой. В экзистенциальной коммуникации:

- индивиды самобытны и развиваются во взаимном творчестве и признании;
- мое собственное действие должно встречать содействие другого;
- только вместе мы достигаем того, чего хочет достичь каждый;
- каждый чувствует себя ответственным не только за себя, но и за другого, как за самого себя;
- действуют с полной самоотдачей и в предельной готовности к коммуникации.

Экзистенциальная коммуникация не всегда сбываема. В готовности к ней Ясперс рекомендует терпение своего одиночества, хранение себя и умение ждать, не принимая за подлинную коммуникацию «сугубо компанейское соприкосновение в солидарности общих увеселений и интересов». Наряду с этим возможно подключение к традиции, хранящей историчное содержание человеческого бытия.

Экзистенциальная коммуникация неизбежно узка («Я не могу добиться дружбы со всеми»). Как правило, это уникальная историчная возможность, в которой принимают друг друга, именно в неудаче и запутанности протянув неудачнику руку. Никто не может требовать совершенства в незавершенном мире. Проблематичность друг друга требует сделать риск общим и нести свою долю ответственности за результат. Рискуя, человек раскрывается и узнает себя в своей подлинности.

Из объективной узости экзистенциальной коммуникации и ее субъективной глубины возникает и подлинная ширь. Нужно воздавать должное каждому, кого встречаем, точно и применительно к точности его бытия. Пер-

спективная задача – подходить все ближе друг к другу в непрерывно расширяющейся коммуникации.

Жан-Поль Сартр, его жена Симона де Бовуар¹ и Че Гевара (1960)

10.8. Экзистенциальная терапия

Значительные события или перемены в жизни человека (неудачи, смерть близкого человека, неизлечимая болезнь, уход на пенсию или уход повзрослевших детей из дома, длительное заключение в одиночной камере и др.) часто порождают экзистенциальные кризисы.

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» знакомит с перипетиями экзистенциального кризиса главного героя:

Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

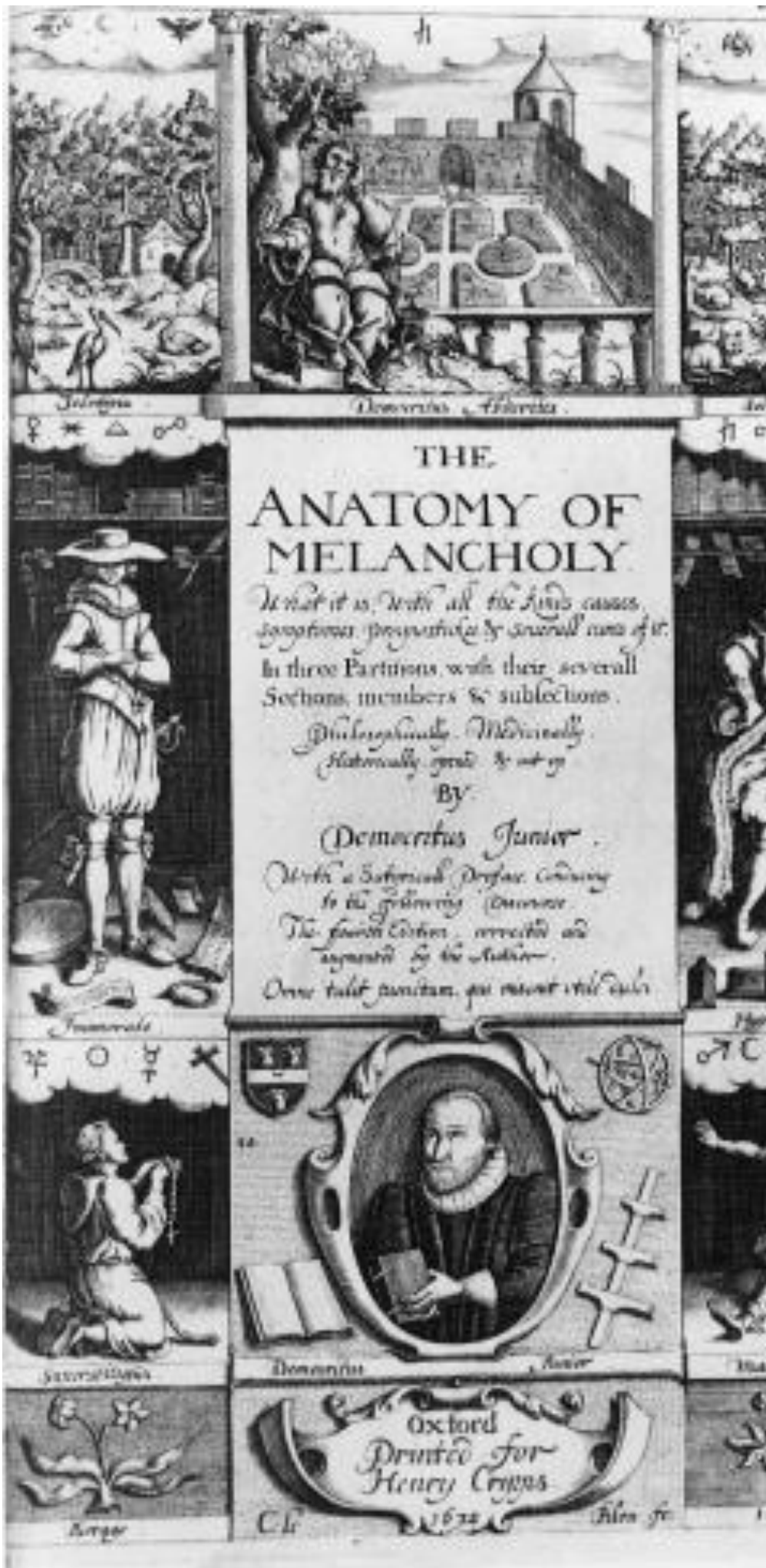
¹ Симона де Бовуар (1908–1986) – писательница и идеолог феминизма («Второй пол», 1949)

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.

Экзистенциальный кризис – состояние тревоги, пробуждающее вопрос о смысле существования. Симптомы экзистенциального кризиса:

- чувство изолированности и одиночества;
- осознание собственной смертности;
- потеря смысла жизни;
- апатия и депрессия;
- исчезновение чувства реальности окружающего мира;
- обретение ненужной свободы.

«Анатомия
меланхолии,
всё о ней: ви-
ды, причины,
симптомы,
прогнозы и не-
которые ле-
карства. В
трех частях
со своими сек-
циями, разде-
лами и подраз-
делами. Фило-
софично, ис-
торично. Про-
сто и понят-
но») – энцик-
лопедическое
издание, опуб-
ликованное в
1621 году под
псевдонимом
Демокрит
Младший. Ав-
тор книги –
оксфордский
прелат Ро-
берт Бёртон.

Лев Толстой в «Исповеди» переживаемые экзистенциальные кризисы называл минутами «остановки жизни», недоумения и уныния: «... как будто я не знал, как я должен жить, что я должен делать. ...Эти остановки жизни всегда возникали с одним и тем же вопросом: “почему?” и “зачем?”». Например, думая о славе, он говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, – ну и что ж!...». И далее Толстой продолжает: «И я ничего и ничего не мог ответить. Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать, и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным».

Экзистенциальная терапия (от *θεραπεύω* – прислуживать; ухаживать; лечить) – сопровождающая деятельность, помогающая переопределить тревожность, принять ее как сигнал, предвещающий возможное возрастание личностной силы и избрать путь, ранее мысленно не допускавшийся. Человек должен волей-неволей принять какое-либо решение и избрать свою дальнейшую жизнь.

Согласно Ирвингу Ялому («Экзистенциальная терапия», 1980) экзистенциальный кризис разрешают:

1. *Альтруизм*, стремление сделать мир лучше для жизни, служить другим, участвовать в благотворительности.
2. *Преданность делу*. Данный мотив возвышает человека, включает его деятельность в более широкий контекст и придает ей ценность.
3. *Творчество* в любой сфере деятельности. Оно самоценно и открывает новые перспективы в самом человеке.
4. *Гедонизм*. Искать удовольствия в мелочах, жить полно, удивляться чуду жизни, погрузившись в ее естественный ритм.
5. *Самоактуализация*, реализация личного потенциала, актуализация ранее упущенных возможностей развития личности.

6. *Самотрансценденция*. Переход от сосредоточенности на себе, от занятости собой к заботе о будущих поколениях, к участию в решении глобальных и перспективных вопросов

Положительная оценка экзистенциального кризиса становится отправным пунктом формирования программы его разрешения.

Во-первых, представляется возможным сфокусироваться на переживании, выделяя его, дифференцируя и модулируя. Это позволяет отграничить экзистенциальное переживание, устранить впечатление его тотальности, включить сопутствующие контексты и контекст будущего.

Во-вторых, раздумья о будущем позволяют избежать накопления чувства онтологической вины, доходящей до отчаяния.

В-третьих, человек выводится из кризиса обстоятельствами. Любые перемены и изменения побуждают к действию, частная осмысленность которого не вызывает сомнения.

В-четвертых, следование установке жить здесь-и-сейчас, с чувством повышенной ответственности за текущие, неотложные действия.

В-пятых, опираясь на позитивность экзистенциального переживания, необходимо стимулировать самоутверждение личности и положительную оценку пройденного жизненного пути, припоминание несомненных достижений и нужности, вплетенности в сеть общественной жизни.

Экзистенциальная терапия считается успешной, если у сопровождаемого появляется чувство личной силы, и он успешно апробирует новые модели поведения.

11. Постмодернизм

Понятие постмодернизма. – Интертекстуальность. – Децентрация и деконструкция. – Ризома. – Номадология. – Шизоанализ. – Гиперреальность. – Общество спектакля.

11.1. Понятие постмодернизма

Постмодернизм – это взгляд на настоящее из будущего.

Модерность означает принадлежность к современности. Модерно то, что выражает спонтанно обновляющийся дух времени. Опознавательным знаком является «новое», которое устаревает и обесценивается в результате смены «новинок» и «новостей» с большей «новизной». «За новизной бежать смиренно Народ бессмысленный привык», – отмечал А.С. Пушкин («Герой»). Быть современным (современным), – значит отвечать духу времени, верить в разум, просвещение и прогресс. Это предполагает отказ от прошлого, неудовлетворенность настоящим и устремленность в будущее.

В философии истории понятие «модерн» обозначает эпохи Нового и Новейшего времени с такими их особенностями как непрерывная модернизация, стремление к новому, к быстрым изменениям. Для модерна характерен культ тотальной рациональности и господство *метанарративов* («больших повествований») – притязающих на универсализм квазиобъяснений достижения «всеобщего языка», «вечной философии», «единой религии», освобождения человечества и создания государства всеобщего благосостояния. Как метанарратив рассматривается международное право, претендовавшее – как гарант «вечного мира» – на универсализм и верховенство над национальным правом.

События XX века заронили сомнение в состоятельности метанарративов. Французский философ Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998) констатировал: «Больше не вдохновляет стремление догнать Германию, что в общем-то предлагал президент Франции как цель жизни своим соотечественникам. К

тому же, может ли это быть целью жизни? Такая цель остается на усмотрение каждого. Каждый предоставлен сам себе. И каждый знает, что этого самому себе – мало» («Состояние постмодерна», 1979).

С распадом метанарративов люди больше не знают, за кем идти и кому поклоняться. Во взаимном безразличии никто никому больше не друг и не враг. Отвергаются унификация, деспотизм, насилие и война в пользу плюрализма, диалога и совместного нахождения решений, мира и согласия, основанного неизбежных рассогласованиях и разногласиях. Мир представляется множественным, разнообразным, разнородным, стихийным.

Метанарративы рассыпаются в облака нарративных волн-частиц. Постмодерн оттачивает чувствительность к малозаметному и незначимому, к различиям, нюансам и обертонам, поскольку каждый оказывается в фокусе интерференций фрагментированных метанарративов. И результат наложения вписывается в микронарратив (семейный, корпоративный, профессиональный и др.).

Постмодернизм первоначально возник в литературе¹ и архитектуре. застройка городов в стиле рационального функционализма создавала впечатление уныния, монотонности и однообразия. Художественная техника постмодернизма использовала *коллаж* – организацию целого посредством мозаики, калейдоскопичности разнородных фрагментов. В результате каждый «читает» произведение на понятном ему «языке».

В целом постмодернистской культуре присущи:

- 1) намеренная неопределенность, открытость, незавершенность;
- 2) фрагментарность, тяготение к коллажам и мозаичности;
- 3) отказ от абсолютности канонов и авторитетов, ирония и самоирония;
- 4) утрата непосредственности «Я», многовариантность толкований;
- 5) стремление уловить непосредственное, мыслить и действовать поверхностно;
- 6) обращение к игре, аллегории, диалогу;
- 7) репродуцирование под пародию, травести, пастиш;
- 8) карнавализация, маргинальность;
- 9) перформанс, обращение к телесности;
- 10) конструктивизм, в котором используются иносказания, фигуральный язык;
- 11) имманентность как погружение в себя (в отличие от модернизма, который стремился к прорыву в трансцендентное).
- 12) интерес к эзотерическому, к пограничным ситуациям.

11.2. Интертекстуальность

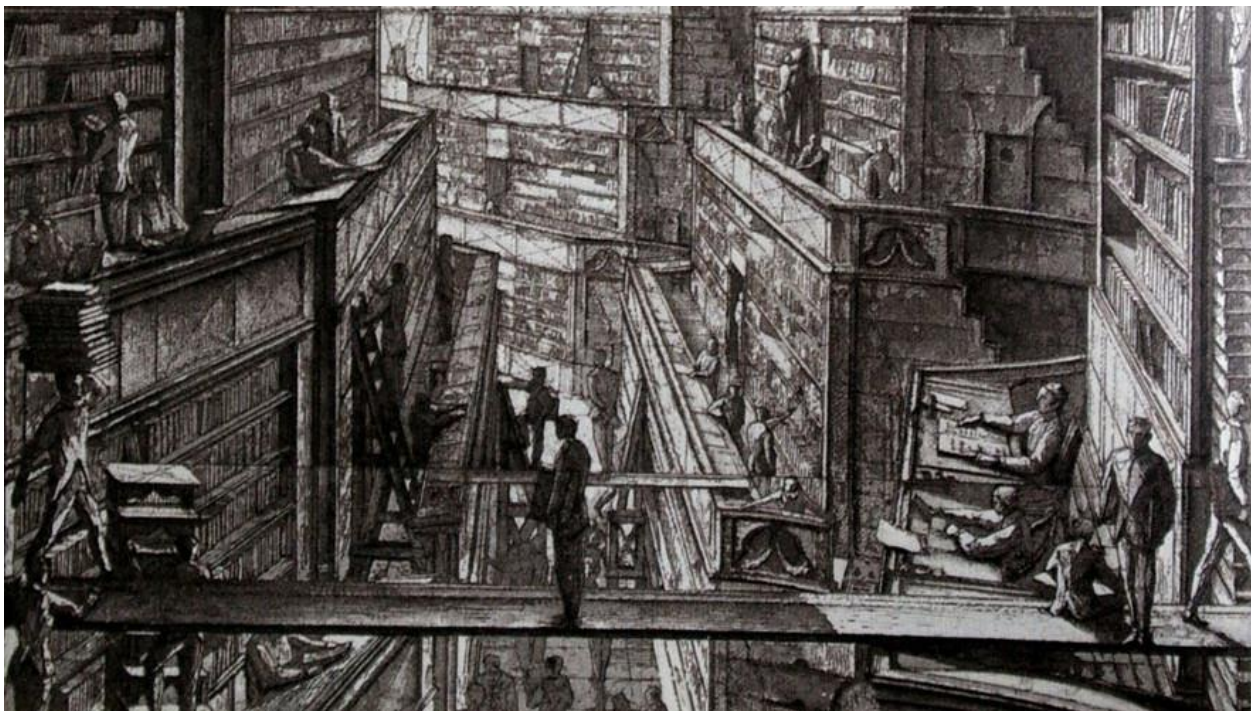
Советский филолог и философ Михаил Бахтин (1895–1975) заметил, что «гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляю-

¹ Хотя имеется энциклопедия «Постмодернизм» (Минск, 2001), более полезна энциклопедия «Западное литературоведение XX века (М., 2004).

щие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки и т. п.)). Он зафиксировал феномен *интертекстуальности* – присутствия «текста в тексте» и интерпретировал текст как монаду, отражающую в себе все тексты (в пределе).

Развернутую характеристику интертекстуальности дал французский семиотик и философ Ролан Барт (1915–1980), который писал: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» («Текст»).

Символом интертекстуальности является образ «Вавилонской библиотеки» из одноименного рассказа аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса (1899–1986). Это «вселенная-библиотека», которая существует вечно и объемлет все написанные и не написанные книги, созданные путем комбинаторного перебора букв алфавита. В отношении книг этой библиотеки известно, что «на одну осмысленную строчку или истинное сообщение приходится тысячи бессмыслиц, груды словесного хлама и абракадабры». Хотя каждая книга уникальна, существуют сотни тысяч книг, отличающиеся одна от другой буквою или запятой. Известно суеверие, что существует книга, «содержащая суть и краткое изложение всех остальных: некий библиотекарь прочел ее и стал подобен Богу».

Каждый текст строится из цитат, пересказов, отсылок, аллюзий и реминисценций к другим текстам. Текст возникает в *контексте* как реакция на *предтексты* – предшествующие тексты – и во многом существует за счет них. Примером использования механизма интертекстуальности являются строки Евгения Баратынского: «Меж мудрецами был чудака: “Я мыслю, – пишет он, – итак, Я, несомненно, существую”», – отсылающие к «*Cogito ergo sum*» Декарта. Интертекстуальные связи устанавливаются не только в литературе, но и между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кинематографа и вообще любыми явлениями, в которых удастся рассмотреть следы предшественников.

За гомогенностью авторского текста обнаруживаются его генетическое разнообразие и многослойность. Каждая ссылка над предтекст вводит в контекст и конституирует под текстом еще один уровень письма – *подтекст*. Постепенно вскрываемая и имеющая ценность многослойность текста позволила интерпретировать его как *палимпсест* – предмет, с которого слой за слоем снимают нанесенные на него знаки.

Интертекст позволяет автору указать на свои предпочтения, реализовать прагматические установки привязки к прецедентным именам и текстам,

сформировать контекст восприятия. Он адресован людям определенного круга, способным заметить, оценить и понять ссылку. Это своего рода пароль, позволяющий установить доверительный контакт, расконсервировать агента и его культурные ресурсы, индуцировать генерацию *гипертекста*.

Прецедентные тексты – стихийно или сознательно отобранные тексты, которые известны в культуре и поэтому допускают разнообразные возможности их использования. К прецедентным текстам с высоким потенциалом относятся фольклорные тексты, Библия, произведения классиков художественной культуры, идеологические и рекламные штампы. Обращение к различным источникам повышает культурный потенциал текста.

Юридический дискурс характеризуется высокой степенью формализованной интертекстуальности, отсылающей к прецедентам и законодательным актам. Судебный дискурс, кроме того, содержит интертекстуальные включения из досудебной документации, показаний свидетелей, речей обвинителя и защитника, что обеспечивает непрерывность правового поля. Гражданская лояльность демонстрируется ссылками на выступления представителей других ветвей власти. Для демонстрации профессиональной преемственности и коллегиальности принято цитировать высказывания других судей. Для убеждения аудитории английские судьи используют библейские аллюзии и фрагменты из Шекспира.

11.3. Децентрация и деконструкция

Децентрация – ротация центра и периферии в репрезентации мира, осуществляемая путем смещения центра и децентрализации деятельности.

Идея децентрации исходит из факта *центризма* – дифференциации множества элементов на центральные (ведущие, главенствующие) и периферийные (маргинальные, подчиненные). Так, из массы товаров выделяется денежный товар (деньги), выполняющий функцию всеобщего эквивалента, меры стоимости и средства обращения. Централизация власти выражается во

многих людях (полиархия) и доходит до фигуры монарха. Уголовное право эволюционирует от талиона к выделению верховного суда, соизмеряющего преступление и наказание.

В целом европейская культурная традиция характеризуется как *эго-этно-онто-тео-антропо-телео-фалло-фоно-лого-центризм*, утверждающий «естественный» приоритет соответствующих элементов, в частности:

- *онтоцентризм* – презумпция возможности построения референциально понятой картины мира (онтологии);

- *теоцентризм* – презумпция линейно понятого детерминизма, предполагающего применительно к любому феномену и процессу наличие исчерпывающе объясняющей его внешней квази-причины;

- *телеоцентризм* – убеждение в целесообразности как мирового процесса, так и отдельных событий;

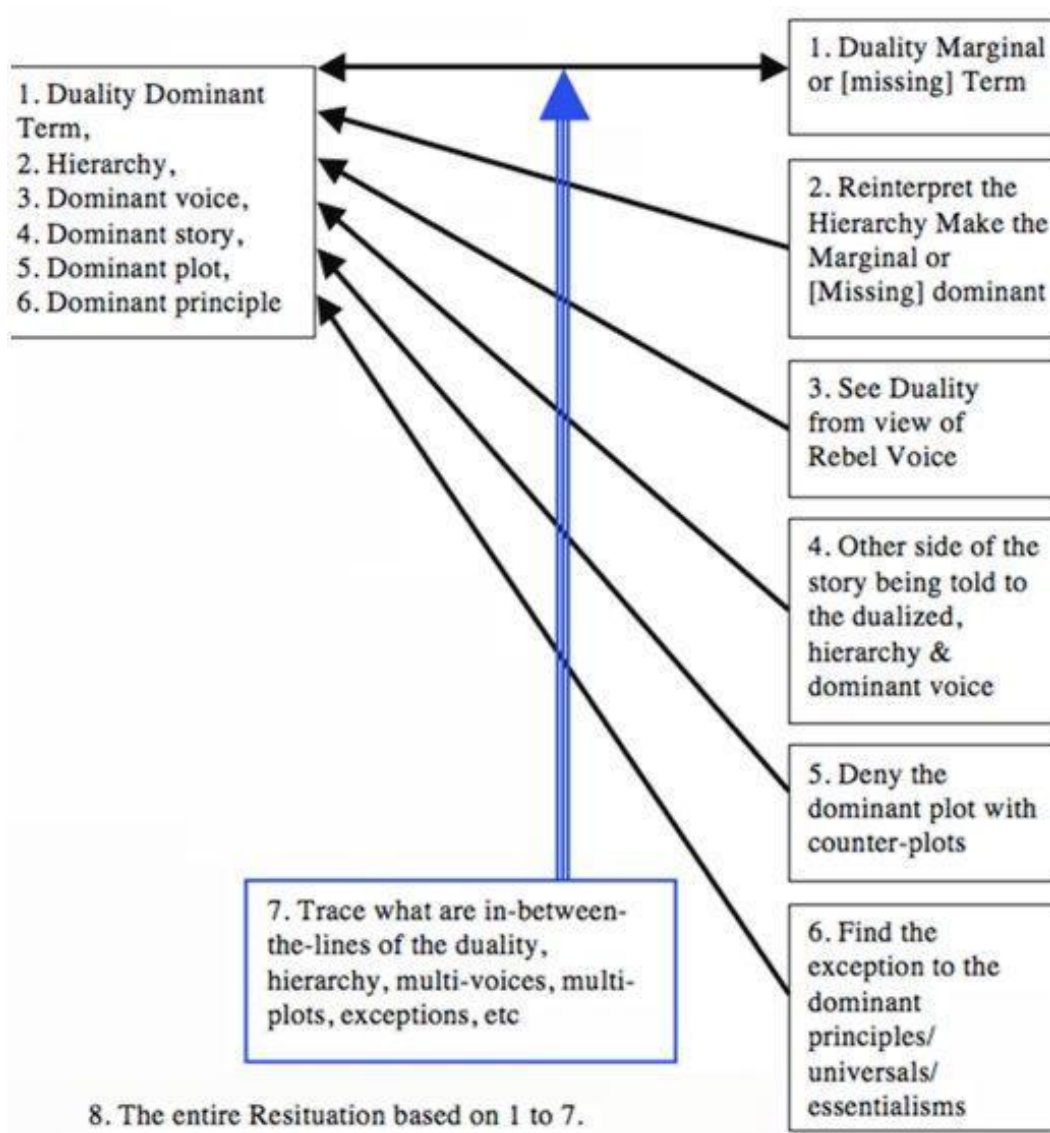
- *фаллоцентризм* – мышление в рамках жестких бинарных (как правило, асимметрично интерпретируемых) оппозиций, типа: объект – субъект, Запад – Восток, мужское – женское.

- *логоцентризм* презюмирует присутствие в мире смысла, объективной логики и достаточной ее выразимости (прочтения) в словах и понятиях.

Вытекающая из логоцентризма *логофилия* переходит в латентную *логофобию*, которая учитывает непредсказуемые возможности дискурса и регламентирует его табуированием лексики, ограничением вопрошания, требованием молчания. Логомахия вскрывает языковую игру, переносит внимания на полисемию или на политематизацию.

По образному выражению М. Фуко, «мы ищем центральную комнату в страхе, что таковой нет». *Ацентризм* – отказ от презумпции наличия заведомо приоритетных локусов среды (точек, осей, зон). Считается, что они динамичны и рассредоточены в полицентрическом пространстве. Так, в современном интерьере стулья не тяготеют к столу, а замещаются креслом-кроватью.

Ацентризм выражается в ускользании от определенностей любого рода. Любая определенность, однозначность – социальная ловушка. Ускользание индивидов разрушает себестождественность общества. Ж. Делез и Ф. Гваттари заявляли: «...порядочные люди говорят, что убежать не нужно, что это не эффективно, что необходимо трудиться во имя реформ. Но всякий революционер знает: ускользание революционно...» («Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип», 1972).

Для постмодернизма характерен повышенный интерес к периферийному, маргинальному и пограничному. Они воспринимаются как возможность быть иначе, сосуществовать с иным и смешиваться с ним. Обращение к иному позволяет дополнить основания развития или сменить их, что открывает новые перспективы.

На основе децентрация осуществляется деконструкция. *Деконструкция* (от лат. *de* «обратно» и *constructio* «строю»; «переосмысление») включает «деструкцию» и его реконструкцию структуры, требует «расстроить» «построенное» и «пере-построить» его заново.

Для этого объект реструктурируется. Первоначально в нем фиксируются доминантные элементы. Затем определяются бинарные оппозиции, членами которых являются доминантные элементы. Идентифицируются субдоминантные элементы. Далее соотношение элементов в бинарных оппозициях прослеживается в генезисе. Оцениваются потенциал и перспективы актуализации субдоминантных элементов.

Большое значение имеет выявление амбивалентных элементов, представляющих собой *неразрешимости* – элементы двойственной функциональности. Таков, например, фармакон – и лекарство и яд. Разрешение базисного противоречия в различных вариантах рассматривается как отправной пункт реконструкции.

Для успеха деконструкции текста необходимо обращать внимание на неувязки, оговорки, апории. Принимать во внимание этимологию, сходство значений, неявные метафоры. Поскольку они являются неотъемлемыми элементами текста, то могут определять вариативность его генезиса.

11.4. Ризома

Примером децентрации и деконструкции является обращение к модели *ризомы* – корневища.

Делёз и Гваттари в произведении «Тысяча плато: Капитализм и шизофрения» (1980) отметили, что мифопоэтическая модель мирового древа стала господствовать над западной реальностью и всей западной мыслью, объясняя это тем, что у Запада привилегированные отношения с лесом, с вырубкой леса. Древовидный тип имеют сельскохозяйственные растениями и животные, дихотомическая логика и структура социума (например, «отрасли» права).

В дереве важна вертикаль, иерархия корня, ствола, ветвей, т.е. порядок, жесткая осевая ориентация и наличие ствола – магистрали развития.

Представитель Франкфуртской критической школы Теодор Адорно (1903–1969) обращал внимание на политическую подоплеку мышления «корнями»: «Категории “корней”, “истоков” сами принадлежат господину; они легитимируют того, кто первый достиг цели, потому что он уже был у цели; коренного жителя в противоположность переселенцу, оседлого в противоположность мобильному. Истоки – вот что привлекает, потому что не хочется дать себя обмануть производным, идеологичным; но сами истоки – это идеологический принцип. («Негативная диалектика», 1966)

Поэтому понятным является уклонение от модели мирового дерева. «Мы устали от дерева. Мы не должны больше верить деревьям, их корням, корешкам, мы слишком пострадали от этого. Вся древовидная культура основана на них – от биологии до лингвистики», – пишут Делёз и Гваттари.

Ризома интерпретируется как сетевидная структура, в которой любая точка может и должна быть связана с любой другой ее точкой. В отличие от метафоры «корня» как предполагающего

Рис. Т. Зеленченко «Мировое дерево» жестко фиксированную конфигурацию и генетическую (осевую) структуру, ризома есть «корешок», т.е. «корневище-луковица» или сеть «корневых волосков» с непредсказуемыми переплетениями.

В действительности, возможны следующие виды построения сети: а) полносвязное (каждый с каждым), при котором любой узел имеет прямые связи со всеми остальными узлами; б) узловое, при котором несколько пунктов группируются в узлы и последние соединяются между собой; в) радиальное (звездообразное), при котором имеется лишь один узел с расходящимися линиями по радиусам к другим пунктам. Полносвязные и узловые сети надежны, но затратны. Радиальная сеть не имеет путей резервирования и не гарантирует непрерывность связи. Оптимальна радиально-узловая система, имеющая обходные, резервные пути и два-три независимых выхода к любому узлу связи.

Ризоморфная структура характеризуется:

- открытой архитектурой, допускающей сборку и досборку, включение дополнительных модулей;
- ацентризмом, когда нет ни начала, ни конца, но всегда посреди («меж-бытие»);
- принципом незначущего разрыва, который всегда может быть компенсирован;
- способностью устанавливать неожиданные связи, соединения, альянсы;
- возможностью движения по разным направлениям, растекания и запутанного блуждания с отступлениями, вариациями и повторениями;
- множеством входов и выходов, направлений роста.

В своей процессуальности конкретная конфигурация ризомы непредсказуема. В ней возможно выделение временно актуальных соотношений – плато.

«Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?» – это самые бесполезные вопросы, по мнению Делёза и Гваттари. Каждая позиция является одновременно и началом, и концом, и серединой пути. Нужно быть ускользающим в пути, а не начинать и не заканчивать.

По Ж.П. Сартру, обеспечиваемое более высокой скоростью движения ускользание (и скольжение) – это «восхитительный образ власти», противоположный укоренению: «Корень наполовину уже ассимилирован в земле, которая его питает; он — живая конкретность земли; он может использовать землю, только делаясь землей, т. е. в определенном смысле подчиняясь материи, которую он хочет использовать» («Бытие и ничто», 1943). В идеале скольжение не оставляет следа, но сосредоточивает и уплотняет несущее бытие, мимолетно его организуя. «Отсюда, – поясняет Сартр, – известный совет: “Скользите, смертные, не опирайтесь”, что не означает: “Оставайтесь на поверхности, не углубляйтесь”, но напротив: “Реализуйте синтезы в глубине, но не подвергайте себя опасности».

11.5. Номадология

Номадология – модельная реконструкция мировосприятия кочевников в его обусловленности кочевым образом жизни.

Топологически мышление кочевых народов ориентировано на поверхность, плоскость, тогда как мышление оседлых народов ориентировано на глубокое или возвышенное. Кочевое мышление соответственно, горизонтально, а оседлое – вертикально. Оседлая культура основана на понимании движения по осевому (генетическому) вектору – в отличие от номадического понимания движения как дисперсного рассеивания.

Актуализация темы номадизма вызвана феноменом «новых кочевников» – интенсивной территориальной мобильностью населения, проявляющейся в частой смене местожительства, деловых и туристических поездках, маятниковой миграции. В бестселлере «Футурошок» (1970) американский

футуролог и публициста Элвин Тоффлер писал: «Во всех технически развитых обществах, а особенно среди тех, кого я назвал “людьми будущего”, совершать регулярные поездки на работу в город из пригорода, путешествовать и регулярно менять местожительство семьи стало второй натурой. ... Мы являемся свидетелями того, как утрачивается для человека значение места проживания. Мы воспитали новую расу кочевников, и лишь немногие отдают себе отчет, сколь многочисленна, повсеместно распространена и существенна такая миграция».

Мобильность кочевников обусловлена необходимостью смены кормовых угодий для крупного и мелкого домашнего скота. Современная мобильность обусловлена высоким темпом перемен в окружающем мире, действием закона перемены труда, вынуждающим менять профессию и места занятости. Мобильности содействовали многочисленные технические средства – автомобили, мобильные телефоны, ноутбуки и другие, позволившие сохранить привычную информационную среду.

Мобильность индивида влечет за собой мобильность личных связей, скоротечные и поверхностные (неглубокие) отношения, временность всего. Исчезает привязанность к вещам, которые все чаще становятся одноразовыми

или берутся напрокат. Решения должны приниматься без долгих размышлений. Прошлое должно быстро стираться из памяти. Необходимость универсальной адаптивности требует пластичности и посредственности, обеспечивающих легкую заменяемость. Нужно быть несложным, легким на подъем и необремененным во всех отношениях.

Розовая пантера – символ
постмодернизма

Адаптация индивидов к новому нomaдизму облегчается кочевым происхож-

дением многих народов (например, индоариев) и мировых религий (христи-

анства, иудаизма и ислама). Номадология обращает внимание на номадическое измерение жизни многих оседлых народов, проявлявшееся в подсечно-огневом земледелии, норманнской практике контроля больших пространств, крестовых походах, странничестве, погоне за модой и т.п.

Э. Тоффлер описывает следующие стратегии выживания, помогающие справиться с частыми переменами и обеспечивать непрерывность, устойчивость жизни:

1. Сенсорная защита выражается в выключении сенсорных стимулов, ограничении новизны, предпочтении хорошо знакомого, сознательное замедление темпа жизни.

2. Формирование зон личной стабильности, т.е. постоянство в определенных сторонах жизни. Например, сразу после развода не следует менять работу.

3. Включение во временные ситуативные группы, организующиеся вокруг решения одинаковых проблем – в группы новоселов, молодых мам и пр.

4. Кризисное консультирование, состоящее в обращении за советом и помощью к специалистам, к людям, пережившим похожий опыт, просто к знакомым с другим типом восприятия мира.

5. Градуирование перемен, например, постепенное освобождение из пеницитарных учреждений. Призыв на военную службу или уход на пенсию не должны быть резкими, разрушающими переменами, а должны включать последовательную, поэтапную сепарацию.

6. Нужно сохранять анклав прошлого, в которых реорганизация, новизна и выбор намеренно ограничиваются. В таких сообществах люди смогут сохранить размеренное и спокойное существование, которое им необходимо.

7. Нужно также создавать экспериментальные анклав будущего.

8. Следует изобретать ритуалы и традиции, фиксирующее постоянство в новых видах деятельности и обеспечивающие их предсказуемость.

9. Ввести регулярность там, где она пока не предусмотрена, создавая стабильные временные референтные точки (например, многочисленные профессиональные праздники или праздники, знаменующие поворотные события в прошлом).

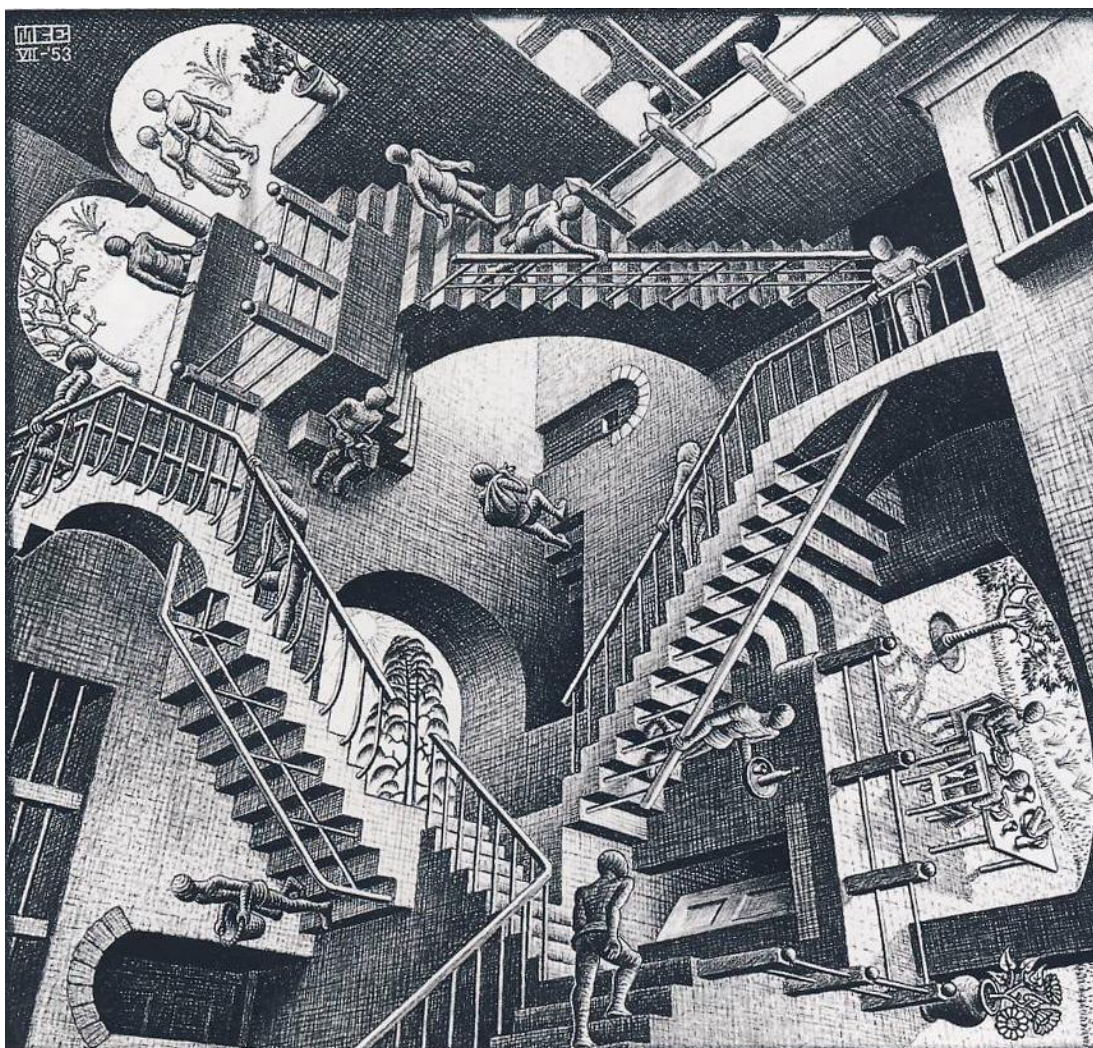
11.6. Шизоанализ

Шизоанализ (от др.-греч. $\sigma\chi\acute{\iota}\zeta\omega$ – раскалываю) – установка на восприятие мира как расколотого, расщепленного, фрагментарного. Как декларируют Делёз и Гваттари в своем произведении «Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип», мы живем в эпоху частичных объектов, кирпичиков и остатков, в

мире, где все функционирует в раздробленности, в щелях и в разрывах, в сбоях и поломках, прерываниях и коротких замыканиях, на отдалении.

Как шизоидный текст Ж. Делёз и Ф. Гваттари характеризуют роман М. Пруста: «Поражает, насколько в литературной машине романа «В поисках утраченного времени» все части произведены в качестве асимметричных сторон, разорванных направлений, закрытых коробок, несообщающихся сосудов, отсеков, в которых даже смежные пространства оказываются удаленностями, причем именно удаленностями утверждений, кусочками мозаики, которые берутся не из одной и той же, а из разных мозаик, с силой подгоняются один к другому, всегда оставаясь локальными и никогда – специфичными, их нестыкуемые края постоянно находятся под давлением, профанируются, вкладываются друг в друга, всегда с некоторым остатком».

Отличительный признак шизоида – отсутствие единственной, жестко фиксированной жизненной позиции. Шизоповедение выражается в стремлении удержаться на разных позициях одновременно. При этом человек избегает фиксировать собственную позицию, точно определять свои взгляды. Это возможно, так как человек децентрирован, несет в себе несколько Я, что позволяет ускользнуть от внешнего давления.

Восприятие «шизо» – внутренне разорванного человека – Александр Куприянович Секацкий (род. 1958) описал в работе «Шпион и разведчик: инструменты философии» (1997). Для разведчика-нелегала (и отчасти дипломата) характерно сращение со средой: «...Двадцать лет я свой среди чужих – достаточно, чтобы начать путать тех и других». Эта профессиональная де-

формация обычно предупреждается ротацией страны пребывания не реже чем раз в 10 лет.

Сек

ацкому интересно, почему среда все же «заедает» шпиона, его диверсионно-разведывательная работы затухает («внутренняя явка с повинной») и он совершает переход к «двойной игре»? Этот вопрос представляет всеобщий интерес, так как каждый является законспирированным шпионом: а) будучи экзистенциально заброшенным в мир со своей миссией и легендой, и, б) внедряясь в различные сообщества, оставаясь «себе на уме» и легко продвигаясь, ограничиваясь имитацией правил игры. Поэтому «шпионить» и «обезвреживать шпиона» приходится чаще, чем «исправлять и наказывать».

Итак, почему мир, в который заслано столько диверсантов, до сих пор не обрушился? Вероятно, потому, дело обезвреживания шпионов предоставлено самим шпионам. Хотя общество пронизано стихийной контрразведкой, выявление шпиона – не самоцель.

На стадии внедрения агент «спит» и не приносит вреда. «Спящие агенты» – самая динамичная, работоспособная и примерная категория граждан:

ведь им нужно, чтобы все прошло без сучка и задоринки. Контрразведывательная защита обеспечивает, чтобы агенты не вышли на связь. «Мир переполнен агентами, с которыми никто так и не вышел на связь, – но именно это обстоятельство прочнее всего связывает их друг с другом. Или, иначе, прочнее всего люди связаны друг с другом как враг с врагом», – пишет Секацкий.

Длительное бытие «как во сне» расщепляет нелегала. Захват агента начинается с захвата тела. Обмен со средой модифицирует его внутренний мир – биохимически и психосоматически. Смена ландшафта и рациона питания влечет за собой реорганизацию кишечной микрофлоры. «Измена микрофлоры» изменяет гормональный и эмоциональный фон, т.е. восприятие действительности.

11.7. Гиперреальность

Гиперреальность – ассоциация симулякров, представляющих реальность, в действительности несуществующую. Если обычная симуляция (лат. *simulatio* – видимость, притворство) создает видимость действительности путем манифестации ее признаков, то *симулякр* – это фантазм, принятие которого за реальность влечет за собой реальные последствия.

В результате существующие предметы дереализуются и поглощаются симулякрами. Например, литературные герои могут стать примером для подражания и инициировать соответствующие жизненные сценарии.

Симулякр операционален, если пользователю недоступны его фальсификация, установление его истоков и соотнесение с реальностью. Достаточно, если отдельные аспекты симулякра будут актуализованы и сконстеллированы в восприятии продвинутого пользователя в соответствии с его ожиданиями. А.С. Пушкин писал: «Нет! Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман...» («Герой»). Поскольку симулякр операционален лишь в сообществе, то он меняется с изменениями чаяний пользователя.

Предельным случаем симулякра является «пустой знак», например, лучшая картина Казимира Малевича «Черный квадрат»:

Симулякр не имеет референта. Поэтому его значение открыто, релятивно и вариативно. Он может означать все, что угодно. Конкретная интерпретация выявляет приверженность к определенной метанаррации.

Операциональные симулякры становятся предметом репродукции и римейков, подражаний и пародий, микродетализации, превращения их в модельные серии. Так, «Черный квадрат» был написан К. Малевичем в четырех вариантах. Он стал первой частью триптиха, в который вошли «Черный круг» и «Черный крест». Кроме того он написал картины «Красный квадрат» и «Белый квадрат».

Гиперреальность симулякра проявляется в его сверхценности. Так, с точки зрения Жана Бодрийяра (1929–2007), автора работы «Симулякры и симуляция» (1981), для государства симуляция преступлений опаснее реальных преступлений, так как позволяет предположить, что правопорядок – возможно, не что иное, как симуляция.

Ж. Бодрийяр подчеркивает, что симуляция преступления воспринимается государством в горизонте реального. Дело в том, что если ситуация

представляется как реальная, то человек ведет себя в соответствии с данным представлением и последствия его поведения вполне реальны.

На этом основан эффект *самоисполняющегося пророчества* – предсказания, влияющего на реальность таким образом, что в итоге оно оказывается верным (как в повести Александра Грина «Алые паруса»). А необоснованный страх действительно может изменить интерпретацию событий, дезорганизовать поведение и породить ситуации, ведущие к предсказанным последствиям. Избежать этого можно путем продуманного институционального контроля и позитивного программирования личной жизни.

Образным воплощением гиперреальности стал *гиперреализм*. Это течение современного искусства, в котором создается ложная реальность, настолько убедительная, что создает впечатление сверхреальности.

11.8. Общество спектакля

Ситуационизм – философское направление, которое разрабатывало техники действия в гиперреальности.

По мнению Ги Дебора (1931-1994), одного из учредителей Ситуационистского Интернационала и автора книги «Общество спектакля» (1967), отныне видимость господствует в обществе, и теперь уже никакой «главный вопрос» не может быть поставлен «честно и откровенно». Мы играем одну из многих предложенных спектаклем ролей. При этом зрители нашего спектакля – актеры конкурирующих спектаклей, созерцаемых нами. Никому нельзя верить, наблюдая его занятия. По правилам спектакля индивид обязан, следуя сиюминутному влечению, приобрести товар-пустышку – и тут же в нём разочароваться.

Общество спектакля – это чудесный порядок. Ему присуще зыбкое совершенство, основанное на заговоре молчания, фабрикации современности. Постановочность, зрелищная фальсификация становятся организационной формой выживания. Любые попытки пробиться к действительности подвер-

гаются *рекуперации*, т.е. поглощаются и пускаются в оборот. Так, Великая Октябрьская социалистическая революция представляется как американский (или германский) бизнес-проект.

Но любое зрелище приедается, а роль надоедает. В конце концов возникает кризис зрелища. Для постановки нового спектакля нужен тяжкий труд, в атмосфере жертвенности и ограничения. Настоящее приносится в жертву прошлому или будущему. Каждое мгновение минуту это настоящее разбивается на мелкие фрагменты прошлого и будущего. Но живем мы в настоящем. Поэтому надо учиться замедлять время, жить настоящим и в настоящем в его нескончаемой длительности.

Поскольку все люди – в игре, то игр не избежать и следует играть, начиная собственную иг-

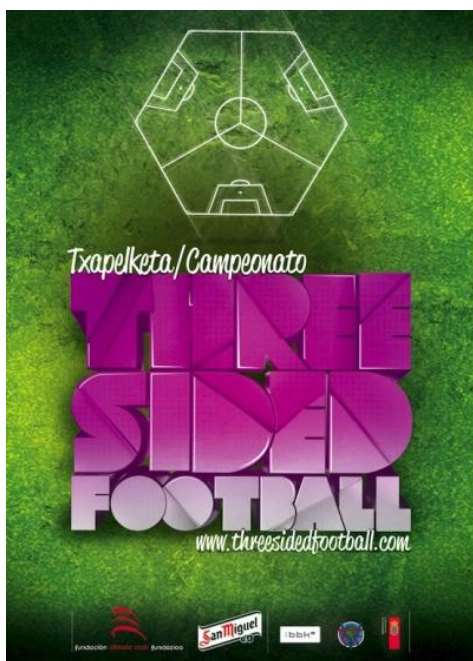

«Будь реалистом - требуй невозможного!» – анонимное граффити. (Париж, май 1968).

ру. Роль в игре невозможна без игры с ролью. Индивид *обращает перспективу* и перестает смотреть на происходящее глазами других. Это – *диверсия* как усмотрение в казалось бы одном и

однозначном разного. Значение либо утрачивается, либо организуется новый ансамбль значений.

Прежде всего, ситуационизм предлагает *конструирование ситуаций* – инициирование неожиданных «межспектаклевых» связей, создание краткосрочных сред существования. Так, в 1962 г. немецкий актер Вольфганг Нойс опубликовав в газете «Der Abend» заметку, где заранее объявил имя убийцы в сериале, державшем зрителей в напряжении в течение многих недель. Рауль Ванейгем, автор «Трактата об умении жить для молодых поколений» (1967), пропагандировал забастовки, в которых работники оказывают свои услуги бесплатно. Сюда же можно отнести стрит-арт и guerrilla gardening.

Член Ситуационистского интернационала датский художник Асгер Йорн (1914–1973) выдвинул проект трёхстороннего футбола, в котором на одном поле одновременно играют три команды. Целью игры является забивание голов в ворота соперника и одновременно удержание в неприкосновенности собственных ворот. Побеждает команда, которая пропустила меньше мячей. Предполагалось, что трёхсторонний футбол снимает биполярную конфронтацию.

Détournement (переворачивание) – повторное использование известного культурного материала для создания нового произведения, как с внесением изменений в оригинальные фрагменты, так и без них (фотожабы, демотиваторы). Используется реверсирование образа: Клемансо¹ (по прозвищу «Тигр») может стать «Тигром, по прозвищу Клемансо».

Еще одна техника – *дрейф* (*dérive*): сквозное прохождение через различные среды, фланирование по настроению, с произвольными отклонениями.

На основе дрейфа вырабатывается искусство *паркур* – искусство свободно перемещаться сквозь окружающее пространство, координационная готовность передвигаться вперед в любых жизненных ситуациях и на любом рельефе, рационально преодолевая любые появляющиеся на пути препятствия.

¹ Жорж Клемансо – председатель совета министров Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг. За жесткий характер и непримиримость получил прозвище «le Tigre».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После работы с этой книгой вы стали мудрее. К мудрости можно прийти по-разному – с возрастом, с пережитыми бедами. Есть более надежные рецепты: «утро вечера мудренее», «ум хорошо, а два лучше». И лучше два разных ума.

Разнообразие философии позволяет позиционировать себя в ее универсуме, определить свою философскую ориентацию, понять друзей и недругов, думающих иначе. Дружба позволяет действовать свободнее. И целью этого взаимодействия является сохранение себя и другого как предпосылки свободы. Гегель подчеркивал: «Только так осуществляется истинная свобода, ибо ввиду того, что эта последняя состоит в тождестве меня с другим, я только тогда истинно свободен, если и другой также свободен и мной признается за свободного. Эта свобода одного в другом соединяет людей внутренним образом; тогда как, наоборот, потребность и нужда сводит их вместе только внешне. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге» («Энциклопедия философских наук»).

Философия есть свободная деятельность. Издревле слово свобода означало совместно, полисно живущих родичей, свояков, сябров, друзей, короче, всех своих. Философия поэтому есть забота о своих. Философ стремится создать для всех людей такие условия жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими домашними и ближними в человеческих отношениях.

Принцип человечности сформулировал Конфуций в категории *жэнь* (букв. – «человек и человек» или «человек среди людей»). Жэнь – это спокойное отношение к людям, основанное на «золотом правиле» морали: «не

навязывать другим того, чего не желаешь себе», «упрочивать других в том, в чем желаешь упрочиться сам, и подвигать их на то, на что желаешь подвигнуться сам» («Лунь юй»).

Сегодня философия выглядит – и она действительно является – трансцендентной и малопонятной для не-философов. Между тем до Канта, как отмечал Гегель в «Лекциях по истории философии», практически вся европейская философия желала быть популярной и была популярной. В приложении F к учебнику вы найдете перечень знаменитых общедоступных философских текстов.

Рассел (в центре) с женой Эдит возглавляет антиядерный марш в Лондоне (1961)

Когда вы обратитесь к ним, то вспомните слова математика и философа Бертрانا Рассела, лауреата Нобелевской премии в области литературы (за книгу «Брак и мораль»), так характеризовавшего ценность философии: «Философия может дать привычку к точному и внимательному мышлению, не только в математике или в естественных науках, но и в важных практиче-

ских вопросах. Философия может дать беспристрастное и широкое понимание целей человеческой жизни. Она может дать человеку чувство меры в понимании своей роли в обществе, роли современности по отношению к прошлому и будущему, роли всей истории человечества по отношению к космосу. Расширяя мышление, философия создает противовес тревогам и страданиям нашего времени и делает возможным то приближение к спокойствию, на которое способен чуткий разум в нашем измученном и неуверенном мире» («Непопулярные эссе», 1951).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Персоналии

Философия Древнего мира

Фалес (640–562 до н.э.) – основатель милетской школы, один из «семи мудрецов». Полагал, что первоосновой мира является вода.

Пифагор Самосский (570 –500 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Анаксимандра. Настаивал на том, что все есть число.

Будда Шакьямуни (563 до н.э. – 483 до н.э.) – основатель буддизма.

Лао-цзы (VI–V в. до н.э.) – мудрец Древнего Китая, легендарный основоположник даосизма и автор «Дао дэ цзин» – «Книги о пути и благой силе».

Конфуций (552–479 до н.э.) – мудрец Древнего Китая. Конфуций сформулировал золотое правило этики: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе».

Гераклит (540 –480 до н.э.) – ионийский философ из Эфеса. Был прозван «темным» (за глубокомысленность) и «плачущим» (за трагическую серьезность). Первоначалом всего он считал огонь – суть «логос».

Парменид (кон. VI – нач. V в. до н.э.) – основоположник элейской школы. Сформулировал принцип тождества бытия и мышления: «мыслить и быть одно и то же», – согласно которому, реально лишь то, что мыслимо, а то, что немислимо, не существует.

Зенон Элейский 490 –430 до н.э.) – ученик и приемный сын Парменида. Сформулировал апории, направленные против возможности движения: «Дихотомия», «Ахиллес», «Стрела», «Стадий».

Протагор (480–340 до н.э.) – известнейший из софистов; близок к Периклу. Главное положение философии Протагора: «Человек есть мера всех вещей – сущих в их бытии и несущих в их небытии».

Демокрит из Абдеры (460 –370 до н.э.) – древнегреческий философ-атомист.

Сократ (470–399 до н.э.) – древнегреческий философ. Задачу философии видел в самопознании человека, что выражено в его призыве «Познай самого себя».

Платон (427–348 до н.э.) – ученик Сократа. В его учении существование мира вещей зависит от мира идей (прообразов вещей)

Аристотель (384–322 до н.э.) – ученик Платона и наставник Александра Македонского. Известен высказыванием «Платон мне друг, но истина дороже». В 335 до н.э. основал собственную школу, названную перипатетической, или Ликеем.

Пиррон (ок. 360–280 до н.э.) – основатель античного скептицизма. Рекомендовал воздержание от суждений, поскольку «ничуть не более это, чем то».

Эпиктет (50–125) – греческий философ–стоик. Существующий порядок вещей, учил он, не зависит от нас и нам не по силам его изменить.

Августин, бл. Аврелий (354–430) – представитель зрелой патристики. Наиболее значительные произведения: «Исповедь» (400) и «О граде Божьем» (413–426).

Бозций, Аниций Манлий Торкват Северин (480–524) – римский философ, один из основоположников средневековой схоластики. По обвинению в государственной измене был заключен в тюрьму, где в ожидании казни написал художественно–философское сочинение «Утешение философией».

Философия средних веков и Возрождения

Фома Аквинский (1225–1274) – систематизатор схоластики. С 1279 г. томизм является официальным философским учением в католических учебных заведениях.

Оккам, Уильям (1285–1347) – сторонник номинализма. Известен принципом «бритва Оккама»: «Не следует умножать сущности сверх необходимого».

Николай Кузанский (1401–1464) – немецкий гуманист, автор доктрины *docta ignorantia* («учёного незнания») и принципа *coincidentia oppositorum* (совпадения противоположностей) – максимума и минимума.

Эразм Роттердамский (1469–1536) – нидерландский гуманист, автор бестселлера «Похвала глупости» (1509).

Монтень, Мишель (1533–1592) – авторов «Опытов», в которых описал движения своей души.

Классическая философия Нового времени

Бэкон, Фрэнсис (1561–1626) – генеральный прокурор, лорд–канцлер Великобритании. Известен афоризмом «Знание – сила». Основоположник эмпиризма, предложивший в труде «Новый Органон или истинные указания для истолкования природы» (1620) использовать эксперимент и систематическую индукцию.

Декарт, Рене (1596–1650) – французский философ–рационалист, известный основоположением «Я мыслю, следовательно, я существую» («*cogito ergo sum*»). Наиболее известная работа «Рассуждение о методе» (1637).

Кант, Иммануил (1724–1804) – родоначальник немецкой классической философии. В трех фундаментальных работ «критического периода» – «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790) показывает ограниченность разума.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770–1830) – один из главных представителей немецкой классической философии. Наиболее крупные работы: «Феноменология духа» (1807) и «Наука логики» (1812–1816). Основной его тезис: «Все действительное разумно, все разумное действительно».

Неклассическая философия XIX–XXI вв.

Шопенгауэр, Артур (1788–1860) – немецкий философ, основоположник философии жизни. Кантовское понятие «вещь–в–себе» он отождествил с

волей – подлинной реальностью мира. Основная работа: «Мир как воля и представление» (1818).

Конт, Огюст (1798–1857) – французский философ–позитивист, автор шеститомного «Курса позитивной философии» (1830–1842). Вся история человечества, согласно Конту, подчиняется «закону трех стадий»: теологической (фиктивной), метафизической (отвлеченной) и научной (позитивной).

Маркс, Карл (1818–1883) – основоположник материалистического понимания истории, изложенного в «Немецкой идеологии» (1846, совместно с Ф. Энгельсом).

Ницше, Фридрих (1844–1900) – немецкий философ, представитель «философии жизни», говоривший «Для начала отвык я жалеть себя!». Известен учение о сверхчеловеке, изложенном в работе «Так говорил Заратустра...» (1883).

Соловьев, Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский философ. Исходя из принципа всеединства, строил систему «цельного знания», которая высшей задачей и конечным результатом развития человечества объявляла синтез науки, философии и религии.

Дьюи, Джон (1859–1952) – представитель прагматизма, ведущий американский философ XX века.

Рассел, Бертран (1872–1970) – ведущий британский философ XX века, основоположник аналитической философии. Лауреат Нобелевской премии по литературе за книгу «Брак и мораль» (1929).

Хайдеггер, Мартин (1889–1976) – немецкий философ-экзистенциалист, автор трактата «Бытие и время» (1929).

Фуко, Мишель (1926–1984) – ведущий французский философ второй половины XX века. Автор работ «История безумия в классическую эпоху» (1961), «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) и др.

Секацкий, Александр Куприянович (род. 1958) – наиболее популярный современный российский философ, автор работ «Шпион и разведчик: инструменты философии», «Книга номада» и др.

Приложение В. Основные разделы философии и философские дисциплины

Аксиология – раздел философии, изучающий ценности.

Гносеология – учение о познании. Рассматривает основания познания и проблему истины.

История философии – философская дисциплина, предметом которой является возникновение и развитие философского знания.

Метафизика – учение о сверхчувственных (трансцендентных) основах и принципах бытия.

Методология – учение о методах, т.е. способах организации и построения деятельности человека.

Натурфилософия – философия природы.

Онтология – учение о сущем; раздел философии, описывающий мир.

Праксеология – учение о практике.

Практическая философия – традиционно выделяемый раздел философии, включающий этику и политику.

Социальная философия – раздел философии, описывающий специфику и динамику человеческого общества.

Телеология – учение о целесообразности мира, его целенаправленном развитии.

Теоретическая философия – традиционно выделяемый раздел философии, включающий логику и метафизику.

Феноменология – раздел философии, изучающий явленность мира в опыте.

Философия истории – осмысление исторического процесса в целом и методологических проблем исторического познания.

Философия культуры – исследование сущности и ценности культуры. Большое значение придается борьбе за культуру.

Философия науки (включая философию биологии, математики, физики и т.п.) – исследование структуры научного знания, средств и методов научного познания, способов обоснования и развития знания.

Философия образования – анализ оснований педагогической деятельности и образования, его целей и идеалов, методологии педагогического знания, методов проектирования и создания новых образовательных институций и систем.

Философия политики – анализ оснований, границ и возможностей политики, соотношения в ней объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и иррационального.

Философия права – философская дисциплина, исследующая ценность права, соотношение права и справедливости, права и закона, права и силы, а также философские проблемы юридических наук.

Философия религии – рассмотрение предлагаемых теми или иными религиями решений онтологических, этико-антропологических и социологических проблем.

Философия техники – область философских исследований, направленных на осмысление природы техники и оценку ее воздействий на общество, культуру и человека.

Философия языка – анализ взаимосвязи мышления и языка, конституирующей роли языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания.

Философская антропология – философия человека (человечества).

Философская компаративистика – область исследований, предметом которой является сопоставление различных философских культур.

Эпистемология – исследование знания (преимущественно научного), его структуры, функционирования и развития.

Эстетика – философская наука об искусстве и эстетическом отношении к действительности (прекрасное и безобразное и т.п.)

Этика – философская наука о морали и нравственности.

Приложение С.

Основные школы, направления и течения в философии

Агностицизм – учение о недостоверности знаний о вещах, находящихся вне опыта. К агностикам относят Юма и Канта, позитивистов.

Аналитическая философия – доминирующее направление в англо-американской философии XX в. Ориентирована на прояснение языка, строгость и точность терминологии; осторожно относится к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям.

Волюнтаризм (лат. *voluntas* – воля) – философское направление, центрированное вокруг понятия воли, феномен которой мыслится в качестве высшего принципа бытия.

Герменевтика – направление в философии, в котором понимание рассматривается как условие осмысления бытия; учение о понимании и интерпретации текстов и бытия.

Даосизм – учение о дао или «пути вещей». Основоположником Даосизма принято считать Лао-цзы.

Детерминизм – учение об определенности сущего, его обусловленности и необходимости. Детерминизм оппонирует индетерминизму.

Догматизм – способ мышления, твердо придерживающийся взглядов и принципов, которые воспринимаются как абсолютно истинные, неизменные. Догматизм противоположен скептицизму.

Досократики – древнегреческие философы раннего периода (6-5 вв. до н.э.), а также их преемники в 4 в. до н.э. Главный предмет размышлений досократиков – природа, космос. Досократиков подразделяют на представителей ионийской (милетской) школы с присущими ей эмпиризмом, акцентом на чувственное восприятие мира и италийское (пифагореизм и элеаты) направление, характеризующееся приоритетом рационально-логических начал, интересом к числовой структуре вещей.

Дуализм – ориентация на выделение в мире двух противоположных начал (например, духа и материи). Дуализм соотносится с монизмом и плюрализмом.

Идеализм – учения, ориентированные в интерпретации мироустройства на доминирование духовного. Впервые термин «идеализм» использован в 1702 г. Лейбницем при сравнении философии Платона с философией Эпикура как материализмом.

Идеализм объективный – онтологическая позиция, принимающая за начало мира объективно существующие идеи, личный («Я» Фихте) или безличный всеобщий дух (Гегель), мыслящие монады (Лейбниц) и др. Объективный идеализм противопоставляется субъективному идеализму.

Идеализм субъективный – сводит существование мира к его восприятию субъектом (буддизм, Д. Беркли).

Иррационализм – направление в эпистемологии, согласно которому определяющими факторами познания являются чувства, эмоции, воля, бессознательное.

Кинизм – течение в античной философии, основателем которого был Антисфен (ученик Сократа). Киники отвергали условности общества, проповедуя естественный (собачий) образ жизни. В современном мире трансформировался в опрошенчество и цинизм.

Материализм – онтологическая позиция, утверждающая первичность материального и вторичность духовного, идеального, что означает извечность, несотворенность мира, бесконечность его во времени и пространстве.

Марксизм – учение, создателями которого были К. Маркс и Ф. Энгельс. Ключевыми идеями марксизма является материалистическое понимание истории и учение об общественно-экономических формациях.

Милетская школа – школа древнегреческой философии, известная по названию античного города Милета.

Монизм – философское учение, которое принимает за основу всего существующего одно начало.

Нигилизм – акцентированное отрицание ценностей. По Ницше: «Что означает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою ценность, нет цели, нет ответа на вопрос «Зачем?»»

Номинализм – направление в схоластике, считавшее понятие лишь именем.

Перипатетическая школа – обозначение философской школы Аристотеля.

Персонализм – направление философии, акцентирующее неповторимость и максимальную ценность личности.

Пифагореизм – древнегреческая философская школа, которая существовала в 6-4 вв. до н.э., исходящая из того, что число является, во-первых, сущностью всех вещей и, во-вторых, принципом, который упорядочивает и организует Вселенную.

Позитивизм – восходящее к О. Конту течение философии, полагающее единственным источником истинного («положительного») знания эмпирические науки и отрицающее познавательную ценность метафизики.

Постмодернизм – современный тип философствования, дистанцирующийся от классической, но и от неклассической традиций Нового времени, от присущего этим традициям онто-тео-телео-фалло-фонологоцентризма.

Прагматизм – течение в американской философии в конце XIX – начале XX в. (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи). Согласно прагматизму, истинно то, что приводит к достижению цели, успеху и продвижению.

Рационализм (лат. *rationalis* – разумный) – эпистемологическая позиция, согласно которой всеобщность и необходимость – логические признаки достоверного знания – не могут быть выведены из опыта и его обобщений; они могут быть почерпнуты только из самого ума либо из понятий, присущих уму от рождения, либо понятий, существующих в виде задатков, predispositions ума. Родоначальник рационализма – Р. Декарт. Рационализм оппонирует эмпиризму.

Реализм (лат. *realis* – действительный, вещественный) – направление в средневековой схоластике, утверждавшее, что общие понятия (универсалии) имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей.

Релятивизм (от лат. *relativus* – относительный) – установка на абсолютизацию относительности и условности содержания познания.

Космизм – направление философии, рассматривающее человечество как космопланетарный фактор (учение В.И. Вернадского о ноосфере, философия всеединства В.С. Соловьева, философия общего дела Н.Ф. Федорова и др.)

Сенсуализм – эпистемологическая позиция, признающее ощущения единственным и достоверным источником познания.

Скептицизм – философская концепция, утверждающая относительность истины. Призывает безразлично и невозмутимо относиться ко всему – скептицизм. Скептицизм оппонирует догматизму.

Солипсизм (лат. *solus ipse* – только сам) – онтологическая установка, сквозь призму которой весь мир видится произведением сознания (Я), которое – единственное, что дано несомненно, во всякое время тут.

Софистика – учение представителей сложившейся в Афинах во второй половине 5 в. до н.э. школы софистов, платных учителей ораторского искусства. Их внимание привлекали логические уловки, основанные на внешнем сходстве явлений, на том, что событие извлекается из общей связи событий, на многозначности слов, на подмене понятий.

Стоицизм – школа античной философии, наиболее известными представителями которой являются Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий. Согласно стоикам, необходимо освободиться от страстей, жить, повинаясь природе, необходимости и разуму. Стоик мужественно переносит все невзгоды жизни и удары судьбы.

Схоластика – средневековая «школьная философия», представители которой – схоласты – стремились рационально обосновать и систематизировать учения авторитетных учителей и текстов.

Фатализм – мировоззрение, рассматривающее каждое событие и каждый поступок как неотвратимую реализацию изначального предопределения, исключающего свободный выбор и случайность.

Феноменализм – учение, согласно которому познание имеет дело не с объектами материального мира, существующими независимо от сознания, а лишь с совокупностью элементарных чувственных компонентов (ощущений, «чувственных данных», сенсбилий и т. п.).

Фикционализм – философская ориентация, считающая человеческое познание системой фикций, практически оправданных, но не имеющих теоретического значения.

Экзистенциализм – течение философии, описывающее ситуацию человеческого существования в мире («заброшенность в мир», случайность нашего присутствия, фактичность, конечность, темпоральность, трансцендирование, «направленность на...», «не-знание» и др.)

Эклектика – смешение различных, зачастую противоположных точек зрения философских взглядов, теоретических посылок, оценок и т.п.

Элейская школа – древнегреческая школа кон. 6– 5 вв. до н. э., в которую входили Парменид, Зенон Элейский и Мелисс Самосский. Полагая, что чувства дают ложные мнения, стремились постичь истину путём умозаключений, исходя из тождественности мыслимого и сущего.

Эмпиризм – эпистемологическая позиция, признающая чувственный опыт единственным источником знания, утверждающее, что все знание обосновывается в опыте и посредством опыта. Родоначальник эмпиризма – Ф. Бэкон. Эмпиризм оппонирует рационализму.

Эссенциализм – представление о том, что для познания предмета необходимо выявить его сущность, заключающуюся в строго определенных параметрах.

Приложение D. Глоссарий

Абсолютная идея – подлинно сущее в философии Гегеля. На первом ступени самораскрытия абсолютная идея предстает в виде «идеи-в-себе»; на второй ступени – в своем инобытии и отчуждении как природа; на третьей ступени – абсолютный дух, «идея-в-себе-и-для-себя»

Абсолютное и относительное – парные категории аксиологии. Абсолютное – самосущее, существующее изначально, «по природе», «само по себе». Относительное – существующее в отношении, зависящее от другого или относящееся к другому.

Абсурд – нелепость, бессмысленность феномена или явления. Понятие абсурда используется в экзистенциализме.

Акциденция – преходящее, несущественное, изменчивое, случайное свойство вещи (в отличие от существенного, субстанциального), которое может быть элиминировано без изменения сути вещи.

Анамнесис – идея-метафора философии Платона, согласно которой познание предметов трактуется как процесс припоминания идей, созерцавшихся душой до своего воплощения в земное тело.

Антиномия – противоречие в законе или противоречие закона самому себе; ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование; противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково верными; противоречие двух законов. Пример семантической антиномии: «Лжец» (Евбулид из Милета).

Апатия (от греч. *apatheia* – отсутствие страданий, бесстрастие) – способность мудреца-стоика, не испытывать радости оттого, что вызывает наслаждение у обычных людей, и не страдать от того, что страшит обычного человека.

Апейрон – понятие древнегреческой философии, обозначающее «бес-предельное». Анаксимандр предпочел апейрон как абстрактное первоначало, отказавшись от выделения в качестве первоначала конкретных стихий.

Априори – знание, полученное независимо от опыта, присущее сознанию изначально. Априорное знание противоположно апостериорному.

Апостериори – знание, полученное из опыта, в противоположность a priori (доопытному знанию).

Архе – термин древнегреческой философии, означавший первоначало, первопричину, принцип.

Атараксия – состояние душевного покоя, невозмутимости, к которому, согласно эпикурейцам, должен стремиться человек, в особенности мудрец.

Атрибут – неотъемлемое свойство субстанции, без которого она не может ни существовать, ни мыслиться.

Верификация – процедура установления истинности гипотезы на основе соответствия эмпирическим данным (прямая или непосредственная верификация) или теоретическим положениям, соответствующим эмпирическим данным (косвенная верификация). Принцип верификации соотносится с принципом фальсификации.

«Вещь в себе» – понятие философии Канта, обозначающее вещи как они существуют вне нас, сами по себе (в себе), в отличие от того, какими они являются для нас.

Возможность и действительность – модальные характеристики бытия, выражающие, с одной стороны, тенденцию становления, с другой – ставшую реальность.

Воля – саморегуляции деятельности, обеспечивающая ориентацию на объективированную экстериорную цель и концентрацию усилий на достижении последней.

Врожденные идеи – понятия, которые изначально присущи мышлению и получают свое развитие в процессе чувственного постижения. По

мнению Платона, познание есть «припоминание идей», созерцавшихся душой до рождения мире эйдосов.

Глобальные проблемы современности – проблемы человечества, от решения которых зависит его будущее. К глобальным проблемам относят: предотвращение термоядерной войны; ликвидация голода, нищеты и неграмотности; предотвращение загрязнения окружающей среды; обеспечение человечества сырьем и продовольствием; освоение океана и космического пространства и др.

Дао – путь; то, что, не имея ни имени, ни формы, будучи вечно единым, неизменным; являясь недоступным для постижения, но совершенным; находясь в состоянии покоя и неизбывного движения, выступая первопричиной всех изменений, – является «матерью всех вещей», «корнем всего».

Демиург – субъект миротворения в ранне-натурфилософских космогониях (например, «нус» у Анаксагора).

Движение – тождество бытия и небытия: изменение вообще, всякое взаимодействие объектов и смена их состояний.

Диалектика – достижение истины путем столкновения противоборствующих мнений; учение о противоречии в его развитии.

Идентичность – тождественность, соотнесенность чего-либо («имеющего бытие») с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости.

Идея (эйдос) – регулятивный принцип, мысленный прообраз вещи. По Платону, вещи существуют благодаря идеям, и идеи являются их образцами.

Имманентный – свойство, внутренне присущее предмету; то, что пребывает в самом себе, не переходя в нечто чуждое, не трансцендируя.

Интенциональность – понятие феноменологии Гуссерля, фиксирующее сознание в его изначальной отнесенности к предметности, т.е. как «сознание о...».

Интуиция – способность постижения истины путем ее прямого, непосредственного усмотрения без доказательств с помощью опыта и разума.

Категории – предельно общее понятие, не имеющее более общего, родового понятия.

Каузальность – причинность; необходимая генетическая связь явлений, из которых одно (причина) обуславливает другое (следствие).

Концептуализм – умеренное направление номинализма, предусматривающее при этом наличие реально существующих общих признаков единичных предметов в качестве основания для объединения их в класс, фиксируемый в общем понятии.

Майевтика (греч. – повивальное искусство) – метод Сократа извлекать скрытое в человеке знание с помощью искусных наводящих вопросов. Согласно Сократу, душа не в состоянии постичь истину, если только она ею «не беременна».

Материя – субстанция, обладающую статусом первоначала (объективной реальностью) по отношению к сознанию (субъективной реальности).

Мера – количественная определенность, в пределах которой сохраняется некоторое качество; единство количества и качества.

Мировоззрение – совокупность взглядов и подходов, целей и оценок, определяющих отношение к миру.

Модус – модификация субстанции.

Парадокс (греч. – неожиданный, странный, кажусь) – высказывание, противоречащее общепринятому мнению.

Причина и следствие – категории, фиксирующие генетическую связь между явлениями, при которой одно явление (причина) своим действием вызывает (порождает) другое явление – следствие.

Развитие – закономерное качественное изменение, характеризующееся как необратимое и направленное.

Рациональное – относящееся к разуму (рассудку), установленное и обоснованное им, проистекающее из него, доступное его пониманию.

Редукция – методологический приём сведения сложного, к более простым, исходным началам.

Рефлексия – тип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок, требующий обращения сознания на себя.

Репрезентация – представление одного в другом и посредством другого.

Свобода воли – способность человека к самоопределению в своих действиях.

Свойство – сторона предмета, обнаруживающаяся в его отношении к другим предметам.

Система – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство.

Скачок – процесс перехода количественных изменений в качественные, начинающийся по достижении изменяющимся объектом границы меры.

Снятие – преобразование, в котором наличные формы или принципы устраняются, отрицаются, но вместе с тем сохраняют, удерживают своё значение как подчинённые моменты новой целостности или системы

Спекуляция – умозрительное построение, пытающееся с помощью одной рефлексии, без обращения к опыту создать общую картину мира.

Структура – внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами.

Субстанция – реальность в аспекте внутреннего единства всех форм ее саморазвития, всего многообразия ее модусов.

Субстрат – общая основа явлений; нижний, фундаментальный слой реальности

Субъект и объект – активный и пассивный аспекты движущегося бытия

Сущность – то, что проявляется в явлении в зависимости от тех или иных обстоятельств.

Теория – система обобщенного достоверного знания о том или ином фрагменте действительности, которая описывает, объясняет и предсказывает функционирование определенной совокупности составляющих его объектов.

Умозрение – философское мышление, абстрагирующееся от чувственного опыта, конструирующее онтологию из исходных категорий или интуитивно

Утопия – тип мировоззрения, описывающий мир в его идеальном, должном состоянии.

Фальсификация – процедура, устанавливающая ложность гипотезы посредством эмпирической проверки или проверки на соответствие принятым фундаментальным теориям.

Экзистенция – выступать, выходить, обнаруживать себя, существовать, возникать, показываться, становиться, делаться) – конкретное бытие; существования несамодостаточное, незавершенное, не совпадающее со своей сущностью. В экзистенциализме экзистенция – это человеческое существование в его конкретных ситуациях (страх, тошнота, забота и др.).

Элементы – в античной философии четыре первоначальных вещества (земля, вода, огонь, воздух) и как пятый элемент (quinta essentia) – ноль либо эфир. В настоящее время под элементами подразумеваются составные части сложного целого.

Эпохе – в античном скептицизме такое состояние ума, при котором ничего не отрицается и ничего не утверждается; воздержание от суждения.

Я – рефлексивно осознанная самотождественность индивида.

Приложение Е. Основные законы философии

БУДДА

Закон взаимозависимого возникновения: *«Когда есть это, появляется и то; при возникновении этого возникает и то. Когда нет этого, не возникает и то; при исчезновении этого исчезает и то.»*

В «Сутре рисового ростка» поясняется: Чтобы растение выросло, требуется наличие семени. Но семени самого по себе недостаточно; необходимо, чтобы оно было помещено в достаточно плодородную почву, регулярно поливалось и т.д. В этом примере растение соответствует плоду, семя – причине, а почва, вода и т.д. – условиям. Лишь когда причина и полный набор соответствующих условий сходятся вместе, возникает плод – растение.

АРИСТОТЕЛЬ

Закон бытия. Упоминая учение Гераклита о том, что одна и та же вещь и существует, и не существует, Аристотель утверждает: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время и в одном и том же отношении и было и не было присуще одному и тому же». «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было» («Метафизика»).

Общий закон природы: «И во всем, что, будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное ... [Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим» («Политика»).

ЛЕЙБНИЦ – ГЕГЕЛЬ

Закон разности: «Не существует двух вещей, из которых одна была бы в точности такая, как и другая».

Гегель комментировал: «Разность тоже превратили в закон. Этот закон гласит: «Все различно» или: «Нет двух вещей, которые были бы совершенно одинаковы». Рассказывают, что когда Лейбниц высказал однажды при дворе закон разности, то придворные кавалеры и дамы, гуляя по саду, старались отыскать два одинаковых листа, чтобы, показав их, опровергнуть высказанный философом закон мышления».

Закон достаточного основания: «...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым, – без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе...»

В интерпретации Гегеля, закон основания гласит: «Все имеет свое достаточное *основание*», т. е. истинная сущность нечто не состоит ни в определении нечто как тождественного с собой, ни в его определении как различного, ни в его определении как только положительного или только отрицательного, а состоит в том, что нечто имеет свое бытие в некоем другом, которое как его тождественное-с-собой есть его сущность. Последняя есть также не абстрактная рефлексия *в самое себя*, а рефлексия *в другое*. Основание есть *в самой себе* сущая сущность, сущность есть существенным образом основание, и она есть основание лишь постольку, поскольку она есть основание нечто, основание некоего другого».

Закон непрерывности (lex continui): «Существует тесная связь между людьми и животными, между животными и растениями и, наконец, между растениями и ископаемыми; ископаемые же в свою очередь находятся в теснейшей связи с телами, которые нашим чувствам и воображению кажутся мертвыми и бесформенными. Закон непрерывности требует, чтобы *и все особенности одного существа были подобны особенностям другого, если только существенные определения первого подобны существенным определениям второго*. Закономерность естественных явлений, таким образом, образует не

что иное, как такую цепь, в которой различные роды явлений настолько тесно связаны, что ни чувственным восприятием, ни воображением невозможно точно установить тот самый момент, когда одно кончается и начинается другое; ибо все промежуточные виды, т. е. виды, лежащие вокруг точек перегиба и возврата, должны иметь двоякое значение, характеризуясь такими признаками, которые с одинаковым правом можно было бы отнести как к одному, так и к другому из этих смежных видов» (Лейбниц «О принципе непрерывности»).

ЛОМОНОСОВ

Закон сохранения материи и движения: «...Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимется у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования, и т.д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому».

ЮМ

Закон амбивалентности ценности: «Чем изысканнее благо, даруемое нам в незначительном размере, тем чувствительнее сопровождающее его зло, и этот единообразный закон природы допускает лишь немногие исключения. Самый блестящий ум граничит с помешательством; высшие проявления радости порождают глубочайшую меланхолию; наиболее упоительные наслаждения сопровождаются крайней усталостью и отвращением; наиболее обольстительные надежды уступают место серьезнейшим разочарованиям. И вообще ничто не дает такого спокойствия (ибо о счастье нечего и мечтать), как умеренный и воздержанный образ жизни, т.е. соблюдение по мере возможности во всем середины, и нечто вроде бесчувственности».

ФИХТЕ

Закон целого: части сосуществуют в целом и ради целого и не существуют вне его.

СПЕНСЕР

Закон наименьшего сопротивления: «Размножение в благоприятных местностях какого-нибудь животного или растительного рода есть рост в том направлении, в котором противодействующие силы слабее. И сохранение разновидностей, которые лучше своих сородичей преуспевают в борьбе с окружающей условиями, есть продолжение жизненного движения в тех направлениях, в которых препятствия наиболее устранены ... Если рассматривать общество как организм, то мы увидим, что его рост происходит в том направлении, которому, в среднем, силы противодействуют наименее».

ЭНГЕЛЬС

Закон единства и борьбы противоположностей: развитие осуществляется путем раздвоения единого на взаимоисключающие, противоположные моменты, стороны и тенденции, взаимоотношение которых, с одной стороны, характеризует ту или иную систему как нечто целое и качественно определенное, а с другой – составляет внутренний импульс ее изменения, развития, превращения в новое качество. Взаимоотношение противоположностей в составе единого целого выступает как диалектическое противоречие.

Закон перехода количественных изменений в качественные: количественные изменения при определенных условиях приводят к качественным изменениям. Согласно этому закону, изменение качества (специфики, природы) данной вещи или явления, т.е. переход, или скачок, от старого качества к новому совершается тогда, когда накопление количеств. изменений достигает определ. величины, или границы меры.

Закон отрицания отрицания: каждая последующая ступень развития отрицает предшествующую ступень, но отрицанием самого этого отрицания

на новой ступени и в новом качестве воспроизводит в изменившемся предмете некоторые свойства и качества ступени, подвергшейся отрицанию ранее. Закон иллюстрируется раскручивающейся спиралью.

ПИРС

Закон роста разума: «Первый и фундаментальный закон ментального действия состоит в тенденции к обобщению. Чувство стремится распространиться; связи между чувствами пробуждают чувства; соседствующие чувства ассимилируются, а идеи склонны воспроизводить себя.... Идеи склонны распространяться непрерывно и влиять на определенные другие идеи, находящиеся к ним в особом отношении претерпевания воздействия. При этом распространении они утрачивают интенсивность, в особенности же – силу влияния на другие, однако приобретают обобщенность и сливаются с другими идеями».

ГУССЕРЛЬ

Сущностный закон: «...Существование вещи не требуется данностью с необходимостью, – оно в известном отношении всегда случайно. Этим подразумевается следующее: всегда может быть так, что дальнейшее протекание опыта вынудит отказаться от того, что было положено по праву опыта. Тогда приходится задним числом говорить: это была только иллюзия, галлюцинация, связанный сон, и только. Затем сюда привходит еще и то, что в таком кругу данностей в качестве постоянно открытой возможности имеется еще и такое – изменчивость постигнутости, обращение явления в иное, какое не совместить единогласно с первым, а вместе с тем и влияние, какое оказывают позднейшие опытные полагания на более ранние, в силу чего интенциональные предметы этих более поздних полаганий задним числом так сказать перестраиваются – вот сплошь происшествия, какие сущностно исключены в сфере переживания»

КОНТ

Закон трех стадий: Человечество, любая из наук и отдельный человек в своем умственном развитии и социальной организации последовательно проходят 3 стадии: «теологическую, или фиктивную», «метафизическую, или абстрактную», и «позитивную, или реальную».

ВУНДТ

Закон гетерогонии целей: «Воля всегда проявляется так, что результаты поступков более или менее далеко выходят за пределы первоначальных мотивов воли; благодаря этому, возникают для будущих поступков новые мотивы, которые, в свою очередь, производят неожиданные результаты с подобными же последствиями».

РАССЕЛ

Каузальный закон: при достаточных данных об определенных областях пространства-времени можно сделать какой-то вывод о других областях пространства и времени.

Высший моральный закон: Поступай так, чтобы производить гармоничные, а не противоречивые желания.

ИНЫЕ ЗАКОНЫ

Закон кармы: праведные или неправедные действия человека определяют в череде перерождений его судьбу, испытываемые им страдания или наслаждения.

Системно-периодический закон: периодическое повторение свойств в рядах систем одного иерархического уровня.

Системно-генетический закон: онтогенез системы является коротким и быстрым повторением (рекапитуляцией) важнейших этапов ее филогенеза.

Закон сохранения искажений: Каждая система перспективы содержит свои неизбежные ошибки изображения. Суммарная ошибка при передаче изображения для любой системы перспективы оказывается практически одной и той же. В силу неизбежности ошибок в изображении целесообразно вводить в него необходимые искажения.

Закон постепенного расширения поля зрения: Горизонт первоначально узок и переоценивает близлежащее. Историческая подвижность ведет к смещению горизонтов, что позволяет преодолеть связанность мышления и постепенно расширять поле зрения.

Приложение F. Популярная философская литература.

1. Лао-цзы. «Дао дэ цзин».
2. Платон. «Критий».
3. Аристотель. «Никомахова этика».
4. Сенека Л.А. «Нравственные письма к Луцилию».
5. Плутарх. «Моралии».
6. Августин Аврелий. «Исповедь».
7. Боэций. «Утешение философией».
8. Эразм Роттердамский. «Разговоры запросто».
9. Бэкон Ф. «Новая Атлантида».
10. Вольтер. «Задиг».
11. Руссо Ж.Ж. «Исповедь».
12. Монтень М. «Опыты».
13. Шопенгауэр А. «Афоризмы житейской мудрости».
14. Вивекананда С. «Карма-йога».
15. Федоров Н.Ф. «Философия общего дела».
16. Ортега-и-Гассет Х. «Восстание масс».
17. Дьюи Д. «Общество и его проблемы»
18. Тоффлер Э. «Футурошок»
19. Бодрийяр Ж. «Символический обмен и смерть».
20. Гачев Г. «Осень с Кантом».

Тюгашев Евгений Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права юридического факультета Новосибирского государственного университета. Автор и соавтор монографий «Философия Севера» (2006), «Феномен философии» (2008), «Монгольский мир» (2014) и др., а также учебного пособия «Семьеведение» (2005) и учебника «Современная мировая философия» (2013).